

ФИННО- УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

№ 1 (69) 2025

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 1 (69) 2025

Научный журнал

Основан в феврале 1994 г.

ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при
Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук,
директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акишков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук,
зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент
РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ
Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный
сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок
(г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследователь-
ского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследова-
тельного института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордо-
вия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета
(г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной
истории историко-филологического факультета Марийского государственного
университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-
угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачонь-
томай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багисhevна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2025

© Авторы статей, 2025

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 1 (69) 2025

Scientific journal

The journal is founded in 1994 (February).

ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government
of the Republic of Mari El “V.M. Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History”,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Mari State University”

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute,
Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the
Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of
the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at
the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the
Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian
Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities
affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History
Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa
(Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of
Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language,
Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaeu R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Иванов В.А.</i> Изобразительная лексика в текстах загадок финно-угорских народов.....	7
<i>Максимов С.А.</i> Номинация мастей лошади в бесермянском языке: названия-цветообозначения и названия по отдельным внешним признакам ...	24
<i>Попова Э.Н.</i> Семантические особенности соединительных союзов коми-пермяцкого языка	36

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бояринова Г.Н.</i> В. Абукаев-Эмгакын драматургийже: поэтике йодыш	49
<i>Чикина Н.В.</i> Этнические и культурные границы детской литературы Карелии	66

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

<i>Леонтьев А.П.</i> К биографии профессора И.Н. Смирнова	80
<i>Петров О.М.</i> Марийская пресса на переломе эпох: история газеты «Совет умландарымаш» в 1919–1921-е годы	96

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Молотова Т.Л.</i> Вклад Т.А. Крюковой в исследование культуры марийского народа	110
<i>Свечников С.К.</i> Слово об ученом (к 90-летию профессора К.Н. Санукова)	118

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бигуаа В.А. Рец.:</i> Поэтика литератур народов Урало-Поволжья: коллективная монография / под ред. М.И. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2024. 304 с. ...	124
<i>Камитова А.В.</i> Художественная словесность народа мари: страницы истории. Рец.: Федосеева Н.А. Писатель и слово. Марийский литературный процесс первой половины XX века / Н.А. Федосеева. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2024. 190 с.	128
<i>Нуриева И.М.</i> Музыкальные реликвии мордовского народного искусства. Рец.: Бояркин Н.И., Бояркина Л.Б. Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 500 с. ..	132

ХРОНИКА

<i>Акилбаев А.В.</i> Круглый стол «Достижения и перспективы археологии в Республике Марий Эл» (к 85-летию со дня рождения Валерия Валентиновича Никитина)	13
<i>Акишков А.Г.</i> Научная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки.....	139

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Ivanov V.A. Sound iconic words in the texts of riddles of Finno-Ugric peoples	7
Maksimov S.A. Nomination of horse coat colors in the Besermyan language: color names designations and names based on individual external features	24
Popova e.N. Semantic features of coordinating conjunctions in the Komi-Permyak language.....	36

LITERATURE STUDIES

Boyarinova G.N. Dramaturgy of V. Abukaev-Emgak: questions of poetics	49
Chikina N.V. Ethnic and cultural boundaries of the children's literature of Karelia	66

HISTORY AND ETHNOLOGY

Leontyev A.P. Biography of Professor Ivan N. Smirnov	80
Petrov O.M. The Mari press at the turn of the century: the history of the newspaper "Soviet Umlandarymash" in 1919-1921.....	96

PERSONALIA

Molotova T.L. T.A. Kryukova's contribution to the study of the culture of the Mari people	110
Svechnikov S.K. About the scientist (to the anniversary of Professor K.N. Sanukov)	118

BOOK REVIEWS

Biguaa V.A. Review: Poetics of literatures of the peoples of the Volga-Ural region: a collective monograph / edited by M.I. Ibragimov. Kazan: ILLH, 2024. 304 p.	124
Kamitova A.V. Artistic literature of the Mari: pages of history. Review: Fedoseeva N.A. A writer and a word. Mari literary process of the first half of the 20th century / N.A. Fedoseeva. Yoshkar-Ola: "Mari Publishing House", 2024. 190 p.	128
Nurieva I.M. Musical relics of Mordvin folk art. Review: Boyarkin N.I., Boyrkina L.B. Mordvin musical epic. Field research. Saransk: Mordovia State University, 2024. 500 p.	132

CHRONICLE

Akilbaev A.V. Round table "Achievements and prospects of archeology in the Republic of Mari El" (to the 85th anniversary of the birth of Valeriy Valentinovich Nikitin)	136
Akshikov A.G. Scientific session dedicated to the Day of Russian Science "Current state and prospects of development of the humanities"	139

СТАТЬИ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.1: 81'373.4

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-7-23

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ ЗАГАДОК ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

© 2025 г. В.А. Иванов

Введение. Предметом статьи является использование изобразительной лексики в загадках финно-угорских народов. Приводится определение изобразительной лексики, обсуждаются её категориальные характеристики. Рассматривается место загадки среди других фольклорных жанров. **Цель статьи** – выявить особенности функционирования изобразительной лексики в текстах финно-угорских загадок. **Материалы и методы.** Материалом послужили тексты загадок на разных финно-угорских языках, извлеченные из фольклорных сборников методом сплошной выборки, а также данные словарей и полевые материалы автора. **Результаты исследования, обсуждение.** Загаданное явление кодируется в загадке посредством семантической трансформации: обычно это иносказательное описание, но в ряде случаев для кодирования используются изобразительные средства – слова, изображающие связанные с отгадкой явления. Изобразительные слова предоставляют широкие возможности для кодирования загаданного явления – от прямой имитации до передачи звуковых, визуальных, двигательных, тактильных и иных образов, непосредственно или опосредованно связанных с отгадкой. Эта связь помогает отгадывающему «декодировать» загадку и найти ответ. **Заключение.** Изобразительная лексика в загадках широко используется в своих основных функциях (изобразительной, экспрессивной), передаёт образы, сопряжённые с загаданным явлением. В то же время она выполняет специфическую функцию: кодирует отгадку (но не описательным, а изобразительным образом) и вместе с тем даёт подсказку отгадывающему.

Ключевые слова: финно-угорские языки; фольклор; загадки; изобразительные слова; звукоподражания; идеофоны.

Введение

В финно-угорских языках выделяется лексическая группа, которую традиционно называют изобразительными словами. Согласно определению С.В. Воронина, это слова с произвольной, мотивированной связью между внешней формой слова и признаками денотата, лежащими в основе номинации [1982, с. 166] (термины «изобразительный» и «звукоизобразительный» в рамках данной статьи понимаются как синонимы). Под это определение попадают такие категории, как идеофоны (традиционно в финно-угроведении: наречно-изобразительные слова), ономатопы (звукоподражания), междометия и некоторые другие. Слова всех этих категорий объединяет то, что они передают (изображают, имитируют) различные образы, связанные с предметами, действиями, ситуациями и т.п. По своей семантике они могут быть связаны со звуковыми, визуальными, моторными, тактильными характеристиками различных явлений действительности. С точки зрения формы изобразительные слова характеризуются аномальностью, благодаря чему приметны в речи и легко опознаются на фоне обычных слов. Изобразительная лексика финно-угорских языков подробно рассматривалась в обобщающем исследовании В.А. Иванова [2022].

Категориальными характеристиками изобразительных слов являются мотивированность (произвольность) и экспрессивность (эмоциональность, оценочность) [Иванов, 2022, с. 38–52]. Именно эти характеристики, по-видимому, определяют употребительность таких слов и их функции в фольклорных текстах [Иванов, 2016; Иванов, 2018]. Мотивированность обеспечивает более непосредственную связь с внеязыковым явлением, позволяет точнее передать соответствующий образ. Использование изобразительного слова даёт адресату сигнал об экспрессивном, субъективно-оценочном восприятии говорящим явления, о котором идёт речь.

Разные группы изобразительных слов исследуются на материале разных жанров фольклора, от эпоса [Ягафарова, 2023; Nasiridinova, 2023] до малых форм [Иванов, 2016; 2018; Кумаева, 2012; 2015; 2017]. Помимо основной (экспрессивной) функции для каждого жанра характерны особые – определяемые самим этим жанром – функции изобразительной лексики [Иванов, 2016, с. 175]. Загадки финно-угорских народов подробно с данной точки зрения ещё не исследовались.

Загадки имеют много общих черт с такими малыми жанрами фольклора, как пословицы и поговорки, вместе с ними входят в паремиологический фонд и часто изучаются совместно [Пермяков, 1975, с. 247–274]; в то же время они имеют и свою специфику. Во-первых, в ситуации загадывания всегда участвуют, как минимум, двое; при этом цель у загадывающего двойственная: необходимо, с одной стороны, нетривиальным образом закодировать отгадку,

с другой стороны, обеспечить партнёру возможность для разгадывания. Во-вторых, в отличие от пословиц и поговорок, представляющих «типические ситуации» [Пермяков, 1970, с. 63], загадки «являются знаками отдельных вещей», иначе говоря, предполагают, что отгадывающий должен предъявить название какого-либо конкретного явления (предмета, действия и т.д.) [Там же, с. 77].

Как показывают исследования (см., например, [Люблинская, 2022]), загадывание загадок утрачивает (или утратило) сакрально-обрядовую функцию, приобретает развлекательный и развивающий характер, переориентируется прежде всего на детскую аудиторию. При этом академический интерес к этому жанру в последнее время не ослабевает [Люблинская, 2022; Потпот, 2021; Тарлина, 2024; Юрина, 2023; Khudobina, Andreeva, 2021; Shesterkina, Vaganova, 2020; Vargha, 2022; Litovkina et al., 2022]. Не в последнюю очередь этот интерес связан с отражением в загадках картины мира народа [Юрина, 2023]. В то же время фольклорные тексты представляют собой ценный материал, на котором раскрываются свойства различных языковых явлений. В частности, актуальным представляется исследование изобразительной лексики на материале загадок финно-угорских народов.

Цель статьи – выявить особенности функционирования изобразительных слов в загадках. Для этого мы рассмотрим соответствующие фольклорные тексты, проанализируем распространение в них изобразительной лексики. Особый интерес представляют такие тематические группы загадок, которые содержат не единичные, а множественные, повторяющиеся от языка к языку примеры употребления изобразительных слов. Установим, какие образы передаются изобразительными словами в данных текстах, как эти образы могут быть связаны с загаданными явлениями. Наконец, мы покажем, что изобразительная лексика играет в семантической структуре загадок значительную роль.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили, прежде всего, тексты загадок на финно-угорских языках: удмуртском, коми-зырянском, коми-пермяцком, мокшанском, луговом марийском, хантыйском (казымский диалект), мансийском, карельском. Тексты, в которых встречаются интересующие нас лексические единицы, извлечены методом сплошной выборки из фольклорных сборников [Бойко и др., 2010; Китиков, 1967; Лавонен, 1977; Нёмысова, Каюкова, 2007; Перевозчикова, 1982; Плесовский, 1975; Самородов, 1987; Слинкина, 2002], а также из специальных работ. Тексты и переводы, если не указано иное, приводятся по источнику. Ключевые элементы текстов (прежде всего, изобразительные слова) выделяются полужирным шрифтом.

В отдельных случаях тексты обсуждались с носителями соответствующих языков, в том числе в рамках полевых исследований этих языков: мокшанского

(центральный диалект, село Лесное Цибаево, Темниковский район, Республика Мордовия, 2013–2015 годы), удмуртского (бесермянский диалект, деревня Шамардан, Юкаменский район, Удмуртская Республика, 2011–2024 годы). Это позволило оценить загадки с точки зрения их «разгадываемости», а также уточнить интерпретацию изобразительных слов в отдельных текстах.

Для анализа лексики привлекались данные словарей финно-угорских языков, а также материалы полевых исследований автора.

В ходе исследования использовались методы полевой и сравнительно-сопоставительной лингвистики, структурно-семантического анализа.

Результаты исследования, обсуждение

Семантическая структура загадки многократно исследовалась: см., например, фундаментальные работы А.Н. Журина и Ю.И. Левина [Журинский, 1989; Левин, 1978], а также ряд работ по более частным вопросам [Потпот, 2021; Хелимский, 1994; Юрина, 2023; Khudobina, Andreeva, 2021] и др. В важнейших своих аспектах загадка может быть определена как текст, описывающий некоторое явление, в самом тексте явно не названное; чаще всего такое описание является неполным и (или) искажённым (трансформированным) [Левин, 1978, с. 283–284]. Достаточно часто встречается следующее преобразование (трансформация): отдельная характеристика (или же несколько) загаданного явления представляется в загадке в виде явного, иносказательного или иным образом закодированного *описания*. Механизмы такого преобразования исследовались и исследуются достаточно подробно (см. ссылки выше). При этом от исследователей обычно ускользает тот факт, что кроме *описательного* компонента в загадке может присутствовать также *изобразительный* компонент – более того, он может играть ключевую роль в создании образа, связанного с загаданным явлением.

Примером чисто изобразительных загадок могут служить жестовые загадки, встречающиеся в разных культурах. Жесты могут сопровождать текст, но встречаются также загадки исключительно жестовые, например: хант. каз. *Амамэтисем! Ёш нух шашла, хөләм күтәп лүй ил менләман па и туй пау па вушпа лүй пила вой пөрләты щира шайлайәт (Хөләх)* ‘Моя загадка! Показывают приподнятую руку с тремя согнутыми средними и прямыми большим пальцем и мизинцем, имитируя полёт птицы (Ворон)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 38]. Этот текст представляет собой, по сути, не саму загадку, а инструкцию для загадывающего: как загадать загадку о вороне посредством одних только жестов. Все жесты здесь имеют ярко выраженный изобразительный характер.

На изобразительных жестах построена следующая загадка: удм. *Шая-мая вот такая, шунты-бунты вот такая, триньты-бриньты вот такая (Кобы, ошонэз но нырыз)* ‘Шая-мая вот такая (показывают кулак), шунты-бунты вот такая (показывают часть руки до локтя), триньты-бриньты вот такая (показы-

вают загнутый крючком палец) (Ковш, его ручка и нос)’ [Перевозчикова, 1982, с. 103]. Здесь жесты сопровождаются текстом, однако этот текст состоит из русскоязычного включения (*вот такая*) и ряда «непонятных» слов: несмотря на некоторое внешнее сходство, эти слова не являются конвенциональными звукоизображениями и относятся скорее к зауми.

Встречаются также загадки, построенные на звуковом жесте: хант. каз. *Ptu! // Tpu! // Tpu! (Jeŕstan)* ‘Тьфу! (Точильный брусок)’ [Хелимский, 1994, с. 258]; манс. *Ам а́мицум: Тьфу! (Jěстан)* ‘Моя загадка: Тьфу! (Точильный брусок)’ [Кумаева, 2015, с. 63]. Очевидно, речь идёт о звуковом жесте, изображающем плевок, ср. комментарий к мансийской загадке: «При заточке мужчина делает слегка мокрым лезвие, плюнув на него, это действие помогает быстрее и лучше сделать острым точимый предмет» [Там же]. На письме звуковой жест передаётся звукоподражательным словом.

Звукоподражание может играть вспомогательную роль, лишь сопровождая соответствующий жест: хант. каз. *Амамэтицём! И-их! (Пе́лнайэн пурла)* ‘Моя загадка! И-их! (Комар кусает)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 82]. Эта загадка представлена в разделе «Загадки для самых маленьких». Здесь, по-видимому, загадывание сопровождается жестом, изображающим укусы комара.

В следующей загадке звукоподражание связано с падением кедровой шишки: хант. каз. *Амамэтицём! Пок! (Нохэр рэкнэс)* ‘Моя загадка! Пок! (Шишка упала)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 84]. Подобную загадку нам приходилось слышать непосредственно от носителей языка. Поскольку она построена на звукоподражании, ханты с удовольствием загадывают её даже тем, кто не знает хантыйского языка; при этом для отгадки необходимо, конечно, иметь представление о соответствующих реалиях: хант. каз. *Тук-тук! Пок! (Кедровую шишку сбивают, она падает)*. Посредством звукоподражаний здесь кодируется вся ситуация сбора кедровых шишек: по стволу кедра ударяют специальным инструментом (колот, барец), от чего спелые шишки падают вниз. По нашим наблюдениям, загадка сопровождается активной изобразительной жестикуляцией.

Звукоподражание может не только сопровождать жестикуляцию, но также играть в загадке самостоятельную роль; в этом случае оно изображает звучание, каким-то образом связанное с загаданным явлением: манс. *Ам а́мицум-бэ! Щирхьх-вёрхых. Ханьщелы́н! Ты ма́ныр? (Ты а́ви пуссаве, пантсаве)* ‘Моя загадка – эй! Скрип-скрип. Отгадайте, что это? (Это дверь открывают-закрывают (скрипит))’ [Слинкина, 2002, с. 100–101]. Здесь звукоподражательное слово *щирхьх-вёрхых* передаёт скрип дверных петель.

На рассмотренных примерах можно убедиться, что в некоторых загадках ключевую роль в кодировании загаданного явления играет не описательный, а изобразительный компонент, который может быть выражен как жестами, так

и изобразительными словами. Загадки могут быть чисто изобразительными (как рассмотренные выше) или же сочетать в себе изобразительный и описательный компоненты. Далее мы проанализируем особенности функционирования изобразительной лексики в различных по форме и содержанию загадках.

С указанной точки зрения особенно интересны загадки о животных (в том числе о птицах, насекомых), в которых мы ожидаем встретить подражания звукам соответствующих животных, например: мокш. *Чикорды-пакорды, валнят муторды, куля канды (Сязьганць)* ‘Чикорд-пакорд, словечки молвит, весточки доносит (Сорока)’ [Самородов, 1987, с. 64]; мокш. *Апак сярятть ктнай-аварди, апак юмафтт вешенди – кати-мезнят мушенды (Саразсь)* ‘Не болеет, а плачет-кудахчет, ничего не потеряла, а всё что-то ищет, что-то и находит (Курица)’ [Там же, с. 67]; удм. *Лобъе но кырза: зу-зу-зум, зум-зум (Кут)* ‘Летит и поёт: зу-зу-зум, зум-зум (Муха)’ [Перевозчикова, 1982, с. 198].

Подобные примеры, однако, сравнительно немногочисленны. Дело, по-видимому, в том, что употребление звукоподражания, очевидным образом связанного с загаданным животным, делает загадку легко разгадываемой. Слова, передающие голоса животных, часто являются специфичными для определённых видов животных. В самом деле, глагол мокш. *ктнамс* ‘кудахтать’ с определённой указывающей на курицу [МРС, 1998, с. 297; ПМА]. Для глагола мокш. *чикордомс* в словаре [МРС, 1998, с. 840] в качестве основного указано значение ‘скрипеть, трещать’, однако, по нашим данным в центральном диалекте мокшанского языка *чикордомс* имеет значение ‘стрекотать, трещать (о сороке)’, в то время как значение ‘скрипеть, трещать’ выражается глаголом *чивордомс* [ПМА]; таким образом, соотношение загадки с сорокой не составляет труда. Глагол *пакордомс* ‘стучать, издавать стук’ также имеет в мокшанском языке самостоятельное употребление [МРС, 1998, с. 455; ПМА], однако в данном случае он употребляется как рифмованная пара к *чикордомс*. В удмуртской загадке о мухе используется непосредственное подражание жужжанию.

Подобные загадки больше всего подходят для маленьких детей, которых взрослые впервые знакомят со звуками зверей и птиц, ср. хантыйские примеры из раздела «Загадки для самых маленьких»: хант. каз. *Амамэтицсм! Кар! Каррр!* (*Вурна ўвај*) ‘Моя загадка! Кар! Каррр! (Ворона каркает)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 82]; хант. каз. *Амамэтицсм! Ме-ув! Ме-ув!* (*Кати няв-кәј*) ‘Моя загадка! Мя-ув! Мя-ув! (Кошка мяучит)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 84].

Голоса животных могут изображаться посредством «невидоспецифичных» звукоподражаний, не указывающих непосредственно на загаданное животное: мокш. *Эряј вирьса да лугань ширеса, сонць лии, цинный, тиле ваксса урний (Сяськне)* ‘Живёт в лесу да на лугах, летит, звенит, около уха жужжит (Комары)’ [Самородов, 1987, с. 59]. Звукоподражательные глаголы мокш. *цин-*

нямс ‘звенеть’, урнямс ‘рыдать; тарыхтеть’ имеют достаточно широкую семантику и сочетаемость, могут обозначать звуки не только животных, но также объектов неживой природы и артефактов, ср.: пайгонясь цинный ‘колокольчик звенит’; тракторсь урняй ‘трактор тарыхтит’ [ПМА]. Таким образом, они не указывают непосредственно на отгадку – комара, что затрудняет разгадывание. Также для создания образов, связанных со звуками животного, могут использоваться глаголы звука с общей семантикой, не имеющие явных признаков изобразительных слов; например, мокш. куфцомс ‘стонать’, рангомс ‘кричать’ в загадке о свинье: мокш. Сонць аф сяряди, а якай валом и куфци, кда мады – **ранги** (Тувось) ‘Сама не болеет, а ходит тихо, стонет, если ляжет, охает (Свинья)’ [Самородов, 1987, с. 75].

Изобразительные слова могут указывать на характеристики животных, не связанные с их «голосами», например: удм. **Выйык-вайык (кычыль-качыль, кынъыль-канъыль)** ву вае (Їӧж) ‘Выйык-вайык (игра слов) воду несёт (Утка)’ [Перевозчикова, 1982, с. 177]. На этом примере можно продемонстрировать сложность интерпретации изобразительных слов в загадках. Перевод, приводимый здесь по источнику, на наш взгляд, не вполне точно отражает семантическую структуру. Изобразительное слово **выйык-вайык** имеет значение ‘покачиваясь, вразвалку (о походке)’ [УРС, 2008, с. 150; ПМА]; то же значение имеют, по-видимому, и варианты, представленные в скобках, ср. с данными словаря: **кычыль-качыль** ‘с боку на бок’, **кычылляны** ‘переваливаться с боку на бок’ [УРС, 2008, с. 307, 383]. Поэтому более точный перевод, как кажется, следующий: ‘Вразвалку (т.е. с боку на бок переваливаясь) воду несёт’. Посредством изобразительных слов создаётся образ типичной для утки походки. Другой вариант интерпретации, при котором **выйык-вайык** можно считать подлежащим (т.е. ‘С боку на бок переваливающийся воду несёт’), менее вероятен по морфосинтаксическим причинам: для изобразительных слов в удмуртском языке позиция вершины именной группы в целом не характерна, особенно при отсутствии оформления лично-числовыми показателями.

В следующей хантыйской загадке звукоподражание связано не с криками птиц, а с их действиями: так они выбираются из-под снега после ночёвки, пробиваясь через снежный наст: хант. каз. Амамэтисем! «**Така-така**» сый лоньш илли эвэлт сацэл (Пойтэк) ‘Моя загадка! Звук «така-така» слышится из-под снега (Куропатка)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 38]. В загадках об оленях подражания создают звуковой образ стука оленьих копыт: хант. каз. Амамэтисем! **Ляты-паты** вет сот, **ляты-паты** хөт сот (Вүлэт хөхэллэт, щоллал лятылэт) ‘Моя загадка! Ляты-паты пятьсот, ляты-паты шестьсот (Олени бегут, копыта цокают)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 28]; хант. каз. Амамэтисем! Күрлал, күрлал кен войэт, ёшлал, ёшлал кен войэт **лятылэт, патылэт** ветсот пүш. Верут сора верлэт, ёнтут сора ёнтлэт (Вүлэт хөхэллэт) ‘Моя загадка! Звери

с лёгкими ногами, звери с лёгкими руками, пятьсот постукивают, поцокивают, дело быстро делают, шитьё быстро шьют (Олени бегут)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 28]. Подобные загадки о животных можно рассматривать в общем ряду загадок, в которых изобразительные слова передают связанные с загаданными явлениями образы, указывая таким способом на отгадку (см. далее).

Отметим, что образы животных и их «голосов» могут использоваться в загадках для кодирования различных ситуаций, никак с этими животными не связанных: карел. *Ĉiu, ĉoi ĉolovannikka, vaskine kabakka* ‘Чик-чирик целовальник, медный кабак (Рукомойник)’ [Лавонен, 1977, 54]. В этой загадке звукоподражание *ĉiu, ĉoi*, передающее чириканье воробья, замещает название птицы. Это видно из сопоставления с аналогичной русской загадкой: *Медный кабачок, воробушка целовальничек* [Садовников, 1876, с. 29].

В других загадках используются образы животных, которым посредством звукоподражаний приписываются звуки, в действительности относящиеся к различным загаданным явлениям, сопутствующие им: мокш. *Вяръге лиендихть куцькатт, синць морайхть «Пуц-цяп», няше прясa тумот шадыхть (Тингсь и тяляматне)* ‘Вверх взлетают ястребы, они поют: «Пуц-цяп», на липе дубинки мотаются (Ток и цепи)’ [Самородов, 1987, с. 91]. Здесь образы взлетающих птиц, которым приписываются звуки, характерные для работы цепов, призваны навести на отгадку. Ср. также: удм. *Буко бордын шушы чингыль-чингыль кароз (Буко гырлы)* ‘На дуге снегирь звенит-заливается (Колокольчик)’ [Перевозчикова, 1982, с. 25]. В этой загадке *чингыль-чингыль* передаёт звон колокольчика, а образ снегирия (птицы с красной грудью) используется для передачи сходства по цвету: колокольчики для упряжи отливались обычно из меди или бронзы и имели соответствующий цвет. При этом нужно учесть, что удмуртское цветообозначение *горд* выражает широкий спектр цветов: от ярко-красного до темно-рыжего и т.п.; ср. также одно из диалектных названий снегирия – *горд гадь* досл. ‘красная грудь’ [ПМА].

Тексты, содержащие изобразительную лексику, составляют заметную часть фонда загадок финно-угорских народов. Например, в удмуртском материале [Перевозчикова, 1982] по нашим подсчётам доля таких загадок составляет 4,6 %, в материале на мордовских языках (мокшанском и эрзянском) [Самородов, 1987] – 4,9 %. В то же время сплошной анализ фольклорных сборников показывает, что материал распределён неравномерно: в одних тематических группах искомые тексты не встречаются вовсе (или встречаются единичные примеры на отдельных языках); другие группы, наоборот, на материале многих языков содержат загадки с изобразительными словами.

К последней категории относится, например, группа загадок о молотье, токе, цепах; в данных текстах содержатся звукоподражания, передающие соответствующие звуки, см. выше, а также: мокш. *Вяри – кабак, кабак, алу –*

лабак, лабак, (кишинь) куцemat калафты (Тялямась) ‘Вверх – кабак, кабак, вниз – лабак, лабак, (хлебные) лестницы рушатся (Молотьба)’ [Самородов, 1987, с. 101]; коми-з. *Вучки-вачки му вывті, йöла кылö ва вывті (Вартöм)* ‘Стук-ток на земле, эхо раздается на воде (Молотьба)’ [Плесовский, 1975, с. 73]. В предельном случае загадки, в которых звуковому образу отведена центральная роль, могут целиком состоять только из звукоподражаний: удм. *Топ-топ, топонли-монли, шач-шач, шачанли-манли (кутэс – ‘цеп’)* [Перевозчикова, 1982, с. 164].

К той же категории относятся в целом загадки о различных хозяйственных инструментах, приспособлениях и ситуациях их применения. Например, это загадки о ткацком станке, ножницах, сверле, сите, пахтанье масла, отбивании льна и конопли и т.п.: хант. каз. *Амамэтицэм! Карты верты мўв эвалт тўвэм ут щйри-кйри тўрэнэн дөйэл (Пур)* ‘Из земли, где делают железо, принесённый предмет кричит голосом шари-кари (Сверло)’ [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 68]; мокш. *Вяри – крхмок, алу – крхмок, тарган вай – кядьса тлхмок (Вайнь пихтемась)* ‘Вверх – крхмок, вниз – крхмок, вытащу комок – рукой тлхмок (Пахтанье масла)’ [Самородов, 1987, с. 101]; удм. *Шильк-шальк вотэс вотсалоэ (Сусо)* ‘Стучащий-бренчащий паутину плетёт (Челнок)’ [Перевозчикова, 1982, с. 61]. Некоторые из таких загадок целиком состоят из звукоподражаний: мар. л. *Кычи-качи, кычи-качи, айык-майык, айык-майык, сита-тиз, сита-тиз* (Обработка конопли) [Китиков, 1967, с. 27]; мар. л. *Тун-тун, рошт-рошт, манли-манли (шуар – ‘ступа’)* [Там же, с. 109].

Функция звукоподражаний в этих загадках заключается в следующем: передаваемый звук, сопряжённый с загаданным явлением, с одной стороны, кодирует отгадку (но не описательным, а изобразительным образом), с другой стороны, даёт подсказку отгадывающему. При этом, чтобы такой подсказкой воспользоваться, нужно хорошо представлять себе реалии, а также владеть системой звукоизобразительной лексики соответствующего языка, то есть понимать, какие звуки передаёт и к каким явлениям может относиться звукоподражание, например: коми-з. *Рытъя шлён-шлён, а асья бот-бот (Няньшом)* ‘Вечером шлён-шлён, а утром хлоп-хлоп (Квашня)’ [Плесовский, 1975, с. 75]. В этой загадке подражание *шлён-шлён* отсылает нас к ситуации замеса теста (тесто обычно замешивают с вечера), а *бот-бот* передаёт звуки, которые утром издаёт подошедшее тесто (лопаются пузырьки газа).

Рассмотренный выше материал, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что звуковые образы, передаваемые посредством звукоподражаний, играют важную роль во многих финно-угорских загадках. Некоторые исследователи приходят, однако, к противоположному заключению: «Немногочисленность мордовских загадок с таким способом построения образности [имитация звуковых образов. – прим. В.И.] доказывает, что при идентификации предмета

звуковая характеристика для представителей народа менее важна, чем визуальная» [Юрина, 2023, с. 749]. Дело в том, что в цитируемой работе, хотя и используется тот же материал (свод мордовских загадок, составленный К.Т. Самородовым [Самородов, 1968]), рассмотрены только загадки «о природе, человеке, времени» [Юрина, 2023, с. 745], в то время как звукоподражаниями особенно богаты загадки о хозяйственной деятельности. Методом сплошной выборки Н.Г. Юриной было отобрано 440 текстов заявленной категории [Там же], при том, что всего в соответствующих разделах издания [Самородов, 1968] содержится 594 загадки в мокшанской части и 161 в эрзянской части (без учёта вариантов). Как именно производился отбор, автор не уточняет. Среди отобранных 440 текстов выделено всего 4 загадки, построенные на звуковом образе [Юрина, 2023, с. 749]. При этом по нашим подсчётам только среди 253 загадок о явлениях неживой природы в мокшанской части [Самородов, 1968] можно выделить не менее 10 загадок, построенных на звуковом образе (без учёта вариантов). Кроме того, не попали в поле зрения автора или же отнесены к другим категориям рассмотренные нами выше мокшанские загадки о животных.

На наш взгляд, это показывает, что к любым количественным показателям – абсолютным или относительным – следует относиться с большой осторожностью, поскольку эти показатели могут зависеть от отбора материала и его интерпретации конкретным исследователем. Кроме того, количество текстов того или иного рода в общем объёме фольклорного материала зависит ещё и от того, как этот материал собирался и как производился его отбор для публикации. Так, в материалах К.Т. Самородова в мокшанской части загадок с изобразительным компонентом заметно больше, чем в эрзянской: по нашим подсчётам по изданию [Самородов, 1987], 42 из 623 (6,7 %) и 15 из 544 (2,7 %) соответственно. Тем не менее вряд ли из этого можно делать вывод о существенных различиях в традициях столь близких в культурном и языковом отношении народов. В связи с этим мы не опираемся в нашей работе на количественные показатели.

Звукоподражания особенно широко распространены в загадках: на их долю приходится около половины всех случаев использования изобразительных слов (например, 21 из 42 в мокшанском материале [Самородов, 1987], 56 из 125 в удмуртском материале [Перевозчикова, 1982]). Однако изобразительные слова кроме звучаний также могут передавать визуальные, моторные, тактильные и иные образы, связанные с какими-либо характеристиками загаданных явлений. Функция изобразительных слов здесь, по сути, та же, что и функция звукоподражаний в загадках, рассмотренных ранее: с их помощью загадывающий старается навести партнёра на соответствующий образ и благодаря этому помогает найти отгадку.

Например, в следующих загадках кодируются зрительные (световые) образы: хант. каз. *Амамэтицем! Юх тый сали-вули* (Ём) 'На вершине дерева блеск-сверкание (Черёмуха)' [Нёмысова, Каюкова, 2007, с. 48]; мокш. *Пин-долды-вандолды, целай пакся вчколды (Пеелемсь)* 'Блестит-сверкает, целое поле расчищает (Коса)' [Самородов, 1987, с. 92]; удм. *Чиль-дол синъёсыз, чилтыр-вальтыр кашъёсыз (Укно, наличник)* 'Сверкающие глаза, переливающиеся брови (Окно, наличник)' [Перевозчикова, 1982, с. 74].

В коми-зырянской загадке кодируются двигательные образы, связанные с вращением, колебанием: коми-з. *Керкаын луйк-лайк, ывлаын гунь-гонь (Би, тишын)* 'В избе едва колыхается, а на улице сразу на виду (Огонь, дым)' [Плесовский, 1975, с. 16]. Перевод, данный по источнику, достаточно далеко отходит от оригинала, особенно во второй части. Изобразительное слово *луйк-лайк* передаёт образ колыхания, колебания [СДК, 2012, с. 380]; *гунь-гонь* изображает покачивание из стороны в сторону, а также вращение (например, головой) [СДК, 2012, с. 861]. В коми-пермяцкой загадке изобразительное слово кодирует образ, связанный с формой: коми-п. *Чукыля-викыля, кытчö ветлін? – Шырöм тошлö кытшиöм дело! (Ю аслас берегезён)* 'Кривая, извилистая, куда ходила? – Постриженной бороде какое дело! (Река и берега)' [Бойко и др., 2010, с. 53].

В следующих удмуртских загадках изобразительные слова передают образы, связанные с неровной поверхностью и «неправильным» (т.е. нестандартным, нарушающим ожидания, см. [Иванов, 2022, с. 82–83]) положением в пространстве: удм. *Удыр-табыр бамы, катанчи съöрын ачим улко (Гур был)* 'Неровные мои щёки, сама за занавеской живу (Лежанка на печке)' [Перевозчикова, 1982, с. 84]; удм. *Лыптыр-лоптыр Ондрей, чиньыез-пöлыез йыр пыдсаз (Чаг возён)* 'Разлапистый Андрей, пальцы на затылке' (Светец) [Там же, с. 93].

Таким образом, загадки предоставляют широкое пространство для использования изобразительной лексики. И хотя, по-видимому, различные «описательные» средства кодирования образов используются существенно чаще [Юрина, 2023, с. 749], загадки с изобразительным компонентом составляют заметную и весьма своеобразную часть финно-угорского фольклорного фонда.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели функционирование изобразительной лексики в текстах финно-угорских загадок. Как и в других жанрах фольклора, в загадках широко используются различные образные, экспрессивные и эмоционально-оценочные средства. Это определяет предпосылки для использования изобразительной лексики в загадках в её основных функциях. Изобразительные слова передают (изображают, имитируют) образы, связанные с явлениями, которые должны быть закодированы в тексте. Экспрессивный компонент позволяет усилить воздействие на адресата. В случае загадок это

позволяет более эффективно направить внимание адресата на ключевые аспекты загаданной ситуации, что необходимо для успешного нахождения отгадки.

Специфика загадки состоит в том, что в ситуации загадывания всегда необходим второй участник – разгадывающий. Задача загадывающего состоит в том, чтобы скрыть отгадку, закодировать загадываемое явление известными ему методами и средствами. Но в то же время загадывающий должен позаботиться о том, чтобы загадка была разгадываемой. Изобразительные слова предоставляют интересные и разнообразные возможности для кодирования – от прямой имитации загадываемого явления до передачи образов, непосредственно или опосредованно связанных с отгадкой. В загадках изобразительные слова участвуют в семантической трансформации, кодирующей загаданное явление, и одновременно подсказывают разгадывающему ключ к отгадке.

Анализ материала позволяет заключить, что финно-угорский фольклорный фонд содержит значительное число загадок с изобразительным компонентом, который в основном представлен изобразительной лексикой (изобразительные жесты встречаются реже). Соответствующий материал, однако, неравномерно распределен по тематическим группам: некоторые из них дают богатый материал, в других изобразительные слова не встречаются вовсе.

Около половины всех случаев употребления изобразительных слов в загадках связано с передачей звуковых образов, сопряжённых с загаданным явлением. Также могут передаваться образы, связанные со светом и блеском, характером движения, нестандартной формой или положением в пространстве и т.п. Эти образы связаны с яркими приметами загаданных явлений, выделяющими данные явления на фоне других. Изобразительные слова используются, чтобы подчеркнуть эти приметы, вызвать в сознании отгадывающего соответствующие образы, навести его на отгадку.

Таким образом, изобразительный компонент присутствует во многих финно-угорских загадках как основное или вспомогательное средство кодирования загаданного явления. Следовательно, можно заключить, что изобразительная лексика в семантической структуре многих загадок играет значительную роль.

За рамками данной статьи остаётся использование в загадках таких звуко-изобразительных категорий, как эмоциональные междометия, слова-подзвывы для животных, слова детской речи и др. Изучение изобразительных слов в загадках представляет интерес как в плане определения их роли и функций в текстах этого жанра, так и в плане их лингвистических особенностей, которые могут быть ярче проиллюстрированы и лучше объяснены при обращении к фольклорным текстам. Таким образом, рассмотренные вопросы интересны как с точки зрения фольклористики, так и с точки зрения лингвистики (прежде всего теории звукоизобразительности). Материал финно-угорских загадок с изобразительным компонентом требует дальнейшего более глубокого исследования.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора.

Карел. – карельский язык, коми-з. – коми-зырянский язык, коми-п. – коми-пермяцкий язык, манс. – мансийский язык, мар. л. – луговой марийский язык, мокш. – мокшанский язык, удм. – удмуртский язык, хант. каз. – казымский диалект хантыйского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бойко В.Н. и др. Красный круг по небу катается = Гёрд гёглян небоёт тарласьё. Коми-пермяцкие загадки: сб. фольклорных текстов и коммен. / авт.-сост.: В.Н. Бойко, Т.Г. Голева, А.С. Лобанова, А.В. Черных. СПб.: Маматов, 2010. 144 с. (Фольклор народов России).

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.

Журинский А.Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла / отв. ред. Н.В. Охотина. М.: Наука, 1989. 126 с.

Иванов В.А. Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 174–192.

Иванов В.А. Изобразительная лексика в фольклоре для детей (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 206–221.

Иванов В.А. Идеофоническая лексика в финно-угорских языках пермской и волжской групп: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 210 с.

Китиков А.Е. Марийские народные загадки / сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1967. 184 с.

Кумаева М.В. Ономатопея в мансийском детском фольклоре // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 10-2 (26). С. 268–274.

Кумаева М.В. Особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора (на примере пестушек и потешек, загадок) // Вестник угроведения. 2015. Т. 5. № 2 (21). С. 60–66.

Кумаева М.В. Стилистическая роль междометий в народном фольклоре манси // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5/1. С. 209–217.

Лавонен Н.А. Карельская народная загадка. Л.: Наука, 1977. 134 с.

Левин Ю.И. Семантическая структура загадки // Паремииологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1978. С. 283–314. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Люблинская М.Д. Назначение загадки // Родной язык. 2022. № 2. С. 220–234.

МРС – Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М.: Рус. яз.; Дигора, 1998. 920 с.

Нёмысова Е.А., Каюкова Л.Н. Хантыйские загадки (казымский и сургутский диалекты). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 88 с.

Перевозчикова Т.Г. Удмуртский фольклор: Загадки / сост. Т.Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 254 с.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 239 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. (1895–1970) / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 247–274 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Плесовский Ф.В. Коми народные загадки / сост. Ф.В. Плесовский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. 111 с.

Потпот Р.М. Хантыйская загадка, отображающая метафорический облик человека // Современное педагогическое образование. 2021. № 11. С. 290–294.

Садовников Д. Загадки русского народа: Сб. загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1876. VI + 333 с.

Самородов К.Т. Мордовские загадки / сост. К.Т. Самородов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 286 с.

Самородов К.Т. (сост.). Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Т. 4, ч. 2: Мордовские загадки / сост. К.Т. Самородов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. [вып. дан. 1969]. 324 с.

СДК – Словарь диалектов коми языка = Коми сёрнисикас кывчукёр: в 2 т.: более 78000 слов / отв. ред. Л.М. Безносикова. Т. 1: А – О. Сыктывкар: Кола, 2012. 1095 с.

Слинкина Т.Д. (сост.). Загадки мансийские (вогульские) / авт.-сост. Т.Д. Слинкина; науч. ред. Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 178 с.

Тарлина А.С. Фольклорные формулы хантыйских загадок // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 09 (113). С. 115–124.

УРС – Удмурт-жуч кыллокам = Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 924 с.

Хелимский Е.А. Номинативная мини-загадка: на стыке загадки, метафоры и лексического субститута // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 256–263.

Юрина Н.Г. Отражение национальной языковой картины мира в мордовских загадках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 743–752.

Ягафарова Г.Н. Междометия в структуре фольклорного текста (на примере перевода якутского олонхо на башкирский язык) // Эпосоведение. 2023. № 3 (31). С. 14–26.

Khudobina O.F., Andreeva L.A. Comparative Analysis of Color Designation Semantics in Khanty, Mansi, and Russian Languages // National Interest, National Identity and National Security (Nizhny Novgorod, March 10–12 2020). Nizhny Novgorod: European Publisher, 2021. Vol. 102. Pp. 485–495.

Litovkina A.T. et al. Wise and Humorous Words: Hungarian Proverbs, Riddles, and Jokes / A.T. Litovkina, K. Vargha, P. Barta, H. Hrisztova-Gothardt // The Oxford Handbook of Slavic and East European Folklore / Ed. Margaret Hiebert Beissinger. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Nasiridinova U. Imaginary Verbs in the Epic of Manas // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 2. С. 381–387.

Shesterkina N.V., Vaganova E.N. The mythological concept ‘SHADOW’ (on the material of folk riddles) // Proceedings of the X International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects” (Chelyabinsk, April 27–29 2020). Chelyabinsk: European Publisher, 2020. Vol. 86. Pp. 1529–1539.

Vargha K. Riddles in the Manuscript and Print Version of a 19th-Century Collection // Acta Ethnographica Hungarica. 2022. Vol. 66. Iss. 1. Pp. 79–95.

Vladimir Ivanov

SOUND ICONIC WORDS IN THE TEXTS OF RIDDLES OF FINNO-UGRIC PEOPLES

Introduction. The article deals with the peculiarities of sound iconic vocabulary functioning in the riddles of the Finno-Ugric peoples. It defines the concept of sound iconic vocabulary and discusses its categorical characteristics. The place of riddles among other folklore genres is considered. **The purpose of the article** is to identify features of sound iconic vocabulary used in Finno-Ugric riddle texts. **Materials and methods.** Materials for the study include riddles from various Finno-Ugric languages collected from folklore sources using the continuous sampling method. Additionally, dictionary data and author's field materials were used. **Research results, discussion.** Riddles often contain a descriptive component, and at the same time may include an iconic component. It can also be represented by gestures or by specialized lexicon. Iconic elements in riddles contribute to the semantic transformation of an asked phenomenon and provide various ways of encoding it, ranging from direct imitation to indirect references to the solution. This link helps 'decode' the riddle and guess the answer. **Conclusion.** The sound iconic vocabulary in riddles performs a variety of roles, including its fundamental pictorial and expressive functions, as well as its specific role in encoding an asked concept or phenomenon. At the same time, it fulfils a specific function: it encodes the guess (but in a pictorial rather than descriptive way) and at the same time gives a clue to the guesser.

Keywords: Finno-Ugric languages; folklore; riddles; sound iconic vocabulary; onomatopoeia; ideophones.

REFERENCES

- Bojko V.N. Krasnyj krug po nebu kataetsja. Komi-permjackie zagadki [A Red Circle is Rolling across the Sky. Komi-Permyak Riddles]. Saint-Petersburg, Mamatov, 2010, 144 p. (In Russian).
- Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of Phonosemantics]. Leningrad, Leningradskij universitet, 1982, 244 p. (In Russian).
- Zhurinskij A.N. Semanticheskaja struktura zagadki: Nemetaforicheskie preobrazovanija smysla [The Semantic Structure of the Riddle: Non-Metaphorical Transformations of Meaning]. Moscow, Nauka, 1989, 126 p. (In Russian).
- Ivanov V.A. Ideofonicheskaja leksika v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp. [Ideophonic Vocabulary in Permic and Finno-Volgaic Languages]. Ph. D. thesis. Mytishhi, 2022, 210 p. (In Russian).
- Ivanov V.A. Izobrazitel'naja leksika v fol'klоре dlja detej (na materiale finno-ugorskih jazykov) [Sound iconic words in folklore for children (in Finno-Ugric languages)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 206-221. (In Russian).
- Ivanov V.A. Izobrazitel'naja leksika v fol'klornyh tekstah malyh form (na materiale finno-ugorskih jazykov) [Sound iconic words in small genres of folklore (in Finno-Ugric languages)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 174-192. (In Russian).

Kitikov A.E. Marijskie narodnye zagadki [Mari Folk Riddles]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 1967, 184 p. (In Russian).

Kumaeva M.V. Onomatopeja v mansijskom detskom fol'klore [Onomatopoeia in Mansi children's folklore]. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*, 2012, no. 10-2 (26), pp. 268-274. (In Russian).

Kumaeva M.V. Osobennosti jazyka malych zhanrov mansijskogo detskogo fol'klora (na primere pestushek i poteshek, zagadok) [Language features of small genres Mansi children's folklore (for example pestushki and nursery rhymes, riddles)]. *Vestnik ugrovedenija*, 2015, vol. 5, no. 2 (21), pp. 60-66. (In Russian).

Kumaeva M.V. Stilisticheskaja rol' mezhdometij v narodnom fol'klore mansi [Stylistic role of interjections in Mansi folklore]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 2017, vol. 9, no. 5/1, pp. 209-217. (In Russian).

Lavonen N.A. Karel'skaja narodnaja zagadka [Karelian Folk Riddle]. Leningrad, Nauka, 1977, 134 p. (In Russian).

Levin Ju.I. Semanticheskaja struktura zagadki [The semantic structure of a riddle]. *Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow, Nauka, 1978, pp. 283-314. (In Russian).

Ljublinskaja M.D. Naznachenie zagadki [The function of riddles]. *Rodnoj jazyk*, 2022, no. 2, pp. 220-234. (In Russian).

Mokshansko-russkij slovar' [Moksha-Russian Dictionary]. Eds. B.A. Serebrennikov, A.P. Feoktistov, O.E. Poljakov. Moscow, Russkij jazyk; Digora, 1998, 920 p. (In Russian).

Njomysova E.A., Kajukova L.N. Hantyjskie zagadki (kazymskij i surgutskij dialekty) [Khanty Riddles (Dialects of Kazym and Surgut)]. Hanty-Mansijsk, Poligrafist, 2007, 88 p. (In Russian).

Perevozchikova T.G. Udmurtskij fol'klor: Zagadki [Udmurt Folklore: Riddles]. Izhevsk, Udmurtija, 1982, 254 p. (In Russian).

Permjakov G.L. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [On the Issue of the Structure of the Paremiological Fund]. *Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru. Sbornik statej pamjati V.Ja. Proppa (1895-1970)*. Moscow, Nauka, 1975, pp. 247-274. (In Russian).

Permjakov G.L. Ot pogovorki do skazki: Zametki po obshhej teorii klishe [From a Saying to a Fairy Tale]. Moscow, Nauka, 1970, 239 p. (In Russian).

Plesovskij F.V. Komi narodnye zagadki [Komi Folk Riddles]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 111 p. (In Russian).

Potpot R.M. Hantyjskaja zagadka, otobrazhajushhaja metaforicheskij oblik cheloveka [The Khanty riddle, reflecting the metaphorical appearance of a person]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2021, no. 11, pp. 290-294. (In Russian).

Sadovnikov D. Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach [Riddles of the Russian People: Collection of riddles, questions, parables and puzzles]. Saint-Petersburg, Tipografija N.A. Lebedeva, 1876, vi + 333 p. (In Russian).

Samorodov K.T. Mordovskie zagadki [Mordvin Riddles]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 286 p. (In Russian).

Samorodov K.T. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. Tom 4, p. 2: Mordovskie zagadki [Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People. Vol. 4, part 2: Mordvin Riddles]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 324 p. (In Russian).

Slovar' dialektov komi jazyka. Tom 1: A – O [Dictionary of Komi Dialects. Vol. 1: A – O]. Ed. L.M. Beznosikova. Syktyvkar, Kola, 2012, 1095 p. (In Russian).

Slinkina T.D. Zagadki mansijskie (vogul'skie) [Mansi (Vogul) Riddles]. Hanty-Mansijsk, Poligrafist, 2002, 178 p. (In Russian).

Tarlina A.S. Fol'klornye formuly hantyjskich zagadok [Folklore formulas of Khanty riddles]. *Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal*, 2024, no. 9 (113), pp. 115-124. (In Russian).

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary]. Ed. L.E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2008, 924 p. (In Russian).

Helimskij E.A. Nominativnaja mini-zagadka: na styke zagadki, metafory i leksicheskogo substituta [Nominative mini-riddle: at the junction of riddle, metaphor and lexical substitute]. *Issledovanija v oblasti balto-slavyjanskoj duhovnoj kul'tury: Zagadka kak tekst*, Moscow, Indrik, 1994, vol. 1, pp. 256-263. (In Russian).

Jurina N.G. Otrazhenie nacional'noj jazykovoj kartiny mira v mordovskih zagadkah [Reflection of the national linguistic picture of the world in Mordovian riddles]. *Vestnik ugrovedenija*, 2023, vol. 13, no. 4 (55), pp. 743-752. (In Russian).

Jagafarova G.N. Mezhdometija v strukture fol'klornogo teksta (na primere perevoda jakutskogo olonho na bashkirskij jazyk) [Interjections in the structure of folk text (on the example of the translation of the Yakut olonkho into the Bashkir language)]. *Eposovedenie*, 2023, no. 3 (31), pp. 14-26. (In Russian).

Khudobina O.F., Andreeva L.A. Comparative Analysis of Color Designation Semantics in Khanty, Mansi, and Russian Languages. *National Interest, National Identity and National Security (10-12 March, 2020)*. Nizhnij Novgorod, 2021, vol. 102, pp. 485-495. (In English).

Litovkina A.T. et al. Wise and Humorous Words: Hungarian Proverbs, Riddles, and Jokes. By A.T. Litovkina, K. Vargha, P. Barta, H. Hrisztova-Gotthardt. *The Oxford Handbook of Slavic and East European Folklore*. Ed. M.H. Beissinger. Oxford Academic, 2022. (In English).

Nasiridinova U. Imaginary Verbs in the Epic of Manas. *Bulletin of Science and Practice*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 381-387. (In English).

Shesterkina N.V., Vaganova E.N. The mythological concept 'SHADOW' (on the material of folk riddles). *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the X International Conference, 27-29 April, 2020*. Cheljabinsk, 2020, vol. 86, pp. 1529-1539. (In English).

Vargha K. Riddles in the Manuscript and Print Version of a 19th-Century Collection. *Acta Ethnographica Hungarica*, 2022, vol. 66, iss. 1, pp. 79-95. (In English).

Иванов Владимир Андреевич

кандидат филологических наук,
научный сотрудник УИИЯЛ
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: vovagkmfc@yandex.ru

Vladimir Ivanov

Candidate of Philological Sciences,
Researcher of Udmurt Institute of History,
Language and Literature of Udmurt Federal
Research Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: vovagkmfc@yandex.ru

УДК 811.511.131: 81'373"17/18"

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-24-35

**НОМИНАЦИЯ МАСТЕЙ ЛОШАДИ
В БЕСЕРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ:
НАЗВАНИЯ-ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ И НАЗВАНИЯ
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВНЕШНИМ ПРИЗНАКАМ**

© 2025 г. С.А. Максимов

Введение. Работа посвящена исследованию названий мастей лошади в бесермянском языке. В ней рассматриваются названия-цветообозначения и названия, образованные по отдельным внешним признакам. В аналогичных работах по удмуртскому языку бесермянский материал совершенно не нашел отражения. **Цель исследования** – систематизация неспециальных названий мастей лошади в бесермянском языке. **Материалы и методы.** Материалами послужили полевые записи бесермянской речи Т.И. Тепляшиной, лексические данные книги «Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной», а также полевых наблюдений автора. Использовался сравнительно-исторический метод, методы этимологического и компонентного анализа. **Результаты исследования, обсуждение.** В ходе исследования в бесермянском языке выявлено, систематизировано и описано более двадцати названий мастей лошади. **Заключение.** Изложенные наименования мастей лошади бесермянского языка в целом близки к аналогичной лексике удмуртского языка.

Ключевые слова: бесермянский язык; удмуртский язык; названия мастей лошади; названия-цветообозначения; названия по внешним признакам; Т.И. Тепляшина.

Введение

Объектом настоящего исследования является бесермянский язык – язык малочисленного народа (2036 чел.), компактно проживающего в сельских районах северо-западной части Удмуртской Республики (УР) и в г. Глазове. С лингвистической точки зрения язык бесермян традиционно рассматривался как один из наречий удмуртского языка. Однако у старшего и среднего поколения народа устойчиво сохраняется самосознание (*бесерман*), отличное

от удмуртского, а также собственное название родной речи – *бесерман кәл* ‘бесермянский язык’. В 2022 году бесермянский получил статус отдельного языка Российской Федерации.

В одной из своих работ удмуртский лингвист И.В. Тараканов [1975, с. 313–324] исследовал специальные обозначения мастей лошади тюркского происхождения в удмуртском языке. В другой, посвященной терминам цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийскими и мордовскими языками, ученый также касался вопроса номинации мастей лошади [Тараканов, 1990, с. 103–125]. В указанных работах бесермянский материал совершенно не нашел отражения.

Лексику, относящуюся к номинации мастей лошади в бесермянском языке, условно можно разделить на две группы: специальные названия и неспециальные названия. В первую группу входят термины, используемые только для называния мастей лошади, во вторую – названия-цветообозначения и названия, образованные по отдельным внешним признакам животного. В данной статье мы ограничимся описанием второй группы.

Цель исследования – систематизация неспециальных названий мастей лошади в бесермянском языке; выявление общего и отличительного в системе номинации с удмуртским языком.

Материалы и методы

В настоящем исследовании использованы материалы рукописной картотеки, составленной Т.И. Тепляшиной на базе полевых записей бесермянской речи в 60-е годы прошлого века, лексические данные монографии «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970] и книги «Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной» [Максимов, 2024], также материалы полевых наблюдений автора над бесермянской и удмуртской речью. Помимо описательного, использовался сравнительно-исторический метод, методы этимологического и компонентного анализа. В исследовании мы опирались на работу А.С. Красникова «Экстерьер лошади» [2011], а также на статьи, посвященные описанию мастей лошади [Борисова, 2013; Муратова, 2020; 2021]. Для выявления и верификации происхождения слов были использованы этимологические словари [КЭС, 1999; UEW, 1986–1991; Вершинин, 2015] и иные труды, рассматривающие лексику удмуртского языка [Тараканов, 1993; Csúcs, 1990].

Результаты исследования, обсуждение

Понятие «масть» не равнозначно понятию «цвет». В масти лошади определяющим является не только зрительный образ цвета или его оттенка, но и характерный рисунок внешнего покрова [Борисова, 2013, с. 83–84]. Как было сказано выше, в данной работе мы рассматриваем названия мастей лошади, совпадающие с названиями цвета (названия-цветообозначения),

а также названия, образованные по отдельным внешним признакам. Анализируемый материал нами расположен в виде словарных статей по алфавиту, в которых заглавные слова (словосочетания) выделены полужирным шрифтом и даны в орфографии, сложившейся на данный момент для бесермянского языка. Основное отличие от графики удмуртского литературного языка – употребление буквы *ө* для обозначения гласного звука средне-заднего ряда средне-нижнего подъема, акустически близкого к марийскому и татарскому *ы* (= *ä*, *i*), а также использование буквы *ӱ* для обозначения губно-губного согласного. Примеры из источников, а также полевые записи Т.И. Тепляшиной (ПМТ) приводятся в соответствии с оригиналом. Полевые материалы автора (ПМА) по бесермянским и удмуртским диалектам даны в транскрипции на основе кириллицы, в которой гласный звук средне-заднего ряда средне-нижнего подъема обозначен символом *ь* (= *ä*, *ө*); использованы также следующие символы: *ö* = *e*, *ö°* = *o*, *ӱ* = *i*. Черный кружок (●) отделяет бесермянские примеры от удмуртских, светлый кружок (○) предваряет данные по этимологии или дополнительные комментарии автора.

Названия-цветообозначения

1. горд ‘рыжий (красновато-желтый)’; ‘светло-каурый (рыже-саврасый)’; Фил. *gord val* ‘рыжая лошадь’ (ПМТ); Жув. Фил. Шам. Юн. *горд* ‘рыжий’; ‘каурый (светло-каурый, рыже-саврасый)’ (ПМА). ● Рыжий – лит. *горд*; (о лошади) *кельыт* [РУС, 2019, т. 2, с. 431]; в диалектах: сев. *горд*, сред. южн. *кэл’ыт*. В удмуртских диалектах словом *горд* также называют каурую масть, особенно светло-каурую подмасть, темные разновидности – словами *тöри*, *сьöд-тöри*, сближая с гнедой мастью. Игреновая масть (*рыжий со светлой гривой и хвостом*) также входит в данную категорию, хотя может содержать дополнительное уточнение в виде *тöдды изнэсо* ‘белогривый’. ○ Удм. *горд* ‘красный, рыжий’ вместе с коми словом *гöрд* ‘красный, рыжий, румяный’ этимологи возводят к общепермской праформе *görd* ‘красный’ и сравнивают с к. *гырд* ‘кровь’ [КЭСК, 1999, с. 80]. Специальным термином для обозначения рыжей масти у бесермян, как и удмуртов, ранее служила лексема *кельөт*.

1.1. тьөжак горд ‘ярко-рыжий, огненно-рыжий’; Горд. *t’өžak gord* (масть лошади) ‘ярко-красный’ (ПМТ); см. **горд** и **чужмөт**.

1.2. гордгес см. **горд** и **чужмөт**.

2. гордо-пурьс ‘светло-каурый (рыже-саврасый)’; Жув. Шам. *гордо-пурьс* ‘тж’ (ПМА). ○ Данное слово дословно означает ‘красно-серый, рыже-серый’, что в принципе достаточно близко описывает светло-каурую масть. Оно нигде больше не зафиксировано, тем не менее мы полагаем, что теоретически им можно называть не только масть лошади, но и другие предметы красно-серого цвета, например, ткань.

3. курень ‘бурый (темно-коричневый с красноватым отливом, темно-рыжий)’; *kuren’* коричневый [Тепляшина, 1970, с. 76, 125]; Горд. ‘желтовато-красный (масть лошади)’ (ПМТ). • Лит. *курень* ‘коричневый, бурый’; *курень вал* ‘бурая лошадь’ [УРС, 1983, с. 232]; сев.: сч. *бурой*, бал. *курэн’* ‘коричневый, бурый’ (ПМА). Название масти у Т.И. Тепляшиной зафиксировано не совсем точно. ○ *kureñ* ‘коричневый, бурый’, диал. *küreñ ~ kuren ~ kiren* < тат. *körän* ‘тж’ < монг. *küren* [Csúcs, 1990, с. 230]; *курэн ~ курэн’*, бавл. кукм. *күрэн*, бт. *кырэн* ‘коричневый, бурый, буровато-коричневый’, бт. ‘фиолетовый’ < тат. башк. *көрэн* ‘бурый, буровато-коричневый, бурый’, чув. *кёрен* ‘розовый’ [Тараканов, 1993, с. 88]; тюрк. < монг. *küreñ* ‘темно-коричневый’ [Räsänen, 1969, с. 310].

4. лөз ‘сизый (темно-серый с синеватым оттенком)’; Жув. Фил. Шам. Юн. *лэз* ‘синий; сизый’ (ПМА). • *Лыз* – общеудмуртское слово, которым обозначают синий цвет, а также сизую масть, сизый окрас шерсти животных и оперенья птиц, например: *лыз вал* ‘сизая лошадь’, *лыз дыдык* ‘сизый голубь’, *лыз žазег* ‘сизый гусь’. В литературном языке в данном значении рекомендовано употреблять слово *лыз-пурысь* [РУС, 2019, т. 2, с. 519] букв. ‘синесерый’. В глазовском говоре северного наречия лошадь сизой масти могут также называть словом *лэздари ~ лыздари*, что в литературном языке означает ‘медный купорос’. Иначе говоря, окрас лошади ассоциировался с цветом медного купороса, хотя в отдельных населенных пунктах Глазовского района приведенное слово зафиксировано как название василька [Карпова, 2013, с. 309]. ○ Коми этимологи к исследуемому слову находят параллели в коми языке – *лöz* ‘синий’, в марийском – *loštaš* ‘тж’ [КЭСК, 1999, с. 162]. Однако в «Уральском этимологическом словаре» [UEW, 1986–1991] связь марийского слова с пермскими не поддерживается. Марийский лингвист В.И. Вершинин [2015, с. 124] марийское и пермские слова сравнивает с нен. *лынз-: лынзерма* ‘синий’. О достоверном родстве исследуемого слова можем говорить лишь в отношении соответствий в коми языках.

5. пегой ‘пестрый; пегий (пятнистый, с пятнами)’; Шам. *pegoj* ‘пестрый’; Горд. Фил. *pegoj* ‘пегий (о масти лошади)’; Горд. *pegoj: s’eden-ted’ijen* или *gorden-ted’ijen* ‘пегий: черно-белый или рыже-белый’; Шам. *pegoj, s’ed lue d’az’eg* ‘Гуси бывают пестрыми и черными’; Еж. *keč’ato pegoj kšet* ‘клетчатый (?) коричневый платок’ (ПМТ). • Пегий – лит. *кучо*; пегая лошадь – *кучо вал* [РУС, 2019, т. 2, с. 20]; в диалектах: сев.: нч. *пэгой* ○ Русское заимствование, вытеснившее бесермянский термин *кучо ~ кушо*, использовавшийся ранее для описания масти млекопитающих и оперенья птиц [Максимов, 2024, 372].

6. пестро ‘пестрый; пегий’; Жув. Фил. Шам. Юн. *пэстро* ‘тж’ (ПМА). • В удмуртских диалектах: сев.: сч. *пэстро*. ○ Русское заимствование, возможно, проникшее в язык бесермян через речь среднечепецких удмуртов и заменившее более ранний русизм *пегой*.

7. пурөсь, пурись ‘серый’; *pures’* ‘тж’ [Тепляшина, 1970, с. 152]; *puroz’ val* ‘лошадь серой масти’ [Там же]; Большая Юн. *Lud pi’s’ajlen gonez pures’*, *luk-luk kuz’ lue* ‘У летяги шерсть бывает серая, очень длинная’ [Там же, с. 263]; Итча *Mil’am puris’ ludik muzjemtə, a Ć’urən pesok mestazə* ‘У нас земля суглинистая, а в Чуру место песчаное’ [Там же, с. 264]; Шам. *pures’* ‘серый’; Горд. Фил. *pures’ val* ‘серой масти лошадь’; Горд. *pures’ val ləzges lue* ‘Серая лошадь сизоватым бывает’; Тыл. *puris’ əžgon* ‘серая шерсть’ (ПМТ). ● Серый – лит. *пурьсь* [РУС, 2019, т. 2, с. 513]. ○ Достоверной этимологии слово не имеет. Не исключена связь с такими словами, как *пурзыны* ‘подниматься (напр. о пыли)’, *пур-пур* ‘рыхлый, пушистый’, изобразительная основа (*пур-*) которых могла ассоциироваться с пылью, а возможно, и употреблялась для называния пыли, ср. удм. *пыр* ‘мучная пыль, осевшая на внутренние стены мельницы’, диал. ‘пыль’ [УРС, 2008, с. 70]. Следовательно, слово-цветообозначение *пурьсь* ~ бес. *пурөсь* могло возникнуть от слова, используемого для выражения пыли **пур*, с помощью суффикса *-ысь (-өсь)*.

8. сед ‘вороной (черный с синеватым отливом)’; Фил. *s’ed užpi* ‘вороной жеребец’ (ПМТ); Жув. Фил. Шам. *с’эд*, Юн. *с’өд* ~ *с’эд* (ПМА). ● Лит. *сьөд* ‘черный; вороной’. ○ Общеудмуртское слово. Удм. *сьөд* ‘черный, темный’, бес. *s’ed* ‘тж’ составители КЭСК ставят в родство с коми словом *сьөд* ‘черный, темный, грязный’ и приводят параллели из финского и марийского языков [КЭСК, 1999, с. 269]. Однако этимологи генетическую связь пермских слов с другими финно-угорскими словами не поддерживают [UEW, 1986–1991, с. 765]. С нашей точки зрения, справедливо включение в данное словарное гнездо коми фитонима *чөд* ‘черника’ [Вершинин, 2015, с. 191].

9. тӧдьӧгалэс (?) ‘чалый’. Данный ответ был получен в с. Большая Юнда как обозначение чалой масти: *тӧд’ьгалэс* букв. ‘беловатый, светлый’; ср. *тэдьӧ*.

10. тэдьӧ, тӧдьӧ ‘белый’; Жув. Шам. *тэд’ь вал*, Фил. Юн. *тӧд’ь вал* ‘белая лошадь’ (ПМА). ● Лит. *тӧдьы*. Поскольку собственно белая масть лошади встречается весьма редко, таковой называют обычно светло-серую масть. ○ Бесермянско-удмуртское слово неизвестного происхождения. Марийский лингвист В.И. Вершинин [2015, с. 202] приводит следующие сравнения: хант. *tasək* ‘чистый, прозрачный (о воде)’, (?) в ДТС (Древнетюркский словарь. – С.М.) *tösük* ‘чистый; благородный’, что выглядит не совсем убедительно.

Отметим, что в бесермянских и удмуртских говорах широко представлены фонетические варианты с понятием «белый»: бес. *t’ed’ə* ~ *t’ejdə* ~ *ked’ə* ‘белый’ [Тепляшина, 1970, с. 57; Максимов 2024, с. 630]; сев.: нч. *кэд’ы*, сч. *тӧд’ь* ~ *тэд’ь*, шошм. *тӧд’ы*, лит. *тӧдьы* ‘тж’, шошм. *кӧд’ы* ‘бледный’. Данный ряд дополним несколькими глаголами: удм. *кӧдыны*, сев.: кос. *кэд’ыны* ‘(о)зблнуть’, ‘(по)бледнеть’, *кӧдэктыны* ‘(по)бледнеть; (по)белеть’. Слово

кебыны ‘(по)мерзнуть’ можно сравнить с к. *гегдыны* ~ *геддыны* ‘коченеть, окоченеть, сильно зябнуть’, которые в КЭСК [1999, с. 75] ставят в родство с удм. сред. *кегыны* ‘зябнуть’ и возводят к общеп. **keg-* ‘зябнуть’. Указанная основа в общепермский период была изобразительным словом, что отчасти в удмуртском можно наблюдать и в настоящее время, ср. *кӧд* (*кӧд-кӧд*) *луыны* ‘(сильно) побледнеть’. Этим обстоятельством, возможно, объясняется замена согласных, в том числе и по велярности / палатальности, ср.: к. *гэг-*, *гэб-*, *дэг-*, *д’эг-* [ССКЗД, 1961, с. 78], удм. *кэг-*, *кэб-*, *кӧд-*, *кӧд’-*, *кэд’*. От данных основ могло возникнуть слово со значением ‘белый’.

11. тэдиё-седо ‘вороно-пегий (черно-белый)’; Горд. *ted’io-s’edo* ‘пегий (масть лошади)’ (ПМТ). • Лит. *тӧдьыё-сьӧдо* ‘чёрно-белый’ о Данным словом, дословно означающим ‘бело-черный’, можно описывать разновидность пегой масти не только лошади, но и других животных и предметы, например, оперение сороки, землю, не полностью избавившуюся весной от снега, и др.

12. чужмӧт, тюжмӧт ‘игрневый (рыжая лошадь со светлой гривой и хвостом)’. Указанные ответы были получены на вопрос об обозначении игрневой масти: Жув. Фил. Шам. *чужмӧт* ~ *т’ужмӧт* букв. ‘желтоватый’, Юн. *гордгэс* букв. ‘красноватый’. Без акцентирования внимания на окрасе гривы и хвоста эта масть информантами рассматривается как рыжая – *горд*. В южноудмуртском наречии она обозначается специальным термином тюркского происхождения – *чугдор* ~ *чуктор* [Тараканов, 1975, с. 319–320]. Исследуемые слова образованы от *чуж* ~ *тюж*, удм. лит. *ӧуж* ‘желтый’ с помощью суффикса неполноты качества *-мӧт*. Генетические связи в других языках неочевидны, хотя возможные параллели ученые находят в одном из южных диалектов коми языка и в мордовских языках [КЭСК, 1999, с. 305; UEW, 1986–1991, с. 621]. Очевидно, следует согласиться с сопоставлением слова *ӧуж* с удмуртской лексемой *ӧыж* ‘румяный’, *ӧыж-горд* ‘румяный, ярко-красный’ [Вершинин, 2015, с. 231–232], относящейся к изобразительным словам.

Названия по отдельным внешним признакам

1. падӧш ‘белоног, белоножка; белоногий, с белым пятном на ноге’; Горд. Юн. *padəš* ‘белоногий (о животных)’; *padəš pədo ižri* ‘белоногий жеребец (с белым пятном на ноге)’ (ПМТ); белоногий – Шам. Юн. *падъш*, Шам. *падъшийэм*, Жув. Шам. Юн. *падъш пӧдо*, Фил. *тӧд’ъ пӧд* (ПМА). • Лит. *падыш* ‘белоногий, «в белых чулках» (о животных)’ [УРС, 2008, с. 505]. В большинстве удмуртских диалектов – *падыш* ~ *падыш пӧд(о)* (ПМА). о Корневой элемент *пад-* восходит к иранским языкам, по-видимому, к аланскому, ср.: осет. *fad* (< *pad*) ‘нога’, санскр. *pād*, авест. *pād* ‘тж’. Общеиндоевропейское слово, сохранившееся во многих иранских и европейских языках, для сравнения:

греч. *ποδός*, лат. *pedis*, англ. *foot*, рус. *пеший*, *под* ‘низ’ [Абаев, 1958, с. 414]. Второй слог является непродуктивным суффиксом, который можно выделить в десятке исконных слов [Насибуллин, Дудоров, 1992, с. 148], к примеру: *вам-ыш* ‘шаг’, ср. *вам-ен* ‘поперек’; *нял-ыш* диал. ‘покатый, пологий’, ср. *нял-мыт* ‘тж’; *шап-ыш* ‘капля’, ср. *шап-ык* ‘тж’. О вариантах: *падъшийэм*, где *-йэм* – адъективирующий суффикс; *падъш пьдо*: *пьдо* ‘с ногой, -ногий’; *төд’ъ пьд* – ‘белоног’, букв. ‘белая нога’.

2. тэдъо (төдьо) изнесо ‘белогривый’ – в бесермянском, как и в диалектах удмуртского в целом, фонетически сильно варьируется: Жув. *тэд’ъ изнэчо*, Шам. *тэд’ъ изн’эсо* (*из’н’эс’о*, *изн’ьсо*), Юн. *төд’ъ из’н’эцо* ~ *изн’эцо*. В пункте Филимоново зафиксированы сочетания *төд’ъ йьрчийо* букв. ‘беловолосый’, *төд’ъ йьрчи* ‘белые волосы’ (ПМА). ● Для литературного языка принята форма *төдьы изнэсо*, состоящая из элементов *төдьы* ‘белый’ и *изнэсо* ‘с гривой, -гривый’ (< *изнэс* ‘грива + суффикс -о’). Черногривый конь особо не выделяется, но в определенных ситуациях для этого возможно использование сочетания **сед изнесо (вал)**.

3. тэдъо нөр вөлийё ‘с белой полосой (проточиной, лысиной) вдоль носа и лба’; Горд. *ted’ə nør vølijo* ‘с белым пятном на носу (о животных)’ (ПМТ). ● Данное сочетание в удмуртских диалектах не зафиксировано. Буквально означает ‘с белым верхом носа’. Оно раскрывает происхождение названия окраса черной (? или рыжей) коровы с белой полосой вдоль спинного хребта – *мъшвъл’л’о* ~ *мышвыл’л’о* (*скал*), функционирующего в северной части Глазовского района. В этом названии можно выделить компоненты *мъш* ‘тыльная сторона тела, спина’ и *въл’л’о* < *вълйио* ‘с верхом, верхней частью’. Мы можем вести речь о неполной конструкции, в которой ранее существовал первый компонент *төд’ъ* – **төд’ъ мъш вълйио* букв. ‘(корова) с белой тыльной стороной, расположенной сверху’.

4. кашко (вал) ‘с белым пятном (звездочкой) на лбу’; Шам. *кашко вал* (*скал, ъж*) ‘лошадь (корова, овца) с белым пятном на лбу’, Фил. *төд’ъ кьмьс* букв. ‘белый лоб, белолобый’, Юн. *пусэз ъан’* букв. ‘метка (отметина) имеется’. ● Фиксация в удмуртских диалектах: сдз. *с’ум(ы)йо*, сред. *төд’ы кымэс*, юдз. *кашка* (ПМА). ○ Большинство исследователей рассматриваемое слово относят к татарскому заимствованию: малм. *kaŧška*, уф. *kaška* ‘с белым пятном на лбу’, ‘белое пятно на лбу лошади’, малм. *kaŧška val* < тат. [Wichmann, 1987, с. 94]; *kaška* ‘пестрый; белая отметина, звездочка на лбу животного’, сар. *кашко*, каз. *kaška* ~ *качка* ~ *качка* ‘белое пятно, звездочка (на лбу лошади); лошадь с белым пятном на лбу’; бт. *качко*, круф. *kaška* < тат. *kaška* ‘тж’ < др.-тюрк. *kaşya* [Csúcs, 1990, с. 208]; *кашка* ~ *кашко* юж. сред. пуж., *качко* ‘белолобый; белое пятно на лбу у животных’ < тат. *кашка* ‘звездочка, белая отметина на лбу’, башк. *кашка* ‘лысина, лысинка, белая полоса или пятно на лбу’, чув. *кушка* ~ *кукиша* ‘тж’

[Тараканов, 1993, с. 80]. Аналог исследуемого слова имеется и в коми языке, ср. к. *катиша юра* ‘с белой отметиной на лбу’ (об овце) [ССКЗД, 1961, с. 149]. Составители КЭСК следующие коми слова: *катишӧс* ~ *катишыс* ‘кличка черной собаки с белым пятном на лбу или на шее’; *кати́ка* ‘кличка черной овцы с белой отметиной на лбу’; *каж*- обозначало ‘белый’ – сопоставляют с удм. *ка́чко* ~ *кашка* и возводят к общеп. **каж*- ‘белый’ с вопросом «Древнетюркское заимствование?» [КЭСК, 1999, с. 118–119]. Не исключено, что в пермские языки исследуемое слово проникло из разных тюркских источников в два разных периода.

5. сюме ‘звездочка, отметина (на лбу у животных)’; *сюмы* ‘плеш, лысина’ [Тепляшина, 1970, с. 49]. • Лит. *сюмьё*: *сюмьё вал* ‘лошадь с белой звездочкой на лбу’; сев.: сч. *с’умьйо* ~ *с’ум’йо* ‘с лысиной, белым пятном на лбу (о лошади, корове)’. В настоящее время в удмуртском, кажется, слово *сюмы* не употребляется. Однако распространено его производное – *сюмьё* (*с’умьйо*), среднечепецкий вариант которого функционирует без выпадения конечного гласного и ясно дает понять происхождение от основы *сюмы*. Не исключена связь с географическим термином *сюм* ‘залив; затон’, ‘маленькое продолговатое озеро (около реки)’, ср. рус. *проточина* ‘промоина; проток, рукав реки’ и ‘белая полоса на лбу животного’. В отношении дальнейшего родства см.: [КЭСК, 1999, с. 252; UEW, 1986–1991, с. 775]. Ср. **кашко**.

6. тӧдьӧ йӧрчийо, тӧдьӧ йӧрчи см. **тӧдьӧ (тӧдьӧ) изнесо**.

7. тӧдьӧ көмӧс см. **кашко**.

8. тӧдьӧ под см. **падӧш**.

Заключение

Результаты исследования номинации мастей лошади в бесермянском языке позволяют сделать определенные выводы.

1. Выявлено более десяти названий мастей и подмастков, одновременно являющихся цветообозначениями. Они используются не только в отношении выражения масти лошади, но и применительно к окрасу других животных и к оперению птиц, а также к соответствующему цвету предметов; при этом слово *лӧз* (лит. *лыз*) ‘сизый’ одновременно обозначает синий цвет, а слово *горд* ‘рыжий’ – красный. Для обозначения пегой масти, помимо слова *тӧдиё-седо* ‘черно-белый’, употребляются два русских заимствования – *пегой* и *пестро*. В плане происхождения большинство наименований относятся к исконным словам: бесермянским / удмуртским – *гордо-пурӧсь* ‘светло-каурый’, *пурӧсь* ‘серый’, *тӧдиё-седо* ‘вороно-пегий’, *чужмӧт* ‘игреневый’; к общепермским – *горд* ‘рыжий’, *лӧз* ‘сизый’, *сед* ‘вороной’, *?тӧдьӧ* ‘белый’. Среди трех заимствованных слов – два русизма (указаны выше) и один тюркизм (*курень* ‘бурый’).

2. Названия по отдельным внешним признакам не являются обозначениями масти, но тесно связаны с указанной группой слов. Многие из них представляют собой двух-трехкомпонентные сочетания, образованные

на собственно бесермянской почве. Общепермским является слово *сюмә* ‘звездочка, отметина (на лбу у животных)’, ныне вытесненное термином *кашко*, тюркским заимствованием прапермского периода, и собственно бесермянским сочетанием *тӧдӧк көмӧс* букв. ‘белый лоб’. Корень слова *падӧш* ‘белоног, белоножка; белоногий’ заимствован из иранских языков. Рассматриваемая группа наименований может быть использована не только по отношению к лошадям, но и к другого рода животным при наличии соответствующего признака.

3. Исследованные наименования мастей лошади бесермянского языка в целом органически вписываются в аналогичную лексико-семантическую группу удмуртских слов.

СОКРАЩЕНИЯ

авест. – авестийский язык; англ. – английский язык; бавл. – бавлинский говор (пуж.); бал. – бalezинский говор; башк. – башкирский язык; бес. – бесермянский язык; бт. – буйско-таныпский говор; Горд. – д. Гордино (Балезинский р-н УР); греч. – греческий язык; диал. – диалектное; др.-тюрк. – древнетюркский язык; Еж. – с. Ежево (Юкаменский р-н УР); Жув. – д. Жувам (Юкаменский р-н УР); к. – коми язык; каз. – казанский диалект; кос. – косинский говор (сев.); круф. – красноуфимский говор (пуж.); кузм. – кукморский говор (пуж.); лат. – латинский язык; лит. – литературный язык; малм. – малмыжский диалект; монг. – монгольский язык; нч. – нижнечепецкий диалект (сев.); общеп. – общепермский праязык; осет. – осетинский язык; ПМА – полевые материалы автора; ПМТ – полевые материалы Т.И. Тепляшиной; пуж. – периферийно-южный диалект; рус. – русский язык; санскр. – санскрит; сар. – сарапульский диалект; сдз. – северная диалектная зона; сев. – северное наречие; сред. – срединные говоры; сч. – среднечепецкий диалект (сев.); тат. – татарский язык; Тыл. – д. Тылыс (Юкаменский р-н УР); тюрк. – тюркские языки; удм. – удмуртский язык; УР – Удмуртская Республика; уф. – уфимский диалект; Фил. – д. Филимоново (Юкаменский р-н УР); хант. – хантыйский язык; чув. – чувашский язык; Шам. – д. Шамардан (Юкаменский р-н УР); шошм. – шошминский говор (пуж.); юдз. – южная диалектная зона; юж. – центрально-южный диалект; южн. – южное наречие; Юн. – с. Юнда (Балезинский р-н УР).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова И.З. Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки // Вестник бурятского государственного университета. 2013, № 10. С. 83–88.

Вершинин В.И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. 254 с.

Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.

Красников А.С. Экстерьер лошади. М.: Librokom, 2011. 352 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 386 с.

Максимов 2024 – Максимов С.А. Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2024. 816 с.

Муратова Р.Т. Названия одноцветных мастей лошади в башкирском языке: историко-этимологический и лексико-семантический анализ // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2020, № 4 (78). С. 72–84.

Муратова Р.Т. Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика // Ученые записки казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2021, Т. 163, кн. 1. С. 19–29.

Насибуллин Р.Ш., Дудоров В.Ю. Обратный словарь удмуртского языка: Ок. 46 000 слов / под ред. Р.Ш. Насибуллина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 244 с.

РУС 2019 – Русско-удмуртский словарь: В 2 т. / Л.М. Ившин, С.А. Максимов, О.В. Титова и др.; отв. ред. Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. Т. I (А–О). 936 с.; Т. II (П–Я). 1016 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов / сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачёва; под. ред. В.А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

Тараканов И.В. Обозначение масти в удмуртском языке // Fenno-Ugristica: Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. Вып. 1. С. 313–324.

Тараканов И.В. Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийскими и мордовскими языками // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. статей. Ижевск, 1990. С. 103–125.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

Тепляшина 1970 – Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; под ред. В.М. Вахрушева; НИИ при Совете Министров УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов. Ижевск, 2008. 925 с.

Csúcs S. Die Tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / Aus dem Ung. übers. von Albrecht Friedrich. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 305 S.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.

UEW – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Wichmann 1987 – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Sergey Maksimov

NOMINATION OF HORSE COAT COLORS IN THE BESERMYAN LANGUAGE: COLOR NAMES DESIGNATIONS AND NAMES BASED ON INDIVIDUAL EXTERNAL FEATURES

Introduction. The paper is devoted to the study of nomination of horse coat colors in the Besermyan language. It considers color names designations and names based on individual external features. In similar works on the Udmurt language,

researchers did not study the Besermyan material. **The purpose of the article** is to systematize non-specialized names of horse coat colors in the Besermyan language. **Materials and methods.** The materials include field recordings of Besermyan speech documented by T.I. Teplyashina, lexical data taken from 'Besermyan Vocabulary: the legacy of T.I. Teplyashina', as well as the author's field observations. The comparative historical method, methods of etymological and component analysis were used. **Research results, discussion.** In the course of the research, the author identified, systematized and described more than twenty names of horse coat colors in the Besermyan language. **Conclusion.** The names of the horse coat colors of the Besermyan language are generally close to the similar vocabulary of the Udmurt language.

Keywords: the Besermyan language; the Udmurt language; names of horse coat colors; color names; names based on external features; T.I. Teplyashina.

REFERENCES

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka. Tom I: A–K' [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. I: A–K']. Moscow; Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1958, 659 p. (In Russian).

Borisova I.Z. Osobennosti nominacii masti loshadej v jakutskom jazyke i ih perevoda na russkij i francuzskij jazyki [Peculiarities of horse coat color nomination in the Yakut language and their translation into Russian and French]. *Bulletin of the Buryat State University*, 2013, no. 10, pp. 83-88. (In Russian).

Vershinin V.I. Etimologii udmurtskih slov [Etymologies of the Udmurt Words]. Yoshkar-Ola, 2015, 254 p. (In Russian).

Karpova L.L. Leksika severnogo narechija udmurtskogo jazyka: Srednechepeckij dialekt [Vocabulary of the Northern Dialect of the Udmurt Language: the Middle Chepetsa Dialect]. Izhevsk, 2013, 600 p. (In Udmurt and Russian).

Krasnikov A.S. Ekster'er loshadi [Horse Exterior]. Moscow, Librokom, 2011, 352 p. (In Russian).

Lytkin V.I., Guljaev E.S. Kratkij etimologicheskij slovar' komi jazyka [A Concise Etymological Dictionary of the Komi Language]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999, 430 p. (In Russian).

Maksimov S.A. Leksika besermjan: nasledie T.I. Tepljashinoj [Vocabulary of the Besermyan: the Legacy of T.I. Tepljashina]. Izhevsk, Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2024, 816 p. (In Besermyan and Russian).

Muratova R.T. Nazvanija odnocvetnyh mastej loshadi v bashkirskom jazyke: istoriko-etimologicheskij i lekciko-semanticheskij analiz [Names of one-ton horse coat colors in the Bashkir language: historical-etymological and lexical-semantic analysis]. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*, 2020, no. 4 (78), pp. 72-84. (In Russian).

Muratova R.T. Nazvanija smeshannyh mastej loshadi v bashkirskom jazyke: genezis, razvitie i semantika [Names of horse coat colors in the Bashkir language: genesis, development, and semantics]. *Scientific notes of Kazan University. Humanities Series*, 2021, vol. 163, book 1, pp. 19-29. (In Russian).

Ivshin L.M., Maksimov S.A., Titova O.V. Russko-udmurtiskij slovar' [Russian-Udmurt dictionary]. Izhevsk, Udmurtiskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2019, vol. I (A–O), 936 p.; vol. II (P–YA), 1016 p. (In Russian and Udmurt).

Nasibullin R.Sh., Dudorov V.Ju. Obratnyj slovar' udmurtskogo jazyka: Okolo 46 000 slov [Reverse Dictionary of the Udmurt Language: approx. 46,000 words]. Ed. R.SH. Nasibullin. Izhevsk, Udmurtiskij Universitet, 1992, 244 p. (In Udmurt).

Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrjanskikh dialektov [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Ed. V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 492 p. (In Komi and Russian).

Tarakanov I.V. Oboznachenie masti v udmurtskom jazyke [Designation of coat colors in the Udmurt language]. *Fenno-Ugristica: Works on Finno-Ugric studies*. Tartu, 1975, iss. 1, pp. 313–324. (In Russian).

Tarakanov I.V. Terminy cvetooboznachenija v udmurtskom jazyke v sravnenii s komi, marijskimi i mordovskimi jazykami [Color terms in the Udmurt language in comparison with the Komi, Mari and Mordovian languages]. *Questions of dialectology and lexicology of the Udmurt language: Collection of articles*. Izhevsk, 1990, pp. 103–125. (In Russian).

Tarakanov I.V. Udmurtsko-tjurkskie jazykovye vzaimosvjazi: Teorija i slovar' [Udmurt-Turkic Linguistic Interrelations: Theory and Dictionary]. Izhevsk, Udmurtiskij Universitet, 1993, 170 p. (In Russian).

Tepljashina T.I. Jazyk besermjan [Language of the Besermyan]. Moscow, Nauka, 1970, 288 p. (In Russian).

Udmurtsko-russkij slovar': Okolo 35 000 slov [Udmurt-Russian Dictionary: approx. 35 000 words]. Ed. V.M. Vahrushev. Moscow, Russkij jazyk, 1983, 592 p. (In Udmurt and Russian).

Udmurtsko-russkij slovar': Okolo 50 000 slov [Udmurt-Russian Dictionary: approx. 50 000 words]. Ed. L.E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtiskij institut istorii, jazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra Ural'skogo Otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 2008, 925 p. (In Udmurt and Russian).

Csúcs S. Die Tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Aus dem Ung. übers. von Albrecht Friedrich. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1990, 305 p. (In German).

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969, XVI + 533 p. (In German).

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1986–1991. (In German).

Wichmann 1987 – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987, XXIII + 422 p. (In Udmurt and German).

Максимов Сергей Анатольевич

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: makseran02@yandex.ru

Sergey Maksimov

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Udmurt Federal
Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: makseran02@yandex.ru

УДК 811.511.13:81'36

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-36-48

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА *

© 2025 г. Э.Н. Попова

Введение. Актуальность настоящей работы связана с малоизученностью вопросов происхождения, формирования, семантики союзов коми-пермяцкого языка. **Цель исследования** – осуществить анализ грамматической семантики соединительных союзов коми-пермяцкого литературного языка. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили произведения коми-пермяцкой художественной литературы, словари, научные публикации по другим финно-угорским языкам. При написании статьи применены описательно-аналитический и сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждение.** В работе впервые детально проанализирована семантическая структура соединительных союзов коми-пермяцкого языка. В некоторых случаях она сопоставляется с семантической структурой соответствующих союзов коми-зырянского языка. **Заключение.** Соединительные союзы коми-пермяцкого языка, как и коми-зырянского, в основном являются заимствованными из русского языка или представляют кальку с русского. В коми-пермяцком языке, как и в коми-зырянском, среди соединительных союзов, в зависимости от их семантических особенностей, можно выделить присоединительные и сопоставительные (или градационные) союзы.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; соединительные союзы; семантика; коми-зырянский язык.

Введение

Союзы коми-пермяцкого языка представляют одну из наиболее неисследованных областей; они рассматриваются главным образом в отдельных разделах грамматик [Рогов, 1860; Майшев, 1940; КПА, 1962]. Первые сведения

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

о союзах коми-пермяцкого языка можно найти в работе Н.А. Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка» [1860]. Автор отмечает, что в пермяцком языке весьма мало своих союзов, недостаток которых дополняется союзами, заимствованными из русского языка. Далее приводит собственно пермяцкие союзы: *мыј* 'что', *весјкӧ* 'бы', *мед* 'да, чтобы', *мед весјкӧ*, *медбы* 'дабы, чтобы', *кӧбы* 'если бы', *лјока* 'потому' (что касается *кӧбы*, он является заимствованным, характерным для синтаксиса сложного предложения севернорусских говоров). Перечисляет также заимствованные из русского языка союзы: *а* 'а', *да* 'да', *жӧ* 'же', *бы* 'бы', *и* 'и', *али* 'или', *либо* 'либо', *котј*, *котја* 'хоть, хотя' и др. [Рогов, 1860, с. 82].

Грамматика И.И. Майшева написана как первоначальное пособие для учителей и редакционных работников. Она очень кратка, т.к. автору пришлось писать ее в очень сжатый срок. Поэтому в грамматику вошли только разделы фонетики и морфологии, однако по союзам почти ничего нет [Майшев, 1940, с. 79].

В грамматике «Коми-пермяцкий язык» освещение вопроса о союзах не отличается от изложения в грамматике «Современный коми язык» [СКЯ, 1955]: неточная трактовка определения союза, классификация по морфологическому составу, функциям и значениям, выделение союзных слов [КПЯ, 1962, с. 309–313].

Союзы коми-пермяцких диалектов рассматриваются по составу и синтаксическим параметрам, основное внимание уделяется их специфическим фонетическим и семантическим особенностям [Баталова 1975, с. 203–206; 1990, с. 142–144; 1995, с. 136–137; 1998, с. 61; 2002, с. 121–122; Лобанова, 1993, с. 122–125; Дмитриева, 1998, с. 146–143; Пономарева 2002, с. 157–159].

Коми-пермяцкие союзы по традиции, сложившейся в современном языкознании, по синтаксическим свойствам делятся на сочинительные и подчинительные, которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие семантические группы.

В грамматике коми-пермяцкого языка сочинительные союзы разделены на: соединительные: *и* 'и', *да* 'да', *да и* 'да и'; противительные: *а* 'а', *да* 'но', *но* 'но', *однако* 'однако'; разделительные: *либо*, *нето*, *али* 'или', *то – то* 'то – то', *то ли – то ли* 'то ли – то ли' [КПЯ, 1962, с. 310].

Актуальной задачей отечественной лингвистики на современном этапе является разработка теоретических и практических вопросов в области семантики. Значительные достижения семантической науки последних десятилетий обусловили необходимость переосмысления языковых фактов и поисков иных путей интерпретации значения слова. Разработками теоретических и практических вопросов в области семантики занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи [Katz, Fodor, 1963; Hansson, 1974; Wierzbicka, 1980; 1999; Jackendoff, 1983 и др.]. В настоящей работе впервые детально проанализирована семантическая структура соединительных союзов коми-пермяцкого языка.

Цель статьи – осуществить анализ грамматической семантики соединительных союзов коми-пермяцкого литературного языка. В задачу исследования входит рассмотрение недостаточно изученных вопросов, касающихся семантической характеристики соединительных союзов в коми-пермяцком языке.

Материалы и методы

Материал извлечен в основном из произведений коми-пермяцкой художественной литературы, словарей. Кроме того, использовались научные публикации, содержащие необходимые для сопоставления материалы других финно-угорских языков [ГСУЯ, 1962; СВЯ, 1972; СКарЯ, 1994; Попова, 2015; 2022; Сибатрова, 2021].

При написании статьи применены описательно-аналитический и сопоставительный методы. Материалы и выводы данной публикации могут быть использованы в типологических исследованиях языков разного грамматического строя, лексикографической практике, при подготовке нормативных грамматик и монографий, создании учебных и учебно-методических пособий для студентов, разработке спецкурсов и спецсеминаров по коми-пермяцкому языку.

Результаты исследования, обсуждение

Соединительные союзы указывают на то, что оба описываемых события имеют место; служат для связи синтаксических единиц «на основе равноправия, однофункциональности, полной позиционной равнозначности» [РГ, 1980, с. 617].

По семантическим особенностям соединительные союзы в коми-пермяцком языке можно подразделить на:

1. Основные соединительные союзы

Для современного коми-пермяцкого языка, как и для коми-зырянского, характерно широкое употребление синтаксических конструкций с союзом *и*, заимствованным из русского языка, в которых между соединяемыми величинами кроме отношения «чистой конъюнкции» выражаются различные смысловые отношения.

В предложении *Уна талун ёксём йёзыс: мужик и инька, нывка и зон, пöрись и том* [Лихачев, 2014, с. 134] ‘Много сегодня собравшихся людей: мужчин и женщин, девушек и парней, пожилых и молодых’ союз *и* соединяет однородные члены, компоненты которых равноценны и между которыми другие сочинительные союзы недопустимы.

Отношения, складывающиеся в сложносочиненном предложении, значительно разнообразнее, чем отношения между однородными членами.

Союз *и* между предикативными частями в сложносочиненных предложениях кроме своего основного соединительного значения может выражать *временные отношения*, реализующиеся между однородными членами и предикативными частями и выступающие со значением одновременности или

последовательности действий, явлений, состояний, событий, фактов. В предложении *Õсиплõн вирдышитис дума, и сия сõтис Пиляэзланьõ* [Федосеев, 1989, с. 37] ‘У Осипа промелькнула мысль, и он рванул в сторону дома Фили’ формами глагола одного и того же времени передается последовательность действий в предикативных частях сложносочиненного предложения.

Временные отношения в сочинительных конструкциях с союзом *и* могут осложняться причинно-следственными отношениями: *Богатжыка пондём ыббесõ киськавны удобреннõн, и беднõйжык лоис природаыс* [Там же, с. 25] ‘Больше стали удобрять поля, и беднее стала природа’; *Ойнас зэрыштõм, и луд вылын кыз лысва* [Там же, с. 27] ‘Ночью прошел небольшой дождь, и на поляне обильная роса’.

В современном коми-пермяцком языке благодаря союзу *и* получили развитие сложносочиненные предложения с *условно-следственными отношениями*. Чаще всего сказуемое первой части предложения, как и в коми-зырянском языке, выражается глаголом повелительного наклонения [Попова, 2015, с. 27; 2022, с. 48]: – *Кывзы менõ, и быдõс лоас бур да ладно* [Минин, 2015, с. 208] ‘– Слушай меня, и всё будет хорошо и в порядке’.

Повторяющийся союз *и ... и* ‘и ... и’ между соединяемыми им компонентами выражает *соединительно-перечислительные отношения*: *И бур – уджалõ детина, вайõ колана польза и дедыслõ, и колхозлõ* [Минин, 2015, с. 215] ‘И хорошо – работает парень, приносит нужную пользу и деду, и колхозу’; *Нем сылõ [Õкульлõ] õнi оз ков син одзас, оз гажõт сийõ тулысыс, и эта пыдõстõм, сõстõм небоыс, и Стречалун праздникыс* [Лихачев, 2014, с. 150] ‘Ничто ей [Акулине] теперь не нужно перед глазами, не радует ее весна, и это бездонное чистое небо, и праздник Сретение’.

В сочинительном значении союз *да* ‘и’, как заимствованный из русского языка, приводится в грамматике Н.А. Рогова [1860, с. 82]. Для современного коми-пермяцкого литературного языка, в т.ч. и для художественной речи, характерно широкое употребление синтаксических конструкций с союзом *да*, в которых он является не только синтаксическим скрепом между соединяемыми величинами, но и выражает различные смысловые отношения между ними. В передаче этих отношений наряду с союзом *да* важную роль играют и другие факторы. Поэтому конкретное значение союза *да*, как и союза *и*, раскрывается в контексте.

Союз *да* ‘и’ употребляется для соединения двух понятий, выражаемых однородными членами: *Но кысь ни тэ кутан Рыжыкõс: коккес сылõн ёнõсь да вынайõсь, томõсь да удалõсь* [Лихачев, 2014, с. 129] ‘Но откуда уже тебе поймать Рыжика: ноги у него сильные и крепкие, молодые и удалые’.

В структурно-семантическом блоке однородных членов предложения, когда составляющие его компоненты выражены формами глаголов одного и того

же времени, может передаваться значение одновременности действий: *Учотсянь Андрей Миков пондіс радейтны книгаэз, бура велотчис да кончитіс начальнй школа* [Лихачев, 2014, с. 10] ‘С малых лет Андрей Миков стал любить книги, хорошо учился и закончил начальную школу’.

Союз *да* может выступать в функциях союзов *а, но* и выражать *сопоставительно-противительные* отношения, которые находят свое проявление в структуре сложносочиненного предложения между его предикативными частями, где говорится о предметах или действиях, сопоставляемых или противопоставляемых друг другу в каком-либо отношении.

При сопоставительных отношениях функция союза *да* близка к функции союза *а*. Сопоставительная связь осуществляется через сказуемые: *Сылісь жё пестерсё кинкё гусялём нето дзебём, да сійё жё ёні эта понда видёны* [Фадеев, 1991, с. 189] ‘У него же пестерь кто-то украл или спрятал, а его же теперь из-за этого ругают’.

При противительных отношениях функция союза *да* близка к функции союза *но*. Эти отношения ярко выражаются в тех случаях, когда одна из предикативных частей является отрицательной, например: *Уна Рыжык баитліс Васькалё не мунны Сибирьё, да эз кывзы Васька, муніс тай то кошышыны бур олансё мёдїклаё* [Лихачев, 2014, с. 121] ‘Много Рыжик беседовал с Василием не ехать в Сибирь, да (но) не послушал Василий, уехал вот искать хорошую жизнь в другом месте’.

При реализации противительных отношений союз *да* может сопровождаться частицей *сё жё*, вносящей в значение противопоставления уступительный оттенок: *Ась пё, коть дзескыт, да сё жё не ётёрын, мед пё коть кытишёмкё пельёс вёлі нывкаытлён сиротакёт* [Лихачев, 2014, с. 159] ‘Пусть, мол, хоть тесно, да (но) всё же не на улице, пусть, мол, хоть какой-то угол был у девушки’.

Союз *да* может выступать в реализации *присоединительных* отношений. Предложения (предикативные части), присоединяемые при помощи союза *да*, по своему содержанию являются дополнительным сообщением, пояснением или замечанием к предыдущему предложению, например: *Кыдз вылын китшкё катша, норасьё ракалё, кёда неылын сы дынсянь пукалё ув вылын: сьёкыт пё оланыс лоис, коть тиыгйён кув; да сэтчё жё эшё морозыс чуқыртё* [Лихачев, 2014, с. 117] ‘На березе стрекочет сорока, жалуется ворону, который недалеко от нее сидит на ветке: тяжелая, мол, жизнь стала, хоть голодом помирай; да туда же еще мороз глушит’.

Союз *да* в коми-пермяцком языке, как и в коми-зырянском, может занимать позицию в конце соединяемого компонента, например: *Ёні сія богатёй: деньга ёксёма сотня-мёд: вузаліс керку, пода, берсясё да* [Лихачев, 2014, с. 110] ‘Теперь он богатый, денег накоплено пару сотен: продал дом, скот да всякую всячину’.

В коми-пермяцком языке аналогом союза *ни ... ни* является союз *не ... не*, служащий, как и в коми-зырянском языке, для связи однородных членов в отрицательных предложениях. Например: *Эстён көркө вöлісö дас ети керкуэз, олісö отир, но талун оз кыв не морт голос, не поннэзлön вувтöм* [Федосеев, 1989, с. 6] ‘Там когда-то было около десяти домов, жили люди, но сегодня не слышны ни голоса людей, ни лай собак’; *Не асланым, не йöзыс керкуас юась-тöг оз пыр, а öні...* [Федосеев, 1991, с. 10] ‘Ни свои, ни другие люди в дом без спроса не заходили, а теперь...’; *Сідз и пондас кыдз көиннэз коласын овны – не кулöм, не ловъя* [Федосеев, 1989, с. 52] ‘Так и будет, как волки, в перелеске жить – ни мертвый, ни живой’; *Сідз и пондас кыдз көиннэз коласын овны – не кулöм, не ловъя* [Там же] ‘Так и будет, как среди волков, в перелеске жить – ни мертвый, ни живой’; *Мöдік бы Вадимыс местаын тöждісис деньга понда, шогалис, что öтнас – не бöрас, не одзас, не ёрт, не враг, а сія – шыннялö, оз тöждісь, нем понда оз горзы, ашынна луныс сылö эм и абу* [Там же, с. 54] ‘Другой бы на месте Вадима беспокоился из-за денег, мучился, что один – ни позади, ни впереди, ни товарища, ни врага, а он – улыбается, не беспокоится, ни о чем не плачет, завтрашний день ему хоть есть, хоть нет’.

В коми-пермяцком языке союз *не ... не*, как и *ни ... ни* в коми-зырянском, может быть одиночным. С его помощью нередко образуются сочетания фразеологического характера, например: *Ланьтіс деревня: шы не тöв* [Лихачев, 2014, с. 114] ‘Деревня затихла: тишина’.

Союз *не...не* характерен также для удмуртского языка, в котором в сочинительных конструкциях реализует два значения: ‘ни ... ни’ и ‘и ... и’, например: – *Не валлян, не толон мон со ужез лэсьтыса öй вутты* – ‘Ни позавчера, ни вчера я не успел сделать эту работу’; – *Пукисько мон куак пöлын, эшелэсь йырзэ ал вылам возьыса: не сое кельтыны жаль, не эшөслэсь кылыны умой-тэм...* – ‘Сижу я в кустах, держа на коленях голову своего товарища: и оставить его жалко, и от товарищей отставать нехорошо...’ [ГСУЯ, 1962, с. 325]. В других финно-угорских языках союз *не ... не* отсутствует. А союз *ни...ни*, заимствованный из русского языка, функционирует в вепском [СВЯ, 1972, с. 358], карельском [СКарЯ, 1994, с. 177], марийском [Сибатрова, 2021, с. 247] языках.

На наш взгляд, союз *не ... не* в коми-пермяцком и удмуртском языках представляет собой заимствование из русского языка с фонетической адаптацией. Основанием для такого вывода является семантическое тождество союзов *не ... не* и *ни ... ни*, а также отсутствие союза *не ... не* в других финно-угорских языках. Возможно, по устному восприятию союз-частица *ни* была усвоена как *не* и в таком звучании из разговорного языка перешла в литературный. Позднее, в результате переосмысления, она стала функционировать в роли соединительного союза.

Материалы исследования показывают, что слово *сэсса* со значениями ‘1) потом, затем; 2) кроме этого; сверх этого; больше’ [КПРС, 1985, с. 466] в коми-пермяцком языке, как и в коми-зырянском [Попова, 2015, с. 37–39], способно выполнять функцию сочинительного союза и составлять ряд соединительных союзов. Однако в грамматике коми-пермяцкого языка [КПЯ, 1962] лексема *сэсса* не отмечена ни в одной из лексико-грамматических групп слов.

Сэсса ‘затем, потом’ – это союзное наречие. Его переходный характер определяется особенностями значения слова. Употребление его между однородными членами и предикативными частями сложного предложения, выражающими временные отношения, ведет к переходу наречия *сэсса* в разряд грамматических средств связи. Например: *Зоночка съёвзис посёдз вывсынь канавы сайё, сэсса босьтіс бедь, да мымда вын шентышитіс йёрыслань ...* [Минин, 2015, с. 198] ‘Мальчик плюнул с сеной за канаву, затем взял палку, и что было силы кинул к огороду ...’. В данном случае лексема *сэсса* служит для связывания глаголов-сказуемых *съёвзис* ‘плюнул’ и *босьтіс* ‘взял’, относящихся к одному субъекту и по времени действия следующих друг за другом.

Иногда союзное наречие *сэсса* по своей функции близко к союзу *и*, но отличается от него тем, что придает связи между соединяемыми компонентами оттенок присоединения: *Мёдік муніс бы боки, эз и дзарнит бы эта пружина вылё, а Степанко босьтіс киё, бергётліс мымдакё, сэсса решитіс: хозяйствотоын пригодитчас* [Там же, с. 94] ‘Другой прошел бы стороной и не глянул бы на эту пружину, а Степанко взял в руки, покрутил сколько-то и решил: в хозяйстве пригодится’.

2. Союзы с присоединительной семантикой

Союз *да и* ‘да и’, заимствованный из русского языка, является разновидностью соединительных союзов. Его основное значение – указание на добавочность информации: *и кроме того, и к тому же, и притом*. Мы квалифицируем *да и* как союз *присоединительного значения*.

В предложении – *Ась перво весётёны шутёммесё да и пондёны вёлись уджавны* [Лихачев, 2014, с. 125] ‘– Пускай сначала расчистят целину (да) и только тогда начнут работать’ союз *да и* служит для связывания глаголов-сказуемых, относящихся к одному субъекту и по времени действия следующих друг за другом. Второй однородный член – сказуемое *пондёны уджавны* – выражает вывод, заключение к ранее высказанной мысли.

Союз *да и* служит для присоединения одной предикативной части к другой, придавая указанной связи оттенок ‘и кроме того, и к тому же’: *Деревня шёрё, улицаэз коласё, тёлыс озжык сідз сибав, да и сэтён, шедан кё, сідз бы кок вылісь и уськётё* [Лихачев, 2014, с. 109] ‘До середины деревни, в промежутки улиц, ветер не так попадает, да и там, если попадешься, (так бы и) с ног свалит’; *Учётік керкуокыс, куим ёшынон только видзётчё, да и семьяыс*

Ефремлөн аслас абу учёт... [Лихачев, 2014, с. 159] ‘Маленькая избушка, с тремя окошками только, да и семья у самого Ефрема не маленькая...’

3. Союзы с сопоставительной семантикой

В коми-пермяцком языке в роли подчинительных союзов фиксируются *сідз кыздз* ‘так как’, *сымда, мымда* ‘столько, сколько’, *кысянь, сысянь* ‘откуда, откуда’, *кытён, сэтён* ‘где, там’ [КПЯ, 1962, с. 312; Баталова, 1975, с. 206], однако без соответствующих примеров. В коми-зырянском языке союзы подобного рода квалифицируются как сочинительные с сопоставительной семантикой [ÖKK, 2000, с. 495–496; Попова, 2015, с. 50–51; 2022, с. 74–76], поскольку они служат для связи однородных членов предложения и предикативных частей в сложносочиненных конструкциях. Соединяемые компоненты с данными союзами объединяются в двучленную замкнутую структуру, в которой нет зависимости между соединяемыми компонентами. Союзы подчеркивают особую (большую или меньшую) значимость второй из соединяемых ими синтаксических единиц – однородных членов или предикативных частей сложносочиненного предложения, например: *Кыздз водіс [Виталько], сідзи и ланьтіс, дзик вийём* [Минин, 2015, с. 217] ‘Как лег [Виталько], так и уснул, словно убитый’; *Кыздз быд мортлөн эм аслас голос, сідзи и быд гырлөн вёлі аскодя голос* [Там же, с. 93] ‘Как у каждого человека есть свой голос, так и у каждой ступы был упрямый голос’. В первом предложении союз *кыздз – сідзи и* соединяет однородные члены *водіс* ‘лег’ и *ланьтіс* ‘уснул’, во втором – предикативные части сложносочиненного предложения, указывая на большую значимость второго соединяемого компонента.

В современном коми-пермяцком литературном языке часто употребляющимся союзом сопоставительного значения является *не только – но и* ‘не только – но и’, заимствованный из русского языка, например: *Важынсянь тёдённы Мосяззёс не только Конановчыын, но и матісь сы гөгөр деревнязын* [Лихачев, 2014, с. 111] ‘С давних пор знают Мосю не только в Конановчи, но и в ближних деревнях’; *Сылён [пилалён] шыыс уськётчис логлань и сибдіс тиёк тэллино, кытісь талун пыишисё не только ыджыт зверрез, но и дзебсисисё шыррез* [Федосеев, 1989, с. 49] ‘Ее [пилы] звук кинулся к лощине и пропал в густом ельнике, откуда сегодня убежали не только большие звери, но и спрятались мыши’; *Не только гыриссес коласны, но и челядьсё кулаччо сувтётёны паныт коллективса челядькёт* [Лихачев, 2014, с. 130] ‘Не только взрослых, но и детей кулачье ставит против детей коллектива’.

Союз *кётъ и – да* ‘хотя и – да (но)’ придает сопоставлению уступительный оттенок: – ... *Няныс миян кётъ и умёлик, да эм* [Фадеев, 1991, с. 191] ‘– Хлеб у нас хоть и плохой, но есть’.

Ряд союзов с сопоставительной семантикой требует дальнейшего подробного изучения.

Заключение

В предложениях с соединительными союзами выражаются соединительные отношения. Это очень широкое грамматическое значение включает в себя соединительно-перечислительные, временные, причинно-следственные, условно-следственные, присоединительные, сопоставительные и другие отношения. Все эти значения дифференцируются при помощи различных по своим семантико-стилистическим качествам союзов, а также разных соотношений видо-временных и модальных форм сказуемых и типизированных лексических элементов.

Среди соединительных союзов, в зависимости от их семантических особенностей, можно выделить присоединительные и сопоставительные (или градационные) союзы. Это более дробное деление, проводимое уже внутри соединительных союзов. В значение присоединительных и сопоставительных (или градационных) союзов входит, точно так же, как и в значение основных соединительных союзов *и, и ... и, да, не ... не*, элемент смысла 'оба компонента (X и Y) имеют место'. Поэтому мы включаем их как особые подклассы в класс соединительных союзов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М.: Изд-во Ин-та языкознания АН СССР, 1990. 205 с.
- Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.; Гамбург, 1995. 197 с.
- Баталова Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении: науч. докл., представленный в качестве дис. д-ра филол. наук. М., 1998. 69 с.
- Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М.; Гронинген, 2002. 168 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П.Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
- Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 195 с.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь = Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост.: Р.М. Баталова, Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
- КПЯ – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология: учеб. для вузов / под ред. и при соавт. В.И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. 340 с.
- Лихачев М.П. Бӧрйӧм = Избранное. Кудымкар: Коми-Пермяц. этнокультур. центр, 2014. 400 с.

Лобанова А.С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 167 с.

Майшев И.И. Грамматика коми языка. Сыктывкар: Комигиз, 1940. 92 с.

Минин И.А. Бӧрйӧм = Избранное. Кудымкар: Коми-Пермяц. этнокультур. центр, 2015. 352 с.

ӦКК – Ӧнія коми кыв: Морфология = Современный коми язык: Морфология / отв. ред. Г.В. Федунева. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. 544 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 206 с.

Попова Э.Н. Союзы и союзные средства в коми языке. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 112 с.

Попова Э.Н. Формирование и развитие системы союзов и союзных средств в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022. 182 с.

РГ – Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. II: Синтаксис. 709 с.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1860. 176 с.

СВЯ – Словарь вепского языка / авт.-сост. М.И. Зайцева. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. 746 с.

Сибатрова С.С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.

СкарЯ – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

СКЯ – Современный коми язык: учеб. для высш. учеб. завед. / под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. 312 с.

Фадеев Т.П. Олӧм лун: рассказзэс да повестезэс = Прожитый день: рассказы и повести. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. 352 с.

Федосеев С.А. Повны – не овны: повесттезэс = Бояться – не жить: повести. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1989. 302 с.

Федосеев С.А. Кусӧм биззэ: повесттезэс = Потухшие огни: повести. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. 304 с.

Hansson B. A program for pragmatics // Logical theory and semantic analysis. Dordrecht: Reidel Publ., 1974. Pp. 163–174.

Katz J.J., Fodor J.A. The structure of a semantic theory // Language. 1963. Vol. 39. № 1. Pp. 170–210.

Jackendoff R.S. Semantics and Cognition. L.; Cambridge: MIT Press, 1983. 283 p.

Wierzbicka A. Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language. Sydney: Academic Press, 1980. 367 p.

Wierzbicka A. A semantic basis for linguistic typology // Типология и теория языка: сб. науч. ст. к 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / ред.: Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 26–35.

Eleonora Popova

SEMANTIC FEATURES OF COORDINATING CONJUNCTIONS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Introduction. The relevance of the present paper is connected with the understudied issues of origin, formation, semantics of Komi-Permyak conjunctions. **The purpose of the article** is to analyze the grammatical semantics of coordinating conjunctions in Komi-Permyak literary language. **Materials and methods.** The research material includes Komi-Permyak literary works, fiction, dictionaries, scientific publications on other Finno-Ugric languages. Descriptive and analytical, comparative methods were applied. **Results of the research, discussion.** The semantic structure of conjunctions in Komi-Permyak is analyzed in detail for the first time in this article. In some cases, coordinating conjunctions are compared with the semantic structure of Komi-Zyryan conjunctions. **Conclusion.** The coordinating conjunctions of the Komi-Permyak and Komi-Zyryan languages are mainly borrowed from Russian. In both languages, in Komi-Permyak and Komi-Zyryan, among the coordinating conjunctions, depending on their semantic peculiarities, one can distinguish conjunctive and comparative (or gradational) conjunctions.

Keywords: the Komi-Permyak language; coordinating conjunctions; semantics; the Komi-Zyryan language.

REFERENCES

- Batalova R.M. Komi-permjackaja dialectologija [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka, 1975, 225 p. (In Russian and Permian).
- Batalova R.M. Unificirovannoe opisanie dialektov ural'skih jazykov. On'kovskij dialekt komi-permjackogo jazyka [Unified Description of the Dialects of the Uralic Languages. The On'kov Dialect of the Komi-Permyak Language]. Moscow, Institut jazykoznanija Akademii nauk SSSR, 1990, 205 p. (In Russian and Permian).
- Batalova R.M. Unificirovannoe opisanie dialektov ural'skih jazykov. Nizhnein'venskij dialekt komi-permjackogo jazyka [Unified Description of the Dialects of the Uralic Languages. The Nizhneinvenskiy Dialect of the Komi-Permyak Language]. Moscow; Hamburg, 1995, 197 p. (In Russian and Permian).
- Batalova R.M. Dialektnaja sistema komi-permjackogo jazyka i ee razvitie v sravnitel'nom i areal'nom osveshhenii [The Dialectal System of the Komi-Permian Language and its Development in Comparative and Areal Coverage]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 1998, 69 p. (In Russian and Permian).
- Batalova R.M. Unificirovannoe opisanie dialektov ural'skih jazykov. Kudymkarsko-in'venskij dialekt komi-permjackogo jazyka [Unified Description of the Dialects of the Uralic Languages. The Kudymkar-In'va Dialect of the Komi-Permian Language]. Moscow; Groningen, 2002, 168 p. (In Russian and Permian).

Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: Fonetika i morfologija [Modern Udmurt Grammar: Phonetics and Morphology]. Ed. P.N. Perevoshnikov. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962, 376 p. (In Russian and Udmurt).

Dmitrieva R.P. Kosinsko-kamskij dialekt komi-permjackogo jazyka (fonetika, morfologija [Kosin-Kama Dialect of the Komi-Permyak Language (Phonetics, Morphology)]. Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 1998, 195 p. (In Russian and Permian).

Komi-permjacko-russkõy slovar' [Komi-Permyak-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk, 1985, 621 p. (In Permian and Russian).

Komi-permjackij jazyk: Vvedenie, fonetika, leksika i morfologija [The Komi-Permyak language: Introduction, Phonetics, Vocabulary and Morphology: Textbook for University Students]. Ed. V.I. Lytkin. Kudymkar, Komi-permjackoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962, 340 p. (In Russian and Permian).

Lihachev M.P. Böryöm [Selected Works]. Kudymkar, Komi-Permjackij etnokul'turnyj centr, 2014, 400 p. (In Permian).

Lobanova A.S. Kochevskij dialekt komi-permjackogo jazyka [Kochhev Dialect of the Komi-Permyak Language]. Ph. D. thesis. Moscow, 1993, 167 p. (In Russian and Permian).

Majshev I.I. Grammatika komi jazyka [Komi Grammar]. Syktyvkar, Komigiz, 1940, 92 p. (In Russian and Permian).

Minin I.A. Böryöm [Selected Works]. Kudymkar, Komi-Permjackij etnokul'turnyj centr, 2015, 352 p. (In Permian).

Önija komi kyv: Morfologija [Modern Komi Language: Morphology]. Ed. G.V. Fedjuneva. Syktyvkar, Komi nebög ledzanin, 2000, 544 p. (In Komi).

Ponomareva L.G. Fonetika i morfologija mysovsko-lup'inskogo dialekta komi-permjackogo jazyka [Phonetics and Morphology of the Mysov-Lup' Dialect of the Komi-Permyak Language]. Ph. D. thesis. Izhevsk, 2002, 206 p. (In Russian and Permian).

Popova E.N. Sojuzy i sojuznye sredstva v komi jazyke [Conjunctions and Connective Words in the Komi Language]. Syktyvkar, Institut jazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2015, 112 p. (In Russian and Komi).

Popova E.N. Formirovanie i razvitie sistemy sojuzov i sojuznyh sredstv v komi jazyke [Formation and Development of the System of Conjunctions and Connective Words in the Komi Language]. Ph. D. thesis. Izhevsk, 2022, 182 p. (In Russian and Komi).

Russkaja grammatika. Tom II. Sintaksis [Russian Grammar. Tom II. Syntaxis]. Moscow, Nauka, 1980, 709 p. (In Russian).

Rogov N.A. Opyt grammatiki permjackogo jazyka [Experimental Grammar of the Permian Language]. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1860, 176 p. (In Russian and Permian).

Slovar' vep'skogo jazyka [Dictionary of the Veps Language]. Leningrad, Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1972, 746 p. (In Vepsian and Russian).

Sibatrova S.S. Marijsko-russkie jazykovye kontakty: morfologija marijskogo jazyka [Mari-Russian Language Contacts: Morphology of the Mari Language]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2021, 426 p. (In Russian and Mari).

Slovar' karel'skogo jazyka (tverskie govory) [Dictionary of the Karelian language (Tver' Dialects)]. Petrozavodsk, Karelija, 1994, 396 p. (In Karelian and Russian).

Sovremennij komi jazyk. Part 1: Phonetics, vocabulary, morphology [Modern Komi language. Part 1. Phonetics, vocabulary, morphology]. Ed. V.I. Lytkin. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1955, 312 p. (In Russian and Komi).

Fadeev T.P. Olöm lun: rasskazzes da povestez [Lived Day: Short Stories and Novellas]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 352 p. (In Permian).

Fedoseev S.A. Povny – ne ovny: povesttez [To be afraid is not to live: novellas]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 302 p. (In Permian).

Fedoseev S.A. Kusöm biez: povesttez [Extinguished Lights: Novellas]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 304 p. (In Permian).

Hansson B. A program for pragmatics. *Logical theory and semantic analysis*. Dordrecht, Reidel, 1974, pp. 163-174. (In English).

Katz J.J., Fodor J.A. The structure of a semantic theory. *Language*, 1963, vol. 39, no. 1, pp. 170-210. (In English).

Jackendoff R.S. *Semantics and cognition*. L.; Cambridge, MIT Press, 1983, 283 p. (In English).

Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language*. Sydney, Academic Press, 1980, 367 p. (In English).

Wierzbicka A. A semantic basis for linguistic typology. *Tipologija i teorija jazyka. Sbornik nauchnyh statej k 60-letiju Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. [Typology and theory of language: To the 60th anniversary of Alexander Evgenievich Kibrik]. Eds. by E.V. Rakhilina, Ja.G. Testelefs. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1999, pp. 26-35. (In English and Russian).

Попова Элеонора Николаевна

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: eleonora.20.02@mail.ru

Eleonora Popova

Candidate of Philological Sciences,
Researcher of the Institute
of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: eleonora.20.02@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.112.0

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-49-65

В. АБУКАЕВ-ЭМГАКЫН ДРАМАТУРГИЙЖЕ: ПОЭТИКЕ ЙОДЫШ

© 2025 Г.Н. Бояринова

Введение. В марийском литературоведении творчество драматурга Вячеслава Абукаева-Эмгака со стороны поэтики в обобщенном варианте не было предметом научного исследования. Автор данной статьи опубликовала ряд работ по отдельным произведениям исследуемого автора. Нами также рассматривались отдельные аспекты произведений марийского драматурга В. Абукаева-Эмгака в обзорном плане. Настоящая статья является первой попыткой освещения заявленной темы. **Цель статьи** – выявление художественных особенностей избранных произведений драматурга, выяснение поэтики художественного мастерства писателя. **Материалы и методы.** Материалами послужили драматические произведения разных жанров исследуемого автора, также литературоведческие и смежные научные изыскания исследователей по данной проблематике. Основной метод исследования – структурно-семантический. **Результаты исследования, обсуждение.** Жанр марийской комедии В. Абукаев-Эмгак обогатил разными ее формами. Если первая пьеса «Ушкал йомын огыл» («Корова не пропала», 1985) была пробой пера в жанре социально-бытовой комедии, то «Шем оржан ош поран» («Черногривый белый буран», 1994) написана в форме трагикомедии. Образ белого бурана с черной гривой связывает всех участников действия вокруг центрального персонажа – пьяного мужчины, лежащего на городской улице. Конфликт произведения заставляет размышлять о нестандартной ситуации, разыгрываемой в непогожий вечер. В. Абукаев-Эмгак испытывает своих героев на человечность и терпимость, причем не только персонажей пьесы, но и общественное сознание в целом на нравственную состоятельность. Драматург «сталкивает» как отдельных членов общества, простых граждан, так и представителей власти с беспомощным пьяным человеком, уснувшим прямо посередине городской улицы. В трагикомедии налицо обличительный пафос как форма выражения авторской критики. Драматург В. Абукаев-Эмгак подвергает критике челове-

ческие пороки, общественные недостатки, отражает дух эпохи, колорит народной жизни. В драме «Часы с кукушками» писатель рассматривает сложные взаимоотношения в семьях героев, подчеркивает, что атмосферу в семейной жизни в большей степени создают жены, в руках женщин находится тот стержень, благодаря которому держится семейный корабль. Религиозная тематика становится основной в социально-бытовой драме «Ош теркупш», «Ош кече йымалне» («Белая шляпа», «Под белым солнцем», 1995), где художественный образ шляпы перерастает в обобщенный символический образ языческой веры и марийской культуры. Эпитет «белый» подчеркивает чистоту помыслов носителей древней религиозной культуры, философское видение мира и сознание марийского народа. В этом слове заложены вечные начала. Светлый Бог для мари – символ мира и добра, справедливости, святости. Этих принципов придерживается семья старика Янгелде. Конфликт драмы связан с событиями, связанными с коллективизацией. Внук Янгелде, Корий, в качестве двадцатипятилетнего возвращается в родную деревню, чтобы строить новый общественный порядок. Он вступает в противоборство с самыми близкими людьми, что приводит к семейной трагедии. Драма В. Абукаева-Эмгака «Кайыккомбо кашта» («Млечный путь», 2008) состоит из двух частей. Ее жанр можно определить как драма-хроника. Основная тема – военная, тема войны и солдата, долга и чести, предательства проходит через все сюжетное действие произведения. Конфликт связан со многими проблемами действительности, он проходит через судьбы действующих лиц, отражает сложные взаимоотношения героев драмы как в прошлом, во время войны, так и в настоящее время. В тексте драмы встречается много повторов. Данный художественный прием выполняет несколько функций. Он, с одной стороны, выделяет центральные семантические поля текста, с другой – является маркером характеристики персонажей, с третьей – с помощью данного приема автор сближает или противопоставляет действующих лиц. А главная функция повтора – выражение основной идеи драмы. Для этого автор использовал прием повторяющихся речевых средств. Они в тексте находятся как в синонимических, так и в антонимических отношениях. Повтор наблюдается как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Через все действенное пространство красной нитью проходит часто повторяющийся образ Млечного пути. И это не случайно. Этот символический образ несет глубинное значение, связан с философским подтекстом произведения. Не раз упоминаются образы огня, птиц. Они связаны с национальным мировидением марийского народа. Цветовая символика подчеркивает реалии национального быта, духовно-нравственную глубину образов. Контраст «белое и черное» связан с темой войны и мира, добра и зла, честности и предательства. Повтор заметен и в употреблении песенного

материала. Художественная роль таких элементов многообразна. Главная из них – патриотическая. Песни подчеркивают колорит военной действительности, веру людей в победу над фашистской Германией. Они также связываются со складом душевных переживаний персонажей, подчеркивая лирико-романтическую стилистику произведения. Интересна архитектура произведения, драма состоит из картин действительности начала XXI века (это основная сюжетная канва драмы) и множества небольших военных фрагментов. Рисуется военные действия, связанные с Великой Отечественной войной (это вторая линия сюжета), есть фрагменты, связанные с Чеченской военной кампанией. Автор ведет своеобразную переключку данных военных операций. Ретроспективные картины оформлены одинаковым образом, с помощью ремарки: сцена затемняется, затем освещается. В структуре драмы много голосового «шума». Это голоса улетающих и прилетающих диких гусей, завывание ветра, неистовство бури, треск огня, пулеметные очереди, крики раненых и т.д. Звуковое оформление пьесы связывается с основной темой и идеей произведения. Наличие психологических ремарок связано с переживаниями центрального героя драмы – с образом ветерана войны Сайнай. С помощью приема языкового многоголосья (звучат русская, украинская, чеченская, арабская, английская речь) автор подчеркивает масштабность избранной темы, ее глубину, актуальность. В текст произведения автор ввел документальный материал: использовал фрагменты из художественного фильма «Они сражались за Родину», передачи «Жди меня», упомянул ее ведущего И. Квашу. Экранизация фрагмента парада 1941 года подчеркивает веру советского народа в победу над врагом. В тексте драмы часто звучат «живые голоса», используются массовые сцены, они свидетельствуют о масштабе трагедии. **Заключение.** В статье рассматриваются отдельные драматические произведения В. Абукаева-Эмгака в контексте поэтики. Анализ избранных драматических произведений В. Абукаева-Эмгака говорит о том, что талант художника слова налицо. Марийскую драматургию он обогатил разными жанровыми формами, создал яркие художественные образы, индивидуализировал их многогранными характерами, имел свой почерк и стилистику.

Ключевые слова: В. Абукаев-Эмгак; комедия; трагикомедия; драма; поэтика; тема; проблема; конфликт; идея; мировоззрение; автор.

Ончылмут

Кызытсе марий драматургийын түрлө шöрынжым кок монографийыште [Беляева, 2012; Бояринова, 2005] шымлыме. Тылеч посна ятыр статья возалтын [Бояринова, 2019, 2020, 2020 да т.м., Яковлева, 2007, 2012]. Тушто тачысе драматургий нерген ойлымо годым В. Абукаев-Эмгакын усталыкшымат

каласен кодымо. Тыгак посна статьялаште В. Абукаев-Эмгакын творчествожым түрлө могырым шымлыме [Беляева, 2014, 2015; Бояринова, 2007, 2008, 2013, 2019]. Туге гынат чумыр налмаште поэтикежым иктешлен кодымо огыл. Тиде чырым корандаш манын, статья возалтын.

Статьян цельже – В. Абукаев-Эмгакын усталыкшым поэтике могырым шымлаш, трагикомедий ден драмылаштыже кучылтмо сылнымут йөн-влакым палемдаш, чоҥалтме йодышым рашемдаш, возымо стильжым ончыкташ.

Материал ден йөн-влак

Шымлымашын негызшылан тунжым серызын жанр шотышто ойыртемалтше пьесыже-влакым налме – тиде «Шем оржан ош поран» трагикомедий, «Ош теркупш», «Куку шагат», «Кайыккомбо кашта» драме-влак. Тыгак марий сылнымутым да тувырам шымлызе-влакын пашаштлан энертыме. Пашан тун методшо семын структур ден семантике йонным шотлыман.

Шымлымашын лектышыже, канашымаш

Вячеслав Александрович Абукаев-Эмгак (1959–2008) – кумдан палыме марий поэт, прозым возышо мутмастар, публицист, кусарыше да драматург. Тудо ятыр книгам чумырен луктын, шуко чап лумым сулен налше айдеме, Марий Эл Республикын калык писательже. Серызе кучык умырым илен гынат, марий сылнымутышто чапле кышам коден, марий литературым шуко онай сылнымут дене пайдарен, садлан марий калык тудым эрелан шарнен илаш туналеш.

Драматургийыш В. Абукаев вучыдымын, пеш самырык ийготышто толын лектын, тунам тудлан улыжат 26 ий гына лийын. 1985-ше ийыште серызын «Ушкар йомын огыл» койдарчыкше почеш марий театр сценыште спектакль шындальтын. Тыге В. Абукаев театр илышыш шынген пурен, сцене гоч шке шонымашыжым луктын каласен. Комедийыште самырык драматург колхоз илыш ойыртемем почын пуэн, производство йодышым шынден, 1980-шо ийласе ял илышым ончыктен.

Койдарчык жанрым сылнымутчо түрлө формо дене пайдарен. Икымше пьесыже комедий лийын гын, «Шем оржан ош поран» (1994) сылнымутшын жанржым шымлызе-влак трагикомедий але трагифарс семын акленят. Нине термин коклам ончалына. «Фарс как самостоятельный жанр обладал основными признаками народных представлений – массовостью, сатирической направленностью, буффонадой» [Елисеев, Полякова, 2002, с. 267–268]. Вес мутерыште тыге умылтарыме: «Фарс – разновидность драмы, стремящаяся вызывать смех путем преувеличения качеств персонажей и усложнения сюжета, наспигованного нелепыми эпизодами, смехотворными ситуациями сносшибательными поступками» [Борев, 2003, с. 490]. Мемнан шонымаште, драматургын тиде сылнымутшо фарс жанрлан келшен ок тол. Ме тыште сюжет

ярымым нелемдымым, воштылтышлан келыштарымым, персонаж-влакым чот кугемден ончыктымым пешыже она шеклане.

«Трагикомедия – трагикомическое как эстетическое свойство, кристаллизовавшееся в жанровую структуру... Мрачная комедия, в которой показ деградации личности в современном обществе порой звучит как безысходность. В этих пьесах звучит мотив утраты иллюзий и слышна ирония по отношению к персонажам, к публике, к самому автору и его творчеству [Борев, 2003, с. 474]. Ужына, тиде умылттарымаш В. Абукаевын возымыжлан утларак келшен толеш.

Пьесе кок вуймутан: «Межа» ден «Шем оржан ош поран». Кок лўмжат келшен толшо. Ик семынже, икымше вуймут трагикомедийын тўн шонымашыжым кумдан почын пуа гын, кокымшыжо моторын шокта, метафор сынан. Шем оржан ош поранын образше кўлешан сылнымут сомылым шукта: тудо пьесысе чыла персонаж-влакым тўн герой йыр чумыра. Тудыжо, йўын йўрлшў пўрєн, поранан кастене олесе уремыште пўрдалеш. Трагикомедийын вашпижмашыж гоч автор тыглай огыл ситуацийыште шочшо йодышым ронча, илыш нерген келгын шонкалаш тарата.

Драматург чын палемда: кажне айдемын чоныштыжо ваштарешла шогышо шонымаш, кумыл иланен кертеш, чўчкыдынак «ошо» ден «шеме» воктенак улыт, пошкудо семын шўмыштў «верланат», поро пелен осалжат «кержалт» кертеш, нуно икте-весеышт дене чўчкыдынак «ўчашат», южгунамже «вурсе-дылыт», ваш пижыт. Кушто вара нунын кокласе чекше, межаже, йодышым шында драматург, нунылан вашмутым лудшо ден ончышо мушаш улыт. Тугеже, пьесе лўм сылнымутын тўн шонымашыжым ончыкта. Айдеме чонышто шинчалан койдымо межат эреак шкеж нерген палдара, тудо озажын могай чонан улмыжым ончыкта. Тидымак драматург ончыко луктеш. В. Абукаев-Эмгак персонаж-влакым чытышлык шотышто терга, могай айдеме улмышт нерген шоналташ тарата. Мо онайже, посна герой-влакым гына огыл, тыгак чумыр калык шонышым, кучем йодышым. Тыге пьесыште ола уремыште пўрдалше йўшў пўрєн дене тыглай проста айдеме-влак гына огыл, эшеже кучемиш айдемышт тўкнат, могай улмыштым раш ончыктат.

Пьесе кок ужаш гыч шога, нуно ваштарешла пуалтыт, антитезе полшымо дене чоналтыт. Персонаж кышкарым ончалаш гын, каласыман: нуно тўрлў сословий гыч улыт, ийгот денат ойыртемалтыт. Арака йўмў теме – трагикомедийын тўн йодышыжо. Тудым автор тўрлў могыр гыч онча. Пьесын геройжо-влакат тиде йодыш дене чак кылдалт почылтыт.

Ончалына пьесын ик онай персонажшым – Лаврентийым. Моло образ-влак деч тудо ойыртемалтеш. Тиде ойыртемже теве кушто: тудо, ик семынже, судья семын сўретлалтеш, вес могырым – шкежат арака йўмў деч утлен кертдыме, сандене тиде аяр кишкын кидыштыже. Моло герой-влак дене

танаастарымаште (а пьесыште ик положительный персонажат уке) тудо содыки айдеме семын кўшнырак шога. Тудым эн уда-влак кокла гыч ик «сайжылан» шотлыман. Арам огыл автор тудлан лўмым кучыктен, вет вес персонажышт, Нина деч молыжо, лўман огытыл. Туге гынат кутырымаш, йодыштвамшт гоч могай лўман улмыштым пален налаш лиеш. Тиде сылнымут йөн пьесын жанр могырым ойыртемже гыч лектын шога.

Трагикомедийын персонажше-влак социал могырым почылтыт, кучем велым могай улмыштат рашемеш. Иктешыже нуно мер кышкарын могай улмыштым ончыктат, тудын «тўсшым» палемдат. Мо онайже: тиде лўмдымō йўын вочшо пōрњенын туткарыш логалмыж гоч персонаж-влак шке илышыштым радамлаш тўналыт, могай улмыштым раш почыт, илышым кузе ужмыштым, молым аклымыштым эше ик гана шканышт шке рашемдат.

Пьесыште антигерой-влак тыгаяк сынан персонаж-влак дене ваш тўкнат. Автор милиций пашаен-влакым воштыл ончыкта. Тыге, тиде системыште мо ышталтым тўжваке луктеш. Милиций пашаен-влак карикатур сынан улыт. Мутат уке, писатель тыглай милиционер-влакым сўретла, нунын образышт гоч эше вес йодышышат шында: ниньшт тыгай шакше улыт гын, тугеже кўшыл тошкалтышыште шогышо-влакше могайрак лийшаш улыт. Серызе илышын шуко тōрсыржым ончыкта, чыла тидым комический йөн полшымо гоч почеш. Воштылтыш гоч драматург илыш кончышым чевертыде, айдеме койышым кугемдыде сўретла. В. Абукаевын воштылтышыжо шкешотан, тудо трагизм сынан. Тыгай илыш шот дене умбакыже тораш каяш ок лий, вашталтман, илыш радамымат вес корно дене шуйдарыман – лач тыгай иктешлымашыш луктеш серызе.

Тиде трагикомедийын чоналтме радамыштыже, авторын чумыр налме драме сылнымут стилистикиштыже ойыртемалтше верым ремарке налеш. Нуно кумда сынан улыт, южгунам действиимат алмаштат. Тидын дене действиин шагал интенсивностян улмышым, сюжетын интригыжым умылтараш лиеш. Тыгодымак пьесе психологизмлан поян. Тиде йўшō пōрњен дене тўкнымō гоч действиим ыштыше персонаж-влак шке илыш радамыштым лончылат, могай улмыштым ончыктат.

Действий икмыняр шагат жапыште шуйна, жап параметр пеш чымалтше. Туге гынат автор кумда илыш планым ончыкта, тыгодым жап ден кумдыкым шара, тидыжым персонаж-влакын ончычсо илышыштым ушештарыме гоч ышта. Ончычсыжо диалог ден монологлаште посна деталь, эпизод, шарнымаш гоч почылтеш. Тидыже серызылан моткоч кўлешан. Лач тыге туешкыше илыш радамым, кучемын сынжым почаш амал лектеш.

Трагикомедийште ме авторын тўс дене моштен пайдаланымышым эскерена. Тыште пычкемыш ден волгыдын тўкнымышт палдырна, тудо символ

сынан. Кузе ме кўшнő ончыктышна, пьесыште герой-влак чонышто шеме ден ошын ваштўкнымышт сўретлалтеш. Тидыже посна персонаж могырым гына огыл палемдалтеш, тыгак мер системе шотыштат коеш. Уремыште поран ўштеш, писе мардеж пуа, пуйто тудо чыла вере озалана. Уремыште пуста, южгунам гына эртен кайыше-влак койыт. Пўртўс кончыш ден мер илыш радам йодыш иктыш варнат. Нуно пуйто икте-весе дене «мутланат», тидыже пьесын идейжым кумданрак почаш полша.

Автор воштылтыш гоч илыш радамын могайрак улмыжым почеш, айдеме койышын чыржым сўретла. Чоналтме шотышто пьесе шкешотан: тудым монтаж семын кельштарыме. Тидым жанр ойыртом дене умылтарыман, автор, сюжет ден конфликтын могай улмыжым шотыш налын, действий радамым тыге чумырен. Вашшогалмаш кўргő могырым почылтеш, пьесын кажне персонаж-ше шке илыш драмыж дене тўкна, чон могырым шкенжым вискала. Темын кўлешлыкше, проблемын пўсő улмыж дене, тўн шонымашым жанрлан келшышын виктарыме дене В. Абукаев-Эмгакын тиде сылнымутшо моло драме произведений кокла гыч ойыртемалт шога. Тудо марий литератур илышыште посна кончыш семын волгалтеш.

«Термин “трагикомическое” трактуется как «эстетический «гибрид», результат взаимодействия эстетических качеств трагического и комического в живом потоке жизни и в процессе художественного развития» [Борев, 2003, с. 475]. Трагедий ден койдарчыкын эстетике могырым шőрынышт ойыртемалтеш. Туге гынат нуным ушышо ик палым ончыктыде ок лий. Тиде тўналтыш точко. Трагикомедийын тудо уке. Тиде жанрысе персонаж-влак шкеныштым нигуштат пентгыдын кучен огыт мошто, нуно ны пўртўс дене кылым ыштен огыт керт, ны мер илыш йогын ваштареш шогалаш вийым огыт му. «Жизнь драмы» книган авторжо Э. Бентли [1978] трагикомедийым трагедийым эртен керташ лийше жанр семын ужеш. Тыгай шонымаш В. Абукаев-Эмгакын «Шем оржан ош поран» пьесыж шотышто келшен толеш. Трагикомедийын ик ойыртемже – иронийым кучылтмаш. Тиде йон трагик ден комик улымыш-влакым иктыш кылда. Тиде сылнымут йоным чумыр пьесым ыштыше йон семынат улымыман.

Трагикомедийыште эреак тўжвак луктын каласыме кумыл (пафос) озалана, тудо авторын критикыже семын палдырна. Драматург В. Абукаев-Эмгак айдемын уда койышыжым вошт почеш, тыгак мер илыш радамын шотдымлыкшым сўретла, перестройко деч ончычсо пагытын ойыртемалтше тўсшым палемда, калык илыш шот радамым ончыкта.

Драме жанр кышкарыштат В. Абукаев-Эмгак шке корныжым такырген, марий драматургийым тудо ятыр онай пьесе дене пойдарен. Ончалына тудын «Куку шагат» (2003) нравственно-психологический драмыжым. Тиде

песьыште еш илыш радам йодыш почылтеш, вате-марий, ава-ача ден икшы-ве кокласе кыл сўретлалтеш. Тидым кок еш кокласе кыл гоч почын пуымо. Сылнымутын лўмжō «ойлышан», символ тўсан. Кукун образше гоч сылнымутын идей тўняже почылтеш. Марий мифологийыште кукун образшым шкет улмо дене кылден ончат. «В марийском фольклоре кукушка наделена всегда женской символикой... По традиционным верованиям, стоит человеку услышать песню об одинокой кукушке, поющей на дереве, и в его воображении тут же представится образ тоскующей женщины» [Тойдыбекова, 2007, с. 131].

Тўжвач ончымаште журналист Артем Романовын ешыштыже чылажат икшырымын кая, манын шонаш лиеш. Нунын посна пачерышт уло, ўдырышт кушкеш, ава инвалид йочаж пелен ила, тудлан уло моштымашыжым, шижмашыжым пуа. Чылажак тыге огыл улмаш, самырык ўдырамаш пеш нойышо, тудо илышыште куаным муын моштыдымо, марийжым улыдымо вате. Ешыште кажныже шке илышыж дене гына ила, икте-весе деч чот торлышо улыт. Ала-кунам йōратымаш кумыл дене ушнышо-влак йотыш савырнен шуктеныт. Амал семын автор кок йогыным ончыкта. Иктыже окса ситыдыме дене кылдалтын гын, весыже – чон пустанме дене. Лач тыгай айдеме семын Зинаида Дикова сўретлалтеш. Тудо уло-уке амал денак марийже дене эре вурседылеш, кырча-марчалан кычалтылеш. Мōнгысō сомыл дене пуйто ноен, окса укелык тудым тургыжландара. Шкеже пашам ок ыште, ўдыржым онча, марийжым ушкала, шкенжым пиалдыме семын ужеш.

Драмыште вич персонаж гына, Зина ден Артем, нунын Галина ўдырышт да ўдыр-вене деке унала толшо Зинаидан ачаж ден аваже. Туныктышо ешыштат чылажак яклака огыл. Драматург кок еш историй гоч кўлешан йодышым тарвата, герой-влак кокласе пентгыде огыл кылым сўретла. Тыгодем писатель умыла: ешыште шукыжым ўдырамаш деч шога. Арамак огыл марий калыкумтышто ўдырамашын пōртысō кум угылым кучымыж нерген каласыме. Чынак, ешысе шўлыш шукыжым вате деч шога.

Религий темым сылнымутчо «Ош теркупш» (1995) социал ден быт драмыштыже ронча. Вуймут тыгак символ тўсан. Тиде арвер гоч писатель марий веран, марий тўвыран илышыште вержым палемда. Ош эпитетшат шонымашым келгемда, тудо чон яндарлыкым иктешла. Чимарий вера – марий калык илышын негызше, тудо чумыр калыкын тўняумылымашыжым почаш полша, акрет годсо тукумнан философийжын ужашыже лиеш. Пўртўс юмылан кумалын, кугезына-влак илыш негызым ужыныт, сōраллык ден моторлыкым саклен иленйт.

Драмысе герой-влакат Юмо деч аралтышым йодын кумалыт, кумалме шомакшымат онапу пушенге воктене ойлат, тудын гоч Юмылан вуйым сават. Тыге ожно лийын, тыге тачат кумал шогат. Онапу – тиде «мировое косми-

ческое дерево. Онапу связывает воедино мир небесный и мир земной, олицетворяет Кава менте – небесный столб» [Шкалина, 2003, с. 95–96]. Чынак, мари́йлан Ош кугу Юмо – тиде порылык ден тыныслыкын иктешлыкше, чынын озаланамыже, юн шукталтмыже.

Лач тыге драмыште Янгелде кугызан кугу ешыже ила. Сылнымутын конфликтше мемнан кундемыште иланыше коллективизаций пагыт дене кылдалтын. Янгелде кугызан Корий уныкаже шуко жап öрдыж кундемыште илен коштын, у кучем верч кредалмаштат лийын. Тудо ынде колхоз ыштыме пагытыште партийын колтымыш почеш шочмо ялышкыже толын лектеш. Тыге эн лишыл айдеме-влак дене кучедалмашке шогалеш. Тидыже еш трагедий марте шукта.

В. Абукаев-Эмгакын «Кайыккомбо кашта» (2008) драмыже кок ужаш гыч шога. Пьесын жанржым драме-хронике семын ужаш келша. Тудын тўн темыже сар дене кылдалтын, тыгодым автор сар ден айдеме йодышлан кугу тўткышым ойыра. Салтак, тудын илыш принципше, элым аралыме але шке нерген гына шонен, эл ваштареш шогалме йодыш шындалтеш. Тудо пўтын сюжетым авалта, чыла действий гоч йошкар шўртö семын шуйналтеш. Автор тыгак тачысе илыш дене кылдалтше ятыр йодышым шында, икмыняр геройын пўрымашышт гоч тидым виктара. Мо онгайже, драматург кок жап лончылан тўткышым ышта. Тиде Кугу Ачамланде сар пагыт да тачысе жапысе илыш ярым.

Пьесын социал мотивше тачысе кече дене кылдалтын. Самырык-влаклан социализм пагытым умылаш йöсö, нуно коча-кова-влакын идеалыштым воштылыт гына, умылаш огыт тырше. Шкешт тачысе кечын йодмыж почеш илат, илышын рўдыжлан оксам шотлат. Тыгай семын драмыште Валентин сўретлалтеш. Тудо тўн геройын, Сайнайын, уныкаже, Йыванын эргыже. Тыгай илыш рўдö ваштареш сарын ветеранже Сайнай шога, поэт-журналист Иван Ивановичат аваж семынак шона, Чечен сарын инвалидше Валерият Валентин гай-влакым ок умыло.

Драме текстыште уэш-пачаш каласымым шуко ужаш лиеш. Тиде йöным автор арам кучылтын огыл. Повторын сылнымут сомылжо икмыняр. Ик семын, тудо текстысе тўн, кўлешан верым ончыктымo дене кылдалтын, вес могырым, персонаж-влакын койыш-шоктышыштым палемдымаште палдырна, маркер семын коеш, кумшо функцийже герой-влакым лишемдыме але, мöнгешла, ойырымo дене кылдалт почылтеш. Уэш пачашлымашын тўн сылнымут сомылжо – пьесын тўн шонымашыжым почмаште. Тидланже драматург йылме шотышто повторым кучылтеш. Нуныжо синоним але антоним семын келыштаралтыт. Уэш-пачаш каласымым ме лексике могырымат, синтаксис велымат эскерена.

Мо онайже, тиде йӧн тыгак уэш-пачаш ончыктымo сӱрет, эпизод шотыштат пале. Нуно действийын рӱдыжым ыштат, сюжетын кӱлешан вержым ончыктат, тыгак герой-влакын койыш-шоктышыштым иктешлаш полшат. Действийын чумыр кумдык толкыныштыжо эрак ушештаралтше образлан Кайыккомбо каштан тӱссӱретшым шотлыман. Тиде символ сынан образ келге смысл дене кылдалтын, тудо драмын философий йодышыжым рашемдаш полша, тыгак калыкле ойыртемышым ончыкта. Текстеште эше тулын, кайыкын образше-влак кӱлешан улыт. Нуно марий калыкын тӱняумылымашыжым почаш полшат. Тӱс символикыжат келшыше, тудо шочмо калыкнан быт тӱвыражым почаш кучылталтеш, тыгак образ-влакын шӱм-чон келгылыкыштым иктешла. Шеме ден ош тӱсын ваштарешлалтмыже сар ден тыныс илышым, поро ден осал тӱням, чын ден шоям иктешла.

Автор сылнымут деталь-влаклан кугу тӱткышым ышта, нуно драмын тӱн шонымашыжым почмаште пеш кӱлешан пашам шуктен шогат. Эн ондак ялысе марий пӧрт сӱретым ончалына. Ялысе тыглай пӧрткӧргӧ арвер, марий вургем ойыртемыш ончыкталтеш. Пидме носкин, кашташте сакыме вургемын, котомкан, кӱнчылавондын образышт текст мучко «эртат», нуно эре ушештаралтше улыт, молан манаш гын тӱн герой дене кылдалтыныт, тудын образшым почмаште пеш кӱлешан улыт. Гармоньын образшат эреак палдырна, тудо марий калыкын шӱм-чон поянлыкшым келгемдаш кучылталтеш, тыгак тӱн герой-влакын образыштым, нунын чон кумдыкыштым почаш полша.

Уэш-пачаш каласымым ме тыгак муро материалым кучылтмо шотыштат палемден кертгына. Тудын сылнымут пашаже кумда. Тӱнжӧ – патриот кумылым почмаште. Муро гоч сар пагытын могай кумылан улмыжо, калыкын сенымаш верч чот шогымыжо, фашизмым пытараш шонымыжо почылтеш. Тыгак тудо герой-влакын кӧргӧ тӱняштым кумдан ончыкташ полша. Эшеже – сылнымутын лирике ден романтике стилистикыжым.

Драмын чоналтмыже онай, тудо ХХI курым тӱналтыште илыш (тиде драмын тӱн сюжет кышкарже) да сар пагыт дене кылдалтше икмыняр сӱрет фрагмент дене палемдалтын. Автор Кугу Ачамланде сар жапысе кредалме сӱретым (тиде сюжетын кокымшо корныжо) ончыкта, тыгак Чечен сар нерген икмыняр фрагментым палдара. Серызе нине кок сар нерген онай келыштара, пуйто нуно икте-весыштым келгемдат. Ретроспекций сӱрет-влак ик семын келыштаралтыт, ремарке полшымо дене почылтыт: сцене пычкемышалтеш, вара волгыдемеш.

Драмын йӱк организацийже шкешотан, текст кышкарыште посна йӱк шуко. Тиде чонештен кайыше да толшо кайыккомбын кожоклымышт, мардежын шӱшкымыжӧ, поранын «йӱкланымыже», тулын йӱлымыжӧ, пулеметын лӱй-калымыже, сусыргышо-влакын кечкыжмышт да м. Йӱк дене пайдаланымаш

тыгак пьесын темыжым шуйдарымаш дене кылдалтын, тўн шонымашыжым виктараш кельштаралтын. Дrame кышкарыште автор тўрлў йылме дене кутырышо персонаж-влакым ончыкта. Руш, украин, чечен, араб, англичан шомак-влак йонгат. Тыге драматург ойырен налме темын кумдыкшым, келгытшым палемда, ылышыште тудын вержым ончыкта.

Психологий сынан ремаркым кучылтмо драмын тўн геройжын, сарын ветеранже Сайнайын, чон кумылжым почмо дене умылтаралтеш. Дrame текстыш автор тыгак документ материалым пуртен. «Они сражались за Родину» фильм гыч фрагмент кучылталтеш, «Жди меня» передачым вўдышў И. Кваша нерген ушештарыме. Тыгак 1941 ийыште эртарыме парадым экран гоч ончыктымо. Тудо совет калыкын чоныштыжо тушманым сенгаш кумылым луктын. Дrameште тўшка сцене кучылталтеш, тыге автор ылыш трагедийын кумдыкшым почын пуа.

Иктешлымаш

В. Абукаев-Эмгакын икмыняр дrame сылнымутшым лончылымеке, каласаш лиеш: драматургийыште тудо шке корныжым такыртен, ылышым тўрлўмогыр гыч ончыктен, пўсў йодыш-влакым шынден, келшыше койыш-шоктыш-влакым сўретлен, конфликтшат тудын кўргў планан, геройжо-влакат тўрлў сынан, ийготан улыт, жанрмогырымат возымыжо ойыртемалтше, кучылтмо сылнымут йўнжў-влакат тўрлў тўсан, поян улыт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абукаев-Эмгак В. Пьесе-влак. Йошкар-Ола: Республ. центр нар. творчества, 2005. 367 с.
- Беляева Т.Н. Поэтика символических образов в марийской драматургии второй половины XX – начала XXI века: моногр. / Мар. гос ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 152 с.
- Беляева Т.Н. Поэтика символических образов в драматургии В. Абукаева-Эмгака (гендерный аспект) // Финно-угорские языки в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 175–178.
- Беляева Т.Н. Характеры персонажей в дrame В. Абукаева-Эмгака «Под белым солнцем» // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2015. С. 34–37.
- Бентли Э. Жизнь драмы / пер. с англ. В. Воронина. М.: Искусство, 1978. 368 с.
- Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.
- Бояринова Г.Н. Проблема характера в современной марийской драматургии: моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. 126 с.
- Бояринова Г.Н. Вяч. Абукаев-Эмгакын «Кайыккомбо кашта» драмыштыже уэш-пачаш каласымаш // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева. Отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 171–173.

Бояринова Г.Н. Современная марийская драматургия // После третьего звонка: современная марийская драматургия. Антология. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. С. 3–22.

Бояринова Г.Н. Жанр комедии в марийской драматургии XXI века / Г.Н. Бояринова // Жанрово-стилевое развитие национальных литератур в XX – XXI вв.: материалы Междунар. конф. (Казань, 4 дек. 2020 г.). Вып. 2 / сост. А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннулина, Л.Р. Надьшина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2020. С. 28–34.

Бояринова Г.Н. Кызытсе марий драматургийыште жанр поянлык // Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 28–29 нояб. 2019 г. / М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ «Марийский государственный университет», Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. С. 61–65.

Бояринова Г.Н. Художественное своеобразие пьесы В. Абукаева-Эмгака «Межа» («Белый буран с черной гривой») // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Сборник научных трудов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Первого Всерос. съезда мари. Бирск – Йошкар-Ола: Бирская гос. социально-пед. академия, 2007. С. 231–233.

Бояринова Г.Н. Поэтика трагикомедии В. Абукаева-Эмгака «Межа» [«Белый буран с черной гривой»] // Художественная словесность финно-угорских народов: от истоков к современности. Йошкар-Ола: МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева, 2008. С. 6–17.

Бояринова Г.Н., Васильева Т.А. А. Абукаев-Эмгакын «Куку шагат» драмыже: конфликт да койыш-шоктыш ойыртем // Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию основоположника мар. лит. С.Г. Чавайна «Обновление литературного образования в школе». Йошкар-Ола: ГБОУ ДПО (ПК) С «Марийский институт образования», 2013. С. 67–70.

Бояринова Г.Н. Жанр трагикомедии в марийской драматургии // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2018. С. 120–122.

Бояринова Г.Н. Современная марийская драматургия: традиции и новаторство / Современное финно-угроведение: наука – общество – культура: сб. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. финно-угроведов, посвящ. 300-летию Российской академии наук (Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 г.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2024. С. 381–386.

Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д, 2002. 320 с.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: Этнографический справ. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 208 с.

Яковлева Г.А. Жанровые разновидности современной марийской драмы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары, 2007. № 4. С. 291–294.

Яковлева Г.А. Жанровые формы в современной марийской драматургии // Проблемы педагогического образования: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ.

конф., посвящ. 80-летию высшего пед. образования в Республике Марий Эл / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. С. 365–371.

Galina Boyarinova

DRAMATURGY OF V. ABUKAEV-EMGAK: QUESTIONS OF POETICS

Introduction. Poetic aspects in the works of a playwright Vyacheslav Abukaev-Emgak were not the subject of special scientific research in Mari literary studies. The author of this article has published a number of works devoted to certain works and aspects of plays of the Mari playwright Vyacheslav Abukaev-Emgak. The present article is the first attempt to cover the stated topic. **The purpose of the article** is to identify the artistic features of selected works of the playwright and to describe the poetics of the writer's artistic mastery. **Materials and methods.** Materials for the study include dramatic works of different genres, literary and scientific works of researchers on the subject. The main method of research is structural and semantic. **Research results, discussion.** V. Abukaev-Emgak enriched the genre of Mari comedy by various forms. If his first play 'Ushkal Yomyn Ogy!' ('The Cow is not Lost', 1985) was the first attempt in the genre of social comedy, later 'Shem Orzhan Osh Poran' ('Black-faced White Storm', 1994) was written in the form of tragicomedy. The image of a white storm with a black mane binds all the participants of the action around the central character - a drunken man lying on a city street. The conflict of the play makes us reflect on the unconventional situation played out in bad weather. V. Abukaev-Emgak tests his characters for humanity and tolerance, not only the characters of the play, but also the social consciousness as a whole for moral consistency. The playwright 'confronts' both individual members of the society, ordinary citizens, and representatives of the authorities with a helpless drunken man who has fallen asleep in the middle of a city street. A denunciative pathos as a form of expression of the author's criticism is in the tragicomedy. V. Abukaev-Emgak criticises human vices, social shortcomings, reflects the spirit of the era, the atmosphere of folk life. In the drama 'The Cuckoo Clock', the narrator examines the complex family relationships and emphasises that the atmosphere in family is largely created by wives, and that women are the linchpin that keeps 'family ship'. The religious theme is the main theme in the social drama 'Osh Terkupsh', 'Osh Keche Jymalne' ('White Hat', 'Under the White Sun', 1995), where the artistic image of a hat develops into a generalised symbolic image of pagan faith and Mari culture. The epithet 'white' emphasises the purity of thoughts of the bearers of ancient religious culture, philosophical vision of the world and consciousness of the Mari people. The word 'white' contains eternal principles. The White God for the Mari is a symbol of

peace and goodness, justice, holiness. The family of the old man Yangelde adheres to these principles. The conflict of the drama is connected with the events related with collectivisation. Yangelde's grandson, Koriy, returns to his native village as a member of the advanced workers' group to build a new social order. He confronts the closest people, which leads to a family tragedy. V. Abukaev-Emgak's drama 'Kayykkombo Kashta' ('The Milky Way', 2008) consists of two parts. Its genre can be defined as a drama-chronicle. The main theme is a military one, the theme of war and the soldier, duty and honour, betrayal goes through the whole plot of the play. The conflict is connected with many problems of reality, it passes through the fates of the characters, reflects the complex relationship of the characters of the drama both in the past, during the war, and at present. A lot of repetitions are used in the text of the drama. This expressive means fulfils several functions. On the one hand, it highlights the central semantic fields of the text, on the other hand, it is a marker of characterisation of the characters, and with the help of this technique the author brings the actors closer to each other or contrasts them. Moreover, the main function of repetition is to express the main idea of the drama and for this purpose, the author uses the technique of repetitive speech means which are in both synonymic and antonymic relations in the text. Repetitions are used both at the lexical and syntactic levels. The frequently repeating image of the Milky Way runs like a red thread through the entire action in a play. It is not accidental because this symbolic image carries a profound meaning and it is connected with the philosophical subtext of the work. The images of fire and birds are mentioned several times. They are connected with the national worldview of the Mari people. Colour symbolism emphasises the realities of national life, spiritual and moral depth of the images. The contrast 'white and black' is connected with the theme of war and peace, good and evil, honesty and betrayal. Repetitions are also used in songs. The artistic role of such elements is manifold and the main one is patriotic. Songs emphasise the colour of military reality, people's faith in the victory over Nazi Germany. They are also connected with the characters' mental experiences, emphasising the lyrical and romantic style of the whole work. The architectonics of the work is interesting; the drama consists of pictures of the reality of the early XXI century (this is the main plot of the drama) and many small military fragments. Military actions related to the Great Patriotic War are depicted (this is the second line of the plot), there are also fragments related to the Chechen military campaign. The author conducts a kind of 'roll call' of these military operations. The retrospective pictures are arranged in the same way, with the help of remarks: the scene is darkened, then illuminated. There is a lot of vocal 'noise' in the structure of the drama. These are the voices of wild geese flying away and coming back, the howling of the wind, the fury of the storm, the crackle of fire, machine-gun bursts, the cries of the wounded, etc. The sound design of the play is also linked to the main theme and idea of the work. The presence of psychological

remarks is connected with the experiences of the central character of the drama, the war veteran Sainai. The author emphasises the scale, depth and relevance of the theme by using the technique of linguistic polyphony (Russian, Ukrainian, Chechen, Arabic, and English speech are heard). The author introduces documentary material into the text of the work: he uses fragments from the feature film “They Fought for the Motherland” and the programme “Wait for Me”, and mentions its presenter I. Kvasha. A fragment of the 1941 parade emphasises the faith of the Soviet people in the victory over the enemy. In the text of the drama there are often ‘live voices’, mass scenes are used, they testify to the magnitude of the tragedy. **Conclusion.** The article considers selected dramatic works of V. Abukaev-Emgak in the context of poetics. The analysis shows that the talent of the playwright is evident. V. Abukaev-Emgak enriched Mari dramaturgy with different genre forms, created vivid artistic images, he individualised them with multifaceted characters, and he had his own unique style.

Keywords: V. Abukaev-Emgak; comedy; tragicomedy; drama; poetics; theme; problem; conflict; idea; world outlook; author.

REFERENCES

Abukaev-Emgak V. P'se-vlak [Plays]. Yoshkar-Ola, Respublikanskij centr narodnogo tvorchestva, 2005, 367 p. (In Mari).

Beljaeva T.N. Poetika simvolicheskikh obrazov v marijskoj dramaturgii vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka [Poetics of Symbolic Images in Mari Drama of the second half of the 20th – early 21st century: monograph]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2012, 152 p. (In Russian).

Beljaeva T.N. Poetika simvolicheskikh obrazov v dramaturgii V. Abukaeva-Emgaka (gendernyj aspekt) [Poetics of symbolic images in the dramaturgy of V. Abukaev-Emgak (gender aspect)]. *Finno-ugorskie jazyki v sociokul'turnom landshafte Rossii: materialy V vserossijskoj konferencii finno-ugrovedov*, 25-28 June, Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2014, pp. 175-178. (In Russian).

Beljaeva T.N. Haraktery personazhej v drame V. Abukaeva-Emgaka «Pod belym solncem» [Characters in V. Abukaev-Emgak's drama ‘Under the White Sun’]. *Hudozhestvennaja kul'tura narodov Volgo-Kamskogo polietnicheskogo regiona v paradigme sovremennosti. Sbornik statej*. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2015, pp. 34-37. (In Russian).

Bentli E. Zhizn' dramy [The Life of a Drama]. Moscow, Iskusstvo, 1978, 368 p. (In Russian).

Borev Ju.B. Estetika. Teorija literatury: Jenciklopedicheskij slovar' terminov [Aesthetics. Theory of Literature: Encyclopaedic Dictionary of Terms]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo Astrel': OOO «Izdatel'stvo AST», 2003, 575 p. (In Russian).

Bojarinova G.N. Problema haraktera v sovremennoj marijskoj dramaturgii [The Problem of Character in Modern Mari Dramaturgy: monograph]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2005, 126 p. (In Russian).

Bojarinova G.N. Vjach. Abukaev-Emgakyn «Kajykkombo kashta» dramyshtyzhe ujesh-pachash kalasymash [Repetitions in V. Abukaev-Emgak's drama ‘Kayykkombo Kashta’] (‘The

Milky Way’)]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej*. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2019, pp. 171-173. (In Mari).

Bojarinova G.N. Sovremennaja marijskaja dramaturgija [Modern Mari Dramaturgy]. *Posle tret'ego zvonka: sovremennaja marijskaja dramaturgija. Antologija*. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019, pp. 3-22. (In Russian).

Bojarinova G.N. Zhanr komedii v marijskoj dramaturgii XXI veka [Genre of comedy in the Mari dramaturgy of the XXI century]. *Zhanrovo-stilevoe razvitie nacional'nyh literatur v XX-XXI vekov. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii*, 4 December, Kazan', 2020, pp. 28-34. (In Russian).

Bojarinova G.N. Kyzytse marij dramaturgijyshte zhanr pojanlyk [Richness of genres in modern Mari dramaturgy]. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul'tury narodov Volgo-Kam'ja. Sbornik materialov IV Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, 28-29 November, 2019. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2020, pp. 61-65. (In Mari).

Bojarinova G.N. Hudozhestvennoe svoeobrazie p'esy V. Abukaeva-Emgaka «Mezha» («Belyj buran s chernoj grivoj») [The artistic uniqueness of V. Abukaev-Emgak's play 'Mezha' ('White Storm with a Black Mane')]. *Bashkortostan i Marij El: istoričeskij opyt i perspektivy sotrudničestva. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju Pervogo Vserossijskogo s'ezda mari*. Birska, Yoshkar-Ola, Birskaia gosudarstvennaja social'no-pedagogičeskaja akademija, 2007, pp. 231-233. (In Russian).

Bojarinova G.N. Poetika tragikomedii V. Abukaeva-Emgaka «Mezha» («Belyj buran s chernoj grivoj») [Poetics of the tragicomedy by V. Abukaev-Emgak 'Mezha' ('White Storm with a Black Mane')]. *Hudozhestvennaja slovesnost' finno-ugorskih narodov: ot istokov k sovremennosti*. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva, 2008, pp. 6-17. (In Russian).

Bojarinova G.N., Vasil'eva T.A. A. Abukaev-Emgakyn «Kuku shagat» dramyzhe: konflikt da kojysh-shoktysh ojyrtiem [Features of conflict and genre in V. Abukaev-Emgak's drama 'The Cuckoo Clock']. *Materialy mezhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashhennoj 125-letiju osnovopolozhnika marijskoj literatury S.G. Chavajna «Obnovlenie literaturnogo obrazovanija v shkole»*. Yoshkar-Ola, 2013, pp. 67-70. (In Mari).

Bojarinova G.N. Zhanr tragikomedii v marijskoj dramaturgii [Genre of tragicomedy in Mari dramaturgy]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej*. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2018, pp. 120-122. (In Russian).

Bojarinova G.N. Sovremennaja marijskaja dramaturgija: tradicii i novatorstvo [Modern Mari dramaturgy: traditions and innovations]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie: nauka – obshhestvo – kul'tura. Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov, posvjashhennoj 300-letiju Rossijskoj akademii nauk*, 27-30 June. Yoshkar-Ola, 2024, pp. 381-386. (In Russian).

Elishev I.A., Poljakova L.G. Slovar' literaturovedčeskikh terminov [Elishev I.A., Poljakova L.G. Slovar' literaturovedčeskikh terminov [Dictionary of Literary Terms]. Rostov-na-Donu, 2002, 320 p. (In Russian).

Tojdybekova L.S. Marijskaja mifologija: Etnografičeskij spravocnik [Mari Mythology: Ethnographic Handbook]. Yoshkar-Ola, 2007, 312 p. (In Russian).

Shkalina G.E. Tradicionnaja kul'tura naroda mari [Traditional Culture of the Mari People]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003, 208 p. (In Russian).

Jakovleva G.A. Zhanrovyje raznovidnosti sovremennoj marijskoj dramy [Genre varieties of modern Mari drama]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Cheboksary, 2007, no. 4, pp. 291-294. (In Russian).

Jakovleva G.A. Zhanrovyje formy v sovremennoj marijskoj dramaturgii [Genre forms in modern Mari dramaturgy]. *Problemy pedagogicheskogo obrazovanija: istorija i sovremennost'.* *Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju vysshego pedagogičeskogo obrazovanija v Respublike Marij El.* Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2012, pp. 365-371. (In Russian).

Бояринова Галина Никитьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы ФГБОУ ВО
«Марийский государственный
университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galnikbojar@mail.ru

Galina Boyarinova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of the Mari language and literature
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: galnikbojar@mail.ru

УДК 821.511.112.0

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-66-79

ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ*

© 2025 г. Н.В. Чикина

Введение. В статье рассматриваются тенденции развития детской национальной литературы Карелии. **Цель исследования** – проследить изменения в развитии детской литературы под влиянием изменяющейся общественно-политической ситуации в республике. **Материалы и методы.** Материалами послужили непосредственные публикации в изданиях. Использован сравнительно-сопоставительный метод. **Результаты исследования, обсуждение.** Исследование выявило общее для всех литератур обращение в большей или меньшей степени к устному народному творчеству, т.к. фольклор является проявлением народного духа, носителем эстетической нормы, побуждает желание творить и воссоздавать знакомые образы. **Заключение.** В настоящее время детская литература на карельском языке в Республике Карелия развивается на трех наречиях: ливвиковском, людиковском и собственно карельском, во всех литературных жанрах (поэзия, проза, драматургия). Основной целью вепсской литературы конца XX – начала XXI века являлось сохранение вепсского языка. Финноязычная литература Карелии для детей в начале XXI века стала преимущественно переводной и журнальной.

Ключевые слова: детская литература; карельский язык; вепсский язык; финский язык.

Введение

Детскую литературу всегда окружает множество мифов. Так, детский писатель, публицист В. Воскобойников в своей статье «Детская литература вчера и сегодня. А завтра?» вспоминает, как его убеждали, что до 1917 года в России не было литературы для детей, ее бурный расцвет начался только после

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 124022000077-1.

революции и продолжался до брежневской эпохи. К концу XX века эта теория потеряла свою актуальность, и в начале XXI века успешно «сосуществуют два противоположных предрассудка: одни уверяют, что детской литературы нынче нет вовсе, другие – что именно сегодня создается самое гениальное» [Воскобойников, 2012, с. 77].

Анализируя современный процесс, В. Воскобойников пришел к выводу: «Литература для детей в стремлении лишь позабавить ребенка лишилась главных своих достижений: чувств сострадания, способности персонажей к глубоким душевным переживаниям и раздумьям» [2012, с. 84]. Из проблем детской литературы он выделял отсутствие поэзии для подростков от 10 до 14 лет, школьной повести и познавательной литературы. Эта тенденция характерна и для детской литературы Республики Карелия, история создания и развития которой отражена в монографии Н.В. Чикиной [2012].

Цель исследования – рассмотреть детскую литературу на карельском, вепском и финском языках с точки зрения формирования ими этнических стереотипов и идентичности. Выявить причины, средства и способы актуализации этнического фактора и фактора границы на различных исторических отрезках XX–XXI веков.

Материалы и методы

В работе использованы опубликованные источники на карельском, вепском и финском языках. Примененный сравнительно-сопоставительный метод направлен на выяснение причин влияния фактора границы на национальную и культурную направленность произведений для детей.

Результаты исследования, обсуждение

Детская финноязычная литература имеет самую продолжительную историю существования из всех национальных литератур Карелии. Господство финского языка, творческие кадры позволили ей непрерывно развиваться, не имея каких-либо длительных перерывов. На протяжении всего XX века для детей выходили сборники рассказов и стихов, повести, пьесы, литературные хрестоматии, переводы произведений русской и советской классики. Например, в финноязычные хрестоматии и книги для чтения включались такие произведения литературы Карелии, как роман Н. Яккола «Водораздел» (отдельные главы), отрывки из повести У. Викстрема «Тойска», поэзия Я. Ругоева, Н. Лайне.

Развитие детской финноязычной литературы Карелии совпадает с общим ходом развития советской детской литературы, однако в ней прослеживается некоторое отставание во времени длиной приблизительно в десять лет. Кроме того, наблюдаются схожие тенденции с детскими литературами других республик России, например, волжско-финскими и пермскими, в которых также до 1980-х годов встречалось мало характерных национальных черт [Kahrs, Schötschel, 2011].

Финноязычная детская литература от своего возникновения до наших дней прошла вековой путь. В ее становлении и развитии можно выделить три основных этапа. Хронологически первый начинается в 1920 году с момента образования Карельской Трудовой Коммуны, когда происходит становление детской литературы на финском языке. Цели и задачи литературного творчества в это время определялись общими социально-политическими установками, направленными на утверждение идеалов новой жизни. Этим и руководствовались писатели при создании произведений для детей. Большую роль в этот период сыграли финны-эмигранты и финны-ингерманландцы Ленинградской области. Внедрение финского языка во все сферы жизни в 1920–1930-е годы способствовало расцвету национальной культуры.

Второй этап в развитии детской литературы охватывает период 1950–1980-х годов. Детская проза этого периода развивалась в жанре рассказа и небольшой повести. Появились произведения с детективным сюжетом. Одним из основных направлений детской литературы в указанное время являлось изображение усиливающих связей человека с природой, в основе которого – гуманное, бережное отношение к ней, так как человек является ее составной частью. На первый план в своем творчестве писатели выдвинули задачи эстетического воспитания.

Финноязычная литература, имея общие черты с литературами других прибалтийско-финских народов Карелии, отличается целым рядом специфических национальных черт, проявляющихся в поэтике и языке. Основной тематикой произведений являются семейные отношения, взаимоотношения взрослых и детей. Даже в первых рассказах и стихах 1930-х годов, наряду с изображением революционно-исторических событий, встречаются эти мотивы.

Проблема героя представлена частично. В центре повествования чаще всего ребенок со своими проблемами и переживаниями. Взрослые персонажи – это родители и соседи. Взаимоотношения взрослого с детьми в основном фиксируются на бесконфликтном общении родителей и детей. Отрицательные и положительные герои классифицируются по разным признакам. При описании событий гражданской войны основополагающим является классовый признак. В произведениях на бытовую тематику – нравственный. Тема «природа и человек» появится несколько позднее и не у всех писателей.

Тема Великой Отечественной войны не нашла отражения в оригинальной детской финноязычной литературе. Можно предположить, что отсутствие этой темы связано с судьбой самого народа. Большинство финнов было репрессировано в 1930-х годах, а оставшиеся были эвакуированы из Ленинградской области и Карелии подальше от государственной границы в разные уголки СССР как неблагонадежные. К ним сохранялось недоверие, которое было вызвано политическими причинами. Однако, например, Т. Гуттари участвовал в строительстве оборонительных сооружений под Петрозаводском, У. Викстрем –

находился в рядах действующей армии. Несмотря на это, детская литература первого периода была периодом достижений. Рассказы и стихи о пионerie, пионерском движении также не нашли своего места в детской финноязычной литературе. Как и тема войны, она была компенсирована за счет переводов.

Можно предположить, что есть несколько причин, помешавших развитию оригинальной детской литературы. В 1930-е годы часть наиболее опытных творческих сил (У. Руханен, Л. Хело) переключились на создание учебных книг и переводы произведений детской литературы. Одной из причин недостаточного развития детской финноязычной литературы в 1950–1980-е годы, несмотря на официальный статус финского литературного языка в республике, является то, что она не выходит за пределы этнической среды.

Современный этап развития детской литературы начинается с 1990-х годов. Произведения крупных жанров (роман, поэма) так и не появятся. Прозаики будут развивать жанры детской прозы: сказки, фантастические повести, рассказы о животных и природе. Конец XX – начало XXI века ознаменовались неблагоприятными социально-политическими условиями, снижением статуса финского языка в республике, массовым выездом людей с «финскими корнями» в Финляндию, естественным уходом старшего писательского поколения. Итогом этого стало уменьшение количества как читателей, так и писателей, к тому же эти причины не позволили произойти смене писательского поколения.

Как отмечал Э.Г. Карху, «сама этническая среда в Карелии и Ингерманландии уже почти не питает литературный (финский) язык, а последний в свою очередь не имеет обратного влияния на этническую среду, не контактирует с нею сколько-нибудь ощутимо. <...> Если в 1920–1930-е годы внутри ингерманландской деревни-социума общались только на родном диалекте, а большинство жителей вообще не владело русским языком, то сейчас по существу уже не остается людей, для которых повседневным языком был бы или родной диалект, или литературный финский язык» [1994, с. 225].

Хотя развитие детской литературы на финском языке на протяжении XX – начала XXI века шло непрерывно, оно было весьма неровным. Если в середине XX века в год выходило хотя бы по одной книге, то с 1990-х годов количество публикаций на финском языке в области детской литературы последовательно сокращалось. В итоге за первое десятилетие XXI века вышла только одна (!) авторская книга сказок И. Вейкколайнен. Спасением пока остается детский финноязычный журнал «Kipinä» («Искорка») и издаваемая переводная литература, количество которой, по сравнению с предыдущими годами, сократилось в разы.

В начале XXI века развитие детской литературы на финском языке приостановилось. Площадкой для начинающих писателей и переводчиков остаются

журналы «Carelia («Карелия»)), «Kipinä» и газета «Karjalan Sanomat» («Новости Карелии»). На страницах журнала «Kipinä» в основном публиковались оригинальные произведения писателей, уже ушедших из жизни и составляющих костяк финноязычной литературы Карелии, а также переводы.

На современном этапе работа по созданию детской литературы на финском языке является самым узким местом за всю историю ее существования. В основном детскую литературу представляют переводы. Она стала журнальной, что более свойственно для периода зарождения литературной традиции.

Развитие детской литературы на карельском языке предстает как сложный процесс. В 1920–1940-х годах она была преимущественно переводной. На ее формирование оказали влияние карело-финский фольклор, русская классическая и советская литературы. В период с 1940 по 1980-е годы детская литература на карельском языке не развивалась. Писатели-карелы создавали свои произведения на финском или русском языках. Так, появились повести Эрнеста Кононова «Долгая дорога домой» (1976) и Пааво Лукина «APR» («АПР», 1975). П. Лукин изначально заявил о себе как детский писатель, поэтому его литературное наследие включает только произведения для детей: сказки и стихи в сборниках «Tuhkimus» («Тухкимус», 1981), «Mindäh kägöi kukkuu» («Почему кукушка кукует», 1990), «Iše minä» («Я сам», 1996).

1990-е годы стали периодом рождения и становления карелоязычной детской литературы. Рассказы, стихотворения, авторские произведения на основе устного народного творчества – вот что стало достижениями молодой карелоязычной литературы. Воспитание любви к родному краю, изучение повадок зверей и птиц, особенностей родной природы тематически отображают педагогические возможности современной поэзии, прозы и драматургии. Писатели учат детей любить труд, уважать обычаи и традиции своих предков.

Одной из причин расцвета детской литературы на карельском языке на рубеже XX–XXI веков стало то, что все авторы с детства говорили по-карельски и сохранили в себе народное мировосприятие. В 1990-е годы начали писать произведения для детей З. Дубинина, О. Мишина, Т. Щербакова и другие. Дети дошкольного и младшего школьного возраста любят читать интересные, веселые по содержанию художественные произведения. Таковы, например, короткие рассказы, стихотворения Н. Синицкой, М. Брендоевой, Л. Туттуевой.

Одно из самых глубоких чувств детской поэзии О. Мишиной – чувство родины. Родина для нее – это деревенька, где она родилась и выросла, люди, что живут вокруг, и безымянная лесная речушка, и юная березка, нежно шепчущая что-то родное. Это знакомое оживает в ее стихах новыми гранями и воспринимается как вновь открытое, первозданное, присущее только этому поэту. Ее книги «Ruskei zor'aine» («Алая зорька», 2005), «Городская фамилия» (2008) быстро нашли интерес у детей.

Большой резонанс у читательской аудитории вызвал сборник рассказов Н. Синицкой «In'aine» («Иришка», 2008), одной из ведущих тем которого является счастливое детство. В своих произведениях автор рассказывает об интеллектуальном и духовном развитии ребенка, о познании им окружающего мира, о приобщении к труду. Прозаик рисует яркие бытовые картины, лаконично увязывая это с действиями ребенка.

Вейкки В. кроме поэтических произведений запомнился юным читателям и пьесой «Ken andoi kažile silmät da hännän» («Кто кошке глаза и хвост дал», 2006). Современные литературные сказки В. Каракиной сохраняют связь с фольклором, но уже имеют отличные характеристики. Сказки учат детей видеть и понимать природу, ценить и любить ее красоту, прислушиваться к позывным из мира птиц и зверей.

Современная карелоязычная литература имеет бесспорные достижения. В жанровом отношении детская литература прошла путь от рассказа к повести. В поэзии главным является стихотворение. Первые попытки делаются в области драматургии. Однако все же мало еще писателей, всецело посвятивших свое творчество верному служению – детству.

В свое время Э.Г. Карху написал о Н. Яккола, Я. Ругоеве, П. Пертту, О. Степанове, что «они осознавали себя зачинателями и участниками местного литературного движения, представителями именно карельской национальной литературы, которая еще только складывалась, пребывая на сравнительно ранней стадии развития» [1994, с. 218–219]. То же самое сегодня можно сказать и о современных писателях, создателях детской карелоязычной литературы.

Такой малый срок в развитии литературы характеризуется определенными недостатками, которые проявляются в идейно-тематической и жанровой специфике. Современные писатели не затрагивают такие темы, как школьная жизнь, досуг детей, не оценивают поступки и желания детей, не пишут о детской дружбе, проблемах, с которыми сталкивается ребенок, находясь в социуме, об истории края.

Нужно признать, что карелоязычная детская литература на современном этапе развития еще отстает от требований и нужд своего читателя. Нужны новые произведения, способные заинтересовать ребенка. Дети должны читать и фантастику, и приключения, и историю, т.е. самые увлекательные прозаические, поэтические и драматические произведения. Очень важно раскрывать и нравственную сторону жизни, помогать детям разрешить ту или иную проблему. Необходимо создание и выпуск тематических сборников и альманахов, в которых раскрываются особенности языка, обычаи и традиции карельского народа, нравственная и эстетическая сторона жизни.

По своему идейному содержанию сборники стихов современных поэтов сконцентрированы на родном крае, тематика их не отличается разнообразием.

Патриотическая и военная тематика практически не представлена. Исключением являются главы в повести П. Лукина «АПР» и рассказы Т. Щербаковой. В современной литературе преобладают произведения на бытовую тематику и по фольклорным мотивам.

Современный литературный процесс протекает в достаточно благоприятный период для развития вепсоязычной литературы, несмотря на то что происходит не только переустройство общества, но и изменяются нравственно-эстетические ценности. Первый период создания детской литературы относится к 1930-м годам, когда активно велось создание учебной литературы. Для обучения детей вепсов были изданы учебники по вепсскому языку, арифметике, географии, естествознанию. Основная часть учебников предназначалась учащимся начальных школ, т.е. для 1–4 классов. Все учебники издавались на латинице, что в дальнейшем упростило выбор графики в конце XX века.

Собственно художественных книг для детей на вепском языке не было. Нам удалось обнаружить лишь одну переводную книгу Н. Григорьева «Полтора разговора» (1937). Зато выпускались книги для чтения. В учебной литературе 1920–1930-х годов доминирующим был иллюстративный принцип, сводивший литературу к дополнительному чтению по обществоведческим дисциплинам. К тому же, этот период можно считать «переводным» в зарождающейся вепсской литературе. Вепских писателей не было, но были владеющие языком грамотные люди, которые переводили и создавали книги для чтения. В 1937 году использование вепсской письменности было запрещено. Издание книг на вепском языке прекратилось.

Детская литература является частью общей художественной литературы, но на вепском языке с 1950 по 1980-е годы она тоже не развивалась. Писатели-вепсы реализовывали свои творческие способности на русском языке. Так, широкую известность получили повести для детей и юношества вологжанина Анатолия Петухова.

Вепсская детская литература возникла из потребностей просвещения. Если в 1920-е годы на первое место выходила ликвидация неграмотности, то в 1990-е годы просветительство заключалось в ознакомлении подрастающего поколения с языком, традициями вепского народа. В этот период писатели в своем творчестве обращаются к фольклору, к национальным традициям.

В начале 1990-х годов в литературу пришли люди, хорошо знающие вепсский язык. Среди первых авторов-вепсов И.А. Спиридонова называла Н. Абрамова и Р. Лони́на [История ... , 2000, Т. 3, с. 393]. Н. Абрамов в своей первой книге «Koume-kümne koume» («Тридцать три», 1994) в разделе «Kaivoine» («Родничок») опубликовал детские стихи, главной темой которых стало начало учебного года, животные, природа.

В книгу «Minun rahvhan fol'klor» («Фольклор моего народа», 2000), наряду с фольклорными жанрами для взрослых, Р. Лонин включил и произведения для детей: сказки, рассказы, стихи, песни, дразнилки, загадки, пословицы и поговорки, собранные им в разных уголках земли вепсов. Собственно художественные произведения появились в творчестве Р. Лони́на на уровне малых жанров. Стихотворения «Krop'a» («Ворон»), «Miide lapsed» («Наши дети») отражают тему детства и детей.

В сборнике «Koivuine» («Березонька», 2003) А. Андреевой был выделен раздел «Runod lapsile» («Стихи детям»), главная тема которого – природа родного края. Говоря о стихах А. Андреевой для детей, надо сразу же отметить ее верность вепсской народной поэзии, которая характеризуется наличием различных народных сравнений и метафор, делающих произведения для малышей более интересными и забавными. В стихотворении «Edenoï» («Улитка») она использует различные детские названия моллюска: kiloi-kaloï, čirvoï-karvoï, lizoi-lazoi, rogoï. Все это расширяет словарный запас ребенка.

В стихотворении-побудке «Nouze, laps» («Вставай, дитя») А. Андреева сравнивает ребенка со спящим стогом сена, спящей копной, поросеночком. Как пишет Н.Г. Зайцева, «А. Андреева как знаток и ценитель фольклора умеет заинтересовать детей рифмованными загадками, считалками, поговорками, которые все шире используются детьми в своих забавах» [История ... , 2000, Т. 3, с. 428].

По мнению А.Л. Налепина, «обращение литературы к фольклору всегда зависит от конкретных исторических условий. Активное освоение литературой фольклорного наследия происходит обычно в годы наивысшего социально-общественного подъема, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникает повышенный интерес общества именно к народной культуре, и народ как ее носитель начинает осознаваться новой творческой силой истории» [2009, с. 281]. Творчество Р. Лони́на, Н. Абрамова, А. Андреевой, Н. Зайцевой стало развиваться именно в один из таких периодов, особенно в 1990-е годы XX века.

Среди представителей молодежи особо выделялось творчество Ольги Жуковой. В ее сборник поэзии и прозы «Ezmäine änik» («Первоцвет», 2023) вошли стихотворения, рассказы и сказки. Основная тематика произведений: времена года, природа родного края, детские переживания. Сказки «Jäpuraz» («Сосулька»), «Kuna jokseb ojaine?» («Куда бежит ручеек?»), «Kuspäi neglikol oma neglad?» («Откуда у ежа иголки?»), рассказ «Kut tat poiganke kuzen valiči» («Как папа с сыном выбирали елку») знакомят юных читателей с миром природы и вводят в мифологические представления вепсов.

В настоящее время все силы писателей направлены на создание оригинальных произведений на вепском языке. По мнению венгерского ученого Л.

Керестеша, «самое важное то, чтобы писалось как можно больше произведений на искусственно созданном и отрегулированном литературном языке» [2010, с. 169]. Этому мнению придерживается и Н.Г. Зайцева, которая считает, что переводить известные произведения не стоит пока «не стабилизируются нормы орфографии, не будут разработаны основы литературного стиля» [2010, с. 369]. Вместо них она предлагает переводить произведения фольклора.

Тем не менее развитие переводной литературы на вепсском языке необходимо. Это позволит знакомить юных читателей с произведениями русской и советской классики на родном языке. Посредством перевода будет развиваться вепсский литературный язык. К тому же «переводы давали и дают возможность для некоторой модернизации языка. Средством для этого является развитие лексики» [Керестеш, 2010, с. 175]. Все это необходимо для молодой вепсской литературы. В настоящее время репертуар для чтения у вепсских детей явно недостаточный.

За два десятилетия существования детской литературы на вепсском языке у нее сложилась своя традиция, корнями уходящая в устное творчество народа. По мнению немецкого исследователя У. Карс, «ретроспективное осмысление старых ценностей и норм, передаваемых в фольклорных текстах, может помочь молодым людям в поисках своих культурных корней и тем самым способствовать формированию национальной идентичности» [2011, с. 221].

Так же как и в 1930-е годы, преподавание литературы включено в обучение языку, поэтому учебный процесс тесно связан с литературой. В настоящее время литература на национальных языках (финском, карельском, вепсском) не в состоянии конкурировать с литературой на русском языке, поэтому новые книги сразу же включаются педагогами в учебный процесс. Учитель вепсского языка Н.А. Кукоева отмечала: «Особое внимание обучающихся уделяется изучению всемирно известного эпоса «Калевала» и знакомству с жизнью и деятельностью Элиаса Леннрота, чтению рун на вепсском языке, а также сказок, записанных им во время экспедиции к вепсам в 1842 году» [2008, с. 176].

Обеспеченность школ республики современной художественной литературой на карельском и вепсском языках хорошая. Сложность возникает лишь литературой на финском языке. Преподаватели вынуждены пользоваться книгами, изданными в советский период, т.к. переизданий детской литературы в современной России не было. Отчасти это связано с авторскими правами правообладателей [Чикина, 2022].

Усилия писателей-вепсов в настоящее время направлены на создание учебной и оригинальной литературы. В отличие от карелоязычной и финноязычной литератур, в вепсской литературе практически нет переводов произведений русской классики. В учебный процесс активно включаются материа-

лы из сборников стихов и фольклора, например, «Holetoi aig» («Беззаботное время», Петрозаводск, 2017), «Itti-totti» («Итти-тотти», Петрозаводск, 2017), «Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed = Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки» (Петрозаводск, 2018).

Включение национальной литературы в учебный процесс сопряжено с целым рядом трудностей. Во-первых, не все учителя владеют финским, карельским или вепским языком. В этом случае знакомство с национальной литературой можно было бы осуществлять посредством русского языка, но здесь возникает вторая проблема – отсутствие переводов на русский язык.

Как показывает практика, интерес у преподавателей к литературе Карелии очень высок, но все они указывают на недостаточность книг и, главное, учебно-методической литературы. Сотрудники «Карельского института образования» Е.Г. Богданова, О.А. Храмцова и Л.П. Ряппиева составили хрестоматию «Поэзия родного края» (Петрозаводск, 2016), проделав большую работу по отбору произведений на трех языках, а также распределению их по тематическим рубрикам, организовав материал по принципу праздничного календаря [Чикина, 2019].

Большим успехом для писателей Карелии стал выход антологии по детской литературе в серии «Современная литература народов России» (М., 2017), а также «Антологии современной национальной литературы Карелии» (Петрозаводск, 2018), в которую включены произведения для детей на финском, карельском и вепском языках с переводами на русский язык.

В указанные антологии отобраны произведения, опубликованные после 1991 года. В финноязычной литературе это рассказы М. Мазаева, П. Пертту, отрывки из повестей К. Корвела и Т. Викстрем, сказки И. Вейкколайнен. Карелоязычную литературу представляют поэзия О. Мишиной, сказки В. Караккиной, отрывки из повести Н. Синицкой. У вепсов это стихи Н. Абрамова, Н. Зайцевой, О. Жуковой, Г. Бабуровой.

В 2021 году в Республике Карелия вышли отдельными книгами Примерные образовательные программы учебного предмета «Литературное чтение на родном финском, карельском, вепском языке» для 1–4 классов начального общего образования, разработанные в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и с учетом специфики содержания предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке».

После появления указанных выше программ началась разработка учебников литературного чтения на родном (карельском, вепском, финском) языке. В 2024 году вышли первые книги, подготовленные для 1 класса. Вместе с хрестоматией и антологиями они окажут существенную помощь в знакомстве школьников с художественной национальной литературой Карелии.

Славова М. выделяла несколько основных факторов, воздействующих на создание, распространение и рецепцию художественного продукта, называемого «детская книга»: 1) создатели (писатели и иллюстраторы); 2) издатели и распространители; 3) посредники между ними и потребителями (библиотекари, учителя, родители); 4) потребители (дети) [2000, с. 397].

На каждом из этапов должно учитываться то, что потребителями являются дети. Писатели и иллюстраторы, создавая книгу, учитывают особенности детской психологии, издатели – особенности детского восприятия. Самая сложная задача у посредников, т.к. именно им придется знакомить ребенка с книгой. Необходимо развитие более тесных контактов между авторами детских книг и учителями, а также библиотекарями, т.к. последние могут решительным образом повлиять на литературную социализацию детей.

Заключение

В период становления детской национальной литературы Карелии, независимо от языка повествования, одним из важнейших факторов стал общественно-политический вопрос. Политика партии и правительства в отношении того или иного народа была решающей. При поддержке государства издавались и издаются книги, финансировалась и финансируется переводческая деятельность, спонсируются издательства и писатели.

Национальная специфика любого народа связана с его историей, бытом, национальным характером. Действия почти всех произведений писателей Карелии происходят в пределах республики, причем локализуются они весьма точно с указанием конкретного города, деревни. Национальная специфика проявляется в художественных средствах, таких как метафора, сравнение, гиперболы, эпитеты.

Изучая современные произведения национальных авторов, можно отметить некоторые недостатки в психологической оценке характеров детей. Писатели забывают, что современные дети отличаются от своих сверстников периода СССР не только интересами, развитием, но прежде всего свободой мышления, т.е. внутренней, духовной свободой. Они не застали октябрятских звездочек, пионерских отрядов и комсомольских собраний. Сейчас перед детьми нужно ставить задачу освоения культуры чтения.

Для привлечения внимания детей к литературе на национальных языках ежегодно проводятся республиканские и школьные конкурсы среди учащихся на лучшее художественное произведение на финском, карельском и вепсском языках.

Явление билингвизма, характерное для произведений финноязычных авторов второй половины XX века, обусловлено обстоятельствами некоторых особенностей культурного и языкового развития и двуязычия в развитии литературы. Тенденция писать на русском языке для детей сохранилась на современном этапе и у некоторых писателей-вепсов.

В начале XXI века книги для чтения на карельском и вепсском языке включали в себя как оригинальную, так и переводную литературу. Хрестоматий для детей на финском языке не выходило. Традиции детской финноязычной литературы, начатые в XX веке, затихают год от года, в то время как литература на карельском и вепсском языках находится в процессе создания собственной истории и занимается новаторством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воскобойников В. Детская литература вчера и сегодня. А завтра? // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 76–88.

Зайцева Н.Г. «Калевала» и вепсский язык: некоторые проблемы семантики и грамматики в контексте перевода // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 368–378.

История литературы Карелии: в 3-х томах. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 458 с.

Керестеш Л. Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae. Piliscsaba, 2010. S. 169–192.

Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии: в 3-х томах. Т. 1. СПб.: Наука, 1994. 239 с.

Кукоева Н.А. О преподавании вепсского языка в МОУ «Средняя общеобразовательная финно-угорская школа им. Элиаса Леннрота» г. Петрозаводска // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков: материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апр. 2008 г.) Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 174–177.

Налепин А.Л. Два века русского фольклора: опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 502 с.

Славова М. Детская книга – в пути или в тупике? // VI World Congress for Central and East European Studies. Abstracts 29 July – 3 August 2000 Tampere, Finland. Tampere, 2000. S. 397.

Чикина Н.В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 148 с.

Чикина Н.В. Литература Карелии в современном образовательном пространстве // Родные языки в условиях двуязычия: Сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 окт. 2018 г., г. Сыктывкар. Сыктывкар, 2019. С. 373–379.

Чикина Н.В. Творческое наследие национальных писателей Карелии в образовательном процессе // XX Масловские чтения: сб. науч. ст. / науч. ред. Н.А. Шевченко. Мурманск: МАГУ, 2022. С. 61–66.

Kahrs U., Schötschel M. Literatursoziologische Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permiern (1985–2008). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2011. 261 p.

Natalia Chikina

ETHNIC AND CULTURAL BOUNDARIES
OF THE CHILDREN'S LITERATURE OF KARELIA

Introduction. The article deals with the trends in the development of the ethnic literature for children in Karelia. **The purpose of the article** is to trace changes in the development of children's literature under the influence of social and political situation in the republic. **Materials and methods.** Published literary works served as the material. The comparative-contrastive method was used. **Research results, discussion.** A common feature of all the literatures is that they to some extent resort to oral folklore, which manifests the folk spirit, carries the esthetic norms, and inspires creativity and the desire to reproduce familiar images. **Conclusion.** Karelian-language children's literature in the Republic of Karelia is currently written in three subdialects: Livvi, Ludic, and Karelian, in all literary genres including poetry, prose and plays. The primary goal of the late 20th – early 21st century Veps literature was to preserve the Veps language. In the early 21st century, the children's literature published in Karelia in Finnish has been mostly confined to translations and journal publications.

Keywords: children's literature; the Karelian language; the Veps language; the Finnish language.

REFERENCES

Voskobojnikov V. Detskaja literatura vchera i segodnja. A zavtra? [Children's literature yesterday and today. What about tomorrow?] *Voprosy Literatury*, 2012, no. 5, pp. 76-88. (In Russian).

Zajceva N.G. «Kalevala» i vepsskij jazyk: nekotorye problemy semantiki i grammatiki v kontekste perevoda [“Kalevala” and the Veps language: some semantics and grammar issues in the translation context]. *«Kalevala» v kontekste regional'noj i mirovoj kul'tury. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashchennoj 160-letju polnogo izdanija «Kalevaly»*. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii nauk, 2010, pp. 368-378. (In Russian).

Istorija literatury Karelii [The History of Literature of Karelia]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2000, vol. 3, 458 p. (In Russian).

Kerestesh L. Voprosy literaturnyh jazykov finno-ugorskih narodov v plane novejsih perevodov Biblii [The questions of Finno-Ugric literary languages in the light of the latest Bible translations] *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Orationes plenariae*. Piliscsaba, 2010, pp. 169-192. (In Russian).

Karhu E.G. Karel'skij i ingermanlandskij fol'klor v istoricheskom osveshhenii. Tom 1. Istorija literatury Karelii [Karelian and Ingrian Folklore in the Historical Spotlight]. Saint-Petersburg, Nauka, 1994, 239 p. (In Russian).

Kukoeva N.A. O prepodavanii vepsskogo jazyka v MOU «Srednjaja obshheobrazovatel'naja finno-ugorskaja shkola im. Eliasa Lennrota» g. Petrozavodsk [On the Veps language teaching at the Elias Lönnrot Finno-Ugric Secondary General School in Petrozavodsk]. *Vepsy: na rubezhe XX-XXI vekov. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii «Vepsy – korennoj malochislennyj narod Rossijskoj Federacii: perspektivy sohraneniya i razvitiya»*, 24-25 April, Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj Akademii nauk, 2008, pp. 174-177. (In Russian).

Nalepin A.L. Dva veka russkogo fol'klora: opyt i sravnitel'noe osveshhenie podhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SSHA v XIX-XX stoletijah [Two Centuries of Russian Folklore: Experience and Comparative Overview of Approaches in Folklore Studies in Russia, Great Britain, and the USA in the 19th-20th Centuries]. Moscow, Institut mirovoj literatury Rossijskoj akademii nauk, 2009, 502 p. (In Russian).

Slavova M. Detskaja kniga – v puti ili v tupike? [Children's Books: in Progress or in a Dead End?]. *VI World Congress for Central and East European Studies. Abstracts*. 29 July - 3 August, Finland, Tampere, 2000, p. 397. (In Russian).

Chikina N.V. Detskaja literatura Karelii na finskom, karel'skom i vepsskom jazykah [Children's Literature of Karelia in Finnish, Karelian, and Veps]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2012, 148 p. (In Russian).

Chikina N.V. Literatura Karelii v sovremenном obrazovatel'nom prostranstve [Literature of Karelia in the contemporary educational space]. *Rodnye jazyki v uslovijah dvujazychija. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 25-26 October, Syktyvkar, 2019, pp. 373-379. (In Russian).

Chikina N.V. Tvorcheskoe nasledie nacional'nyh pisatelej Karelii v obrazovatel'nom processe [The literary legacy of ethnic writers of Karelia in the educational process]. *XX Maslovskie chtenija. Sbornik nauchnyh statej*. Murmansk, Murmanskij Arkticheskij gosudarstvennyj universitet, 2022, pp. 61-66. (In Russian).

Kahrs U., Schötschel M. Literatursoziologische Entwicklungen bei Wolgafinnen und Permiern (1985-2008). Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2011, 261 p. (In German).

Чикина Наталья Валерьевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск
e-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Natalia Chikina

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk
e-mail: tchikina@krc.karelia.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 39+94(470.4)(092)

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-80-95

К БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА И.Н. СМИРНОВА

© 2025 г. А.П. Леонтьев

Введение. Иван Николаевич Смирнов (1856–1904) вполне мог продолжить по примеру деда и отца жизненную стезю в церковной деятельности. Однако он выбрал высшую светскую школу – Казанский Императорский университет – и по ее окончании упорным трудом достигал высокие вершины в научно-педагогической деятельности. **Цель статьи** – восполнить биографию профессора И.Н. Смирнова на основе вновь выявленных материалов. **Материалы и методы.** В основе исследования – материалы из Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук и источники, недавно размещенные в открытом доступе в сети интернет. Методы исследования – биографический, историко-генетический, фактологический, описательный, аналитический. **Результаты исследования, обсуждение.** Профессор Н.В. Никольский, считавший себя учеником Ивана Николаевича, скрупулезно собирал о нем материалы. Они хранятся в разных томах его богатейшего Рукописного фонда. Размещенные в нашей статье биографические сведения о И.Н. Смирнове получены Николаем Васильевичем от своего тестя священника В.С. Яснитского. В ходе исследования нами выявлена небезынтересная информация о представителях родов Смирновых и Яснитских. **Заключение.** И.Н. Смирнов являлся выдающимся ученым-гуманитарием, энциклопедистом, внесшим значительный вклад в финно-угроведение и чувашеведение. Материалы в Рукописном фонде Н.В. Никольского помогли уточнить некоторые аспекты жизненного пути и научной деятельности славного сына марийского народа.

Ключевые слова: Иван Николаевич Смирнов; Николай Васильевич Никольский; Владимир Сергеевич Яснитский; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук; биография; экспедиции; каталог этнографических коллекций; родственники.

Введение

Выходец из марийского села, родившийся и получивший воспитание в семье православного священника, обучавшийся в духовном училище и духовной семинарии, Иван Николаевич Смирнов вполне мог продолжить жизненную стезю в церковной деятельности. Однако он не спешил принимать священный сан, а поступил в Казанский университет и стал со временем выдающимся исследователем в разных сферах гуманитарных наук: истории, археологии, этнографии, социологии, собирательстве предметов культуры и быта, верований поволжско-приуральских народов: коми, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей. Был одним из руководителей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее – ОАИЭ). Николай Васильевич Никольский тоже выпускник духовного училища и духовной семинарии, однако он обучался в Казанской духовной академии, что ему ничуть не воспрепятствовало в дальнейшем выбрать путь в науке. Прослушав параллельно с учебой в академии весь курс историко-филологического факультета, в том числе все дисциплины профессора И.Н. Смирнова, Николай Васильевич практически продолжал в науке дело наставника, став выдающимся исследователем народов Поволжья и Приуралья. Он всю жизнь собирал свой Рукописный фонд, где нашли место и источники, проливающие свет на многие неизвестные страницы жизни И.Н. Смирнова.

Цель статьи

В настоящей работе поставлена цель восполнить биографию одного из первых профессоров из инородцев Поволжья, исследователя поволжских и приуральских народов на основе вновь выявленных материалов.

Материалы и методы

Автором использованы впервые выявленные материалы из Рукописного фонда профессора Н.В. Никольского, а также источники, размещенные в открытом доступе в сети интернет. Биографический метод исследования позволил приоткрыть бывшие до настоящего времени неизвестными ученому миру факты из жизни и деятельности И.Н. Смирнова. Используя историко-генетический метод, выявлены причинно-следственные связи при системной работе Н.В. Никольского в сборе источников об ученом. Фактологическим методом обобщены результаты анализа архивных и опубликованных материалов, относящихся к жизни и деятельности профессора. Описательный метод был применен в процессе анализа обнаруженных источников и их характеристики. Аналитический метод способствовал более глубокому познанию исследуемой темы.

Результаты исследования, обсуждение

Этот документ мы нашли в Рукописном фонде Н.В. Никольского: «Выписка из архива Казанского государственного университета об экспедиции для коллекционирования вещей и собирания этнографического и филологического

материала (1888–1889 годы). Собр. Н.В. Никольским» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 328]. Дата не указана. Архивный материал, выписанный Николаем Васильевичем собственноручно, называется: «Дело о командировании ординарного профессора И.Н. Смирнова, преподавателя М.П. Веске¹ и хранителя музея П.В. Траубенберга² в губернии: Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Уфимскую для коллекционирования вещей и собирания этнографического и филологического материала. Началось 5 марта 1889 года и кончилось 27 июня 1889 года. И[сторику]-ф[илологический] ф[акультет]».

Приведем не весь текст, а лишь наиболее значимые, на наш взгляд, фрагменты. Сначала было подано заявление профессора И.Н. Смирнова с просьбой об организации экспедиции, где он «констатирует ценные достижения прошлогодней экспедиции: собрана коллекция черемисских вещей и фотографий до 170 №, два исследования о наречиях и быте черемис (мое и М.П. Веске)». Заявитель просит 300 рублей и обозначает «срок командировки для И.Н. Смирнова и П.В. Траубенберга с 15 мая до 1 сентября, для М.П. Веске с 1 мая до 1 сентября». Совет университета 13 мая 1889 года обращается к попечителю Казанского учебного округа о разрешении использовать 300 рублей «по смете 1889 года на чтение публичных лекций по техническим предметам». 1 июня 1889 года Министерство народного просвещения разрешает использовать указанные деньги для экспедиции. К делу приложен открытый лист на имя И.Н. Смирнова для командирования его до сентября для этнографических исследований. Лист подписан ректором К. Ворошиловым и секретарем Совета М. Соловьевым.

Дело № 67 озаглавлено следующим образом: «О командировании ординарного профессора И.Н. Смирнова и М.П. Веске – 1-го в губернии: Вятскую и Пермскую с 15 мая по 1 сентября, 2-го – в губернии Симбирскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую с 15 мая по 1 октября для пополнения этнографического материала в факультативном музее отечествоведения и этнографических исследований».

¹ Михкель Веске (28.01.1843, Вильяндский уезд – 16.05.1890, Казань) – эстонский этнограф, лингвист, специалист по финно-угорским языкам. Общественный деятель, активный участник национального движения. Профессор Юрьевского (Тартуского, с 1874 г.), Казанского (с 1886 г.) университетов. Один из основоположников младограмматической школы в финно-угроведении. Известны его работы: «Исследования по сравнительной грамматике финских языков» (1873), «Исследования о наречиях черемисского языка» (часть 1, 1889), «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (1890). Опубликовал антологию «Эстонские народные песни» (т. 1–2, 1879–1883).

² Траубенберг Петр Викторович с 1884 по 1912 год преподавал историю, географию, русский язык в Казанской татарской учительской школе. Одновременно в 1885–1915 годах занимал должность хранителя Музея этнографии, древностей и изящных искусств при Казанском университете.

17 марта 1890 года И.Н. Смирнов вновь обращается в Совет университета о командировке: «И.Н. Смирнова – к пермякам в Пермскую и Вятскую губернии с 15 мая по 1 сентября, М.П. Веске – к мордве в Симбирскую, Саратовскую, Тамбовскую и Нижегородскую губернии с 15 мая по 1 октября с ассигнованием И.Н. Смирнова 100 рублей, М.П. Веске – 150 рублей».

Преподаватель М.П. Веске представил в историко-филологический факультет «Отчет о результатах этнографической экспедиции, совершенной летом 1889 года». В частности, он информирует, что «посетил западных черемис Козьмодемьянского уезда, мордву – терюхан – Нижегородской губернии и мордву – эрзю – Нижегородской и Симбирской губерний. У западных черемис в деревнях Цалым-сола, Сала-болко, Пертнурь занимался, во-первых, собиранием текстов черемисских песен, каковых собрал более 100, во-вторых, там же подбирал лексикологический материал, обращая особое внимание на термины, которыми обозначаются у черемис различные явления окружающей их природы». Мордовский край М.П. Веске посетил в сопровождении учителя Казанской инородческой учительской семинарии М.Е. Кобаева³. «Мы начали свое путешествие с Нижегородской губернии, где произведено наблюдение над обрусевшей мордвой-терюханами, – продолжает М.П. Веске. – Терюхане в настоящее время только по костюму отличаются от русских, но от стариков (особенно в д. Мокрой) мне удалось собрать несколько незабытых еще ими мордовских слов (напр., числит. от 1 до 10), затем несколько предметов о временах язычества».

Никольский Н.В. приводит еще текст из дела № 97: «О смерти преподавателя финских наречий Веске. Умер М.П. Веске 4 мая в 7 часов 30 минут от паралича сердца. Погребен на лютеранском кладбище в Казани». Выдающийся финно-угорский исследователь скончался в 48-летнем возрасте.

Представляет интерес и выписанное Николаем Васильевичем в университетском архиве приложение к протоколу заседания историко-филологического отделения Российской Академии наук от 27 апреля 1911 года, озаглавленное следующим образом: «Записка гг. Бодуэна-де-Куртенэ, Ф.А. Брауна, С.К. Пулича, К.Г. Залемана, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Радлова, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова по вопросу о мерах к обеспечению преподавания и изучения финно-угорских языков в России» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 328, с. 140–144]. В этой записке выдающиеся ученые высоко оценивают вклад И.Н. Смирнова «в изучение древнейшей культуры финнов».

Дата выписки Н.В. Никольским архивных документов не указана. Однако следующие за этой выпиской источники объясняют причину их появления.

³ Кобаев М.Е. – Евсевьев Макар Евсевьевич (1864–1931), первый ученый-энциклопедист и просветитель эрзянского и мокшанского народов.

Марийское общество краеведения пригласило профессора Восточного педагогического института, наставника и педагога марийских студентов на I Марийскую областную краеведческую конференцию, которая работала 25–28 января 1930 года) (там, в частности, обсуждался вопрос об открытии научно-исследовательского института в Марийской автономной области). Из записей Н.В. Никольского: «Мое участие проявилось в обсуждении доклада о работе краеведческого общества в Йошкар-Оле и Научного общества марийцев в Казани при В[осточном] п[едагогическом] и[нституте] и научно-исследовательского краеведческого института МАО... Я высказал мысль о необходимости теперь же выделить фонд на организацию, назначить организаторов...» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 328, с. 145]. По всей видимости, в своем выступлении Николай Васильевич ознакомил делегатов съезда с некоторыми фрагментами биографии И.Н. Смирнова. Весьма вероятно, поведал и о том, как на заседании Совета ОАИЭ «профессор И.Н. Смирнов обратился с ходатайством выдать ему 100 руб. для приобретения на них этнографических коллекций, что он предполагает исполнить летом текущего года совместно с приобретением этнографических коллекций для музея отечествоведения по поручению историко-филологического факультета». А также о том, что «М.П. Веске предложил в члены-сотрудники ОАИЭ учителя миссионерского приюта Н.Е. Ефимова, доставившего сборник чувашских песен с переводом на русский язык» [Протоколы ... , 1890, с. 16]. На общем собрании ОАИЭ 15 сентября 1889 года И.Н. Смирнов прочитал предварительный отчет об этнографической экспедиции, совершенной им летом 1889 года. В зале были выставлены коллекции одежды, головных уборов, вышивки, посуды, фотографий и т.п. [Протоколы ... , 1890, с. 24]. А в отчете ОАИЭ за 1889–1890 годы приводится «Список черемисских и чувашских вещей, приобретенных д[ействительным] ч[леном] [ОАИЭ] И.Н. Смирновым летом 1889 г.» (всего 148 предметов, приобретенных в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах) [Протоколы ... , 1890, с. 63].

У Н.В. Никольского к И.Н. Смирнову было особое отношение. Первый, будучи студентом Казанской академии, в 1899–1903 годы прослушал курс историко-филологического факультета Казанского университета, в том числе лекции этнографа, историка, ординарного профессора по кафедре всеобщей истории И.Н. Смирнова [Димитриев, Леонтьев, Матвеев, 2011, с. 24]. Этнографию и историю черемисов (марийцев), эрзя и мокши (мордвы), вотяков (удмуртов), пермяков (коми) академист Н.В. Никольский изучал, без сомнения, по историко-этнографическим исследованиям И.Н. Смирнова. В монографии «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама» (Казань, 1912)

раздел «Черемисы» имеет подзаголовок «По историко-этнографическому очерку о черемисах И.Н. Смирнова». В работе «Статистические сведения о черемисах за 1911 год, с указателем литературы о них и изданий на черемисский язык» (Казань, 1912) автор неоднократно указывает на И.Н. Смирнова; в «Конспекте по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919) среди пяти основных источников рекомендуются монографии выдающегося финно-угроведа о черемисах, вотяках, пермяках и мордве. В исследовании «История мари (черемис)» (1920) Николай Васильевич для подтверждения своих обобщений также многократно ссылается на работу «Черемисы» И.Н. Смирнова. Более того, в 1919 году по инициативе Н.В. Никольского Совет ОАИЭ постановил переиздать четыре книги выдающегося ученого о черемисах, вотяках, пермяках и мордве [Протоколы ... , 1919, с. 14]. К сожалению, данный проект не был осуществлен, скорее всего, из-за нехватки финансовых средств.

Никольский Н.В., возможно, не раз присутствовал на публичных лекциях членов ОАИЭ, в том числе и Ивана Николаевича. В 1905 году Николай Васильевич становится действительным членом ОАИЭ. Он, безусловно, знал о коллекционировании И.Н. Смирновым этнографических предметов поволжских и приуральских народов для разных музеев, главным образом для этнографического отдела Русского музея (ныне – Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). В одном из томов его Рукописного фонда под названием «Материалы по археологии, этнографии и истории народов Среднего Поволжья» размещены машинописные тексты разных коллекций [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 362, с. 1–12], в первом из них – описания коллекции № 278, представленной «профессором Казанского университета И.Н. Смирновым по поручению Этнографического отдела (покупка)». Дата неизвестна. Однако мы имеем основание предположить, что предметы культуры и быта черемисов Чебоксарского и Царевококшайского уездов были собраны весной и летом 1903 года, так как коллекция аналогичных предметов чувашей под № 279, представленных в музей И.Н. Смирновым, датирована весной 1903 года [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 256, с. 331].

В коллекции № 278 всего 7 вещей: «соллык – серое холщовое полотенце, служащее для подарка жениху со стороны невестки-черемиски»; «пороховница, сделанная из одного куска березового дерева на два отделения, имеющих форму конусов (высота 11,5 см)»; «наконечник стрелы, употребляемый черемисами при охоте на белку, выточен из кости (высота 4 см)»; «огниво железное с стальной приваркой, имеющее форму полоза саночек (длина 14 см)»; «огниво железное... сделанное в виде небольшого кренделька»; «аспырь – капкан лучковый деревянный»; «почкама – грудное украшение черемиски» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 362, с. 1–2].

Никольский Н.В., по всей вероятности, владел информацией о представленных И.Н. Смирновым коллекциях в Российский этнографический музей. Когда он сам вознамерился сотрудничать с музеем, то 30 мая 1910 года обратился туда с «покорнейшей просьбой» о высылке ему каталога коллекций по этнографии чувашей, «чтобы не делать приобретений таких, которые уже сделаны покойным профессором Казанского Императорского университета И.Н. Смирновым и своевременно представлены им» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 1135, с. 2].

Этнографический отдел, как видим из переписки, 3 июня 1910 года выслал Н.В. Никольскому каталог со следующими номерами чувашских коллекций: 88, 92, 94, 100, 116, 176, 177, 178, 179, 180, 203, 279, 363, 401, 674, 797, 913, 967, 968, 991. Николай Васильевич этот каталог включил в 117-й том своего Рукописного фонда, а в отделе I НА ЧГИГН, где хранится этот фонд, указанный том обозначен как единица хранения 256; текст машинописный; названия предметов с кратким их описанием, указанием населенного пункта, где они приобретались, а также частью – с указанием времени изготовления. Это – не копия каталога, а оригинал, отпечатанный на мелованной бумаге золотистого цвета, и, по всей вероятности, экземпляр ограниченного тиража, чем он и ценен. Не все коллекции собраны И.Н. Смирновым, однако ему принадлежат самые многочисленные – № 88 (92 предмета), 176 (66 предметов), 177 (405 предметов), 178 (69 предметов), 179 (104 предмета), 180 (200 предметов), 203 (55 фотоснимков), 279 (228 предметов), 401 (44 предмета). Коллекции в Российский этнографический музей представлены в 1902–1904 годах. Таким образом, профессор немалую часть последних лет своей короткой жизни посвятил коллекционированию предметов быта, одежды, хозяйства и верований чувашей. Подчеркнем, что он это делал одновременно со сбором предметов материальной культуры финно-угорских народов.

Биографию И.Н. Смирнова в Рукописном фонде Н.В. Никольского нельзя назвать подробным жизнеописанием исследователя. Однако здесь нас прежде всего заинтересовала подоплека появления текста. Вопрос первый: как он оказался в фонде Никольского? Ответ напрашивается сам собой: вероятней всего, текст составлен по просьбе Николая Васильевича. Вопрос второй: когда написан текст? До того, как оказаться в Научном архиве, том имел название «Н.В. Никольский. Рукописные материалы. Том 189. Казань, 1929». Надо полагать, биография И.Н. Смирнова также появилась примерно в это время. Вопрос третий и самый важный: кто автор текста?

На странице 3 мы видим рисунок карандашом: сгорбившийся старик с длинными волосами, в рясе священника (лица не видно), сидя на стуле с фигурной спинкой за столом, что-то пишет. Подпись под рисунком разъясняет:

«Отец Яснитский пишет свои воспоминания. В овале портрет отца Владимира». Действительно, художник-любитель отдельно запечатлел лицо (правый профиль) священника: почти прямой нос, небольшая борода, волосы распущены по щеке и лбу, глаза не видны. На странице 4 автопортрет самого художника и запись, оставленная Н.В. Никольским: «1929. III. 1. Рисовала внучка Наталия Викторовна Орлова (студ[ентка] III к[урса] физ[ико]-тех[нического] отд[еления] ВПИ)». Итак, портрет деда по матери написан дочерью Виктора Никифоровича Орлова (известного деятеля просвещения чувашей, соратника И.Я. Яковлева в Симбирской чувашской школе) и старшей дочери священника, протоиерея Малояшевской церкви В.С. Яснитского Варвары Владимировны Орловой. Она приходится старшей сестрой супруге Н.В. Никольского Александре Владимировне. Таким образом, В.Н. Орлов и Н.В. Никольский являлись свояками по отношению друг к другу.

Страницы 5–34 в рассматриваемом нами источнике занимают следующие материалы: воспоминания В.С. Яснитского под названием «Восстание чуваш и черемис против правительства, бывшее приблизительно около 100 лет тому назад», этнографический очерк В.С. Яснитского «Трубка – кустарный промысел в деревне Кадыкой». Далее следует текст биографии профессора И.Н. Смирнова, составленный, вне всякого сомнения, также В.С. Яснитским, так как почерки указанных текстов идентичны.

Какое отношение имеет тесть Никольского к Ивану Николаевичу? Из текста видно, что биограф ведаёт многими малоизвестными подробностями из жизни профессора. Например, пишет о том, что в студенческие годы И.Н. Смирнова «поддерживали частные уроки, а когда выказал себя лучшим студентом, ему назначена была стипендия в размере 25 рублей в месяц»; «будучи еще студентом 3 курса, он женился на дочери священника С.М. Яснитского»; «от природы он был несколько косноязычен и ему было объявлено, что он в дальнейшем не сможет читать лекции, что студенты не в состоянии будут понимать его речь. Но это препятствие было как-то улажено»; «писал серьезные статьи и отсылал в Петербург, за что ему посылали солидные денежные гонорары. Получая профессором 3000 рублей жалования в год, он от литературных работ получал тоже не менее 3000 рублей»; «приобрел в собственность дом, ...отремонтировал его, и дом давал порядочный доход от квартир. А затем купил с усадьбой, лесом и пахотной землей хутор в 17 верстах от Казани».

Все эти и другие детали дают основание предположить, что автор биографии был вхож в семью Смирновых как один из самых близких людей.

Однако мы на этом месте сохраним маленькую интригу и перейдем к тексту В.С. Яснитского. Уникальность данного документа неоспорима, поэтому приведем его полностью.

*«Иван Николаевич Смирнов – бывший профессор
Казанского университета.»*

И.Н. Смирнов, сын священника, родился в с. Арино Царевококшайского уезда. Первоначальное образование получил в Казанском духовном училище и Казанской духовной семинарии. По выходе из духовной семинарии, из 4 класса, в 1874 году, для дальнейшего образования поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет. Оставшись сиротой после смерти отца, не мог бы получить образование в университете, но его поддерживали частные уроки, а когда выказал себя лучшим студентом, ему назначена была стипендия в размере 25 рублей в месяц. В университете все время он числился одним из лучших и даровитых студентов. На 4 курсе ему во время годовичного университетского акта, в 1878 году, ноября 5 дня, публично была преподнесена золотая медаль за отлично написанное сочинение и как даровитейшему из студентов университета.

В 1879 году он блестяще оканчивает университет и оставляется на 2 года при университете в качестве кандидата для написания магистерской диссертации и подготовке к профессорской кафедре. Специальностью им была избрана история. Оклад жалования был назначен в количестве 50 рублей в месяц. Будучи еще студентом 3 курса, он женился на дочери священника С.М. Яснитского, а в бытность его кандидатом у него родился сын Валентин (в настоящее время тоже профессор университета), и он был уже человек семейный.

В продолжение 2 лет он окончил магистерскую диссертацию и в 1880 году, в апреле месяце, публично в Актовом зале [Казанского университета] защитил свой труд: оппонентами были назначены ему профессор истории [Н.А.] Осокин и профессор славянских наречий [М.П.] Петровский. По окончании диспута Советом факультета была объявлена, при аплодисментах всей публики, резолюция, что Смирнов удостоивается степени магистра наук.

Через несколько дней после диспута ему было предложено прочитать в присутствии профессоров пробную лекцию. Но тут его чуть-чуть не постигла неудача. От природы он был несколько косноязычен и ему было объявлено, что он в дальнейшем не сможет читать лекции, что студенты не в состоянии будут понимать его речь. Но это препятствие было как-то улажено, и он был допущен к чтению лекций в университете в качестве доцента. Таким образом, на [историко-]филологическом факультете стали 4 профессора: [Н.А.] Фирсов, [Н.А.] Осокин, [Д.А.] Корсаков и Смирнов. Старший профессор Фирсов и младший Корсаков читали русскую историю, а старший профессор Осокин и младший Смирнов – всеобщую историю.

Пробыв несколько времени, Иван Николаевич начал готовиться к докторской диссертации. Для ее подготовки отправляется в 1884 году, кажется,

на казенный счет, в Италию. При этом нужно упомянуть, что он знал иностранные языки. Он свободно читал книги на немецком, французском и итальянском языках, а также знал наречия южнославянских народов, как то: по-хорватски, по-болгарски и др.

Заграницу отправился в апреле месяце, а воротился глубокой осенью с большим запасом научного материала для обработки докторской диссертации⁴. Темой диссертации была, кажется, насколько помню, об угорской короне⁵. Затем постепенно приготовился и защитил на публичном диспуте диссертацию и удостоился ученой степени доктора. Делается сначала экстраординарным, а затем и ординарным профессором. После смерти профессора Осокина становится старшим профессором и получает чин действительного статского советника⁶.

Вот краткая биография Ивана Николаевича.

Помимо профессорской должности, Ив. Николаевич занимался и литературным трудом.

Будучи еще студентом, он писал статьи в тогдашний казанский журнал «Волжско-Камское слово», а затем и в «Волжский вестник». Будучи профессором, он писал серьезные статьи и отсылал в Петербург, за что ему посылали солидные денежные гонорары. Получая профессором 3000 рублей жалования, он от литературных работ получал тоже не менее 3000 рублей.

Работал он и на музей Императора Александра II⁷. С этой целью он много разъезжал по разным селениям и собирал нужные вещи для музея.

Приобрел он в собственность дом, что напротив окружного д[уховного] училища, отремонтировал его, и дом давал порядочный доход от квартир. А затем купил с усадьбой, лесом и пахотной землей хутор в 17 верстах от Казани. С хутором дела пошли неудачно, были неурожаи, и вместо дохода хутор приносил только убытки, так что через несколько лет пришлось продать дом на покрытие долгов и пришлось переехать на наемную квартиру.

⁴ И.Н. Смирнов Советом Казанского университета был командирован в архивы Загреба и Венеции для сбора материалов о славянских племенах с 10 мая по 1 октября 1883 года, а также в 1890 году на Балканы. Материалы были использованы в изданной в Казани в 1900–1904 годах в трех выпусках книги «Очерки культурной жизни южных славян» (Смирнов Иван Николаевич. – URL: https://www.biblmorki.ru/index/smirnov_ivan_nikolaevich/0-724 (дата обращения 08.10.2024)).

⁵ Тема докторской диссертации И.Н. Смирнова: «Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне». Издана оттиском из «Ученых записок Казанского университета» в 1880 году

⁶ И.Н. Смирнов в 1897 году был удостоен дворянского титула статского советника (Смирнов Иван Николаевич. – URL: https://www.biblmorki.ru/index/smirnov_ivan_nikolaevich/0-724 (дата обращения 08.10.2024)).

⁷ Имеется в виду Русский музей.

Профессорская должность, усидчивый труд, а главное, неудачи на хуторе вредно повлияли на него и здоровье его пошатнулось. Во время работ на хуторе, в жаркий день, вымыл холодной водой ноги, простудил их, получилась болезнь ишиас. До ноября [1903 года] он кое-как работал. С ноября же он не смог ходить, прохворал всю зиму. Не мог его спасти ни доктор, ни консилиум врачей, и весной [1904 года] Иван Николаевич скончался на 49 году [жизни]» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 331, с. 35–42].

В большинстве работ о И.Н. Смирнове причиной его ранней смерти называют саркому. Некоторые утверждают, вспоминая «мултанское дело», что именно «позиция ученого, вызвавшая всплеск недоброжелательства со стороны окружающих и наложившая негативный отпечаток на его научное наследие, стоила ему, по словам современников, тяжелой болезни и ранней смерти» [Ивановская, Мишурина]. Как видим, В.С. Яснитский опровергает данную версию.

В приведенном тексте не дано объяснения, кто такой С.М. Яснитский, на дочери которого был женат профессор. Сергей Матвеевич Яснитский – отец автора биографии, а супруга Ивана Николаевича Александра – старшая сестра Владимира Сергеевича. Из недавно размещенных (возможно, потомками И.Н. Смирнова) в интернете материалов узнаем, что Александра Сергеевна Смирнова (Яснитская) родилась 22 марта 1853 года в селе Бежбатман Свияжского уезда Казанской губернии (дата смерти неизвестна). Отец ее – Сергей Матвеевич Яснитский (1823–1888), мать – Анна Афанасьевна Яснитская (Паленина) (1830–?). В семье А.С. и И.Н. Смирновых родилось 5 детей: Валентин (1879–1942) Лидия (1881 г.р., умерла в младенчестве), Доната (1886–1936), Вячеслав (1888 – ?), Зоя (1889–1973) [Смирнова (Яснитская)...].

Яснитский В.С. в тексте упоминает Валентина – старшего сына И.Н. Смирнова, «в настоящее время тоже профессора университета». В открытом доступе в сети интернет находим материал о В.И. Смирнове: «...Систематик растений, доктор биологических наук, профессор. Основатель Иркутской ботанической школы. <...> В 1903 году окончил Казанский университет, после окончания вуза остался при университете в качестве стипендиата. В 1919 году принял приглашение Иркутского государственного университета, где занял должность профессора, заведующего кафедрой ботаники. С 1920 по 1930 год занимался систематикой видов растений южного Прибайкалья. Исследовал флору побережья озера Байкал, Тункинской долины, Аршана и ряда других районов Восточной Сибири. В 1931 году организовал работу Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете, тем самым создав Иркутскую научную ботаническую школу. Параллельно преподавал в Иркутском педагогическом институте. В 1940 году

принял решение о передаче своего известного в СССР гербария в Ленинградский институт АН СССР. В Ленинграде его застала Великая Отечественная война. Именем ученого названы некоторые виды лютика, кобрезии, осоки, мака и мятлика. Умер в 1942 году в блокадном Ленинграде» [Смирнов Валентин...].

Оказывается, Доната Ивановна была «исключена из православия в лютеранство», так как в 1908 году вышла замуж за студента Казанского университета Федора Егоровича Классена, «25 лет, евангелическо-лютеранского вероисповедания». Д.И. Классен (Смирнова) умерла в Севилье (Испания) в 1936 году. О ее смерти появилось известие в русской эмигрантской газете «Последние новости», поскольку она числилась участником белогвардейского движения: «Классен Доната Ивановна (? – 22 мая 1936, Севилья, Испания). Похоронена 23 мая 1936 года на кладбище Сан-Фернандо» [Классен (Смирнова)...].

Младшая дочь Смирновых Зоя в 1919 году вышла замуж за француза Клинксика Фредерика Жоржа Лорана Шарля, в 1920 году родила дочь Лауру, умерла в Париже в 1973 году и похоронена на знаменитом кладбище Монмартр [Klinskiesk (Смирнова)...].

Несколько слов о В.С. Яснитском, шурине профессора И.Н. Смирнова. Источник сообщает, что у Владимира Сергеевича дед по отцу – Матвей Тимофеевич Яснитский (1795–1845) [Яснитская...]. Судя по фамилии, был священником, место рождения неизвестно. Сын его – Сергей Матвеевич (1823, село Ачакасы Цивильского уезда Казанской губернии – 1888, село Оточево Ядринского уезда Казанской губернии) [Яснитский...]. Владимир Сергеевич родился в 1861 году в селе Оточево Ядринского уезда (ныне Моргаушский муниципальный округ Чувашии) (дата смерти неизвестна), очевидно, к тому времени его отец был переведен из с. Бежбатман (Бишбатман)⁸ в Чувашский край. Прежде было известно, что у русского священника с. Большие Яуши Ядринского уезда (ныне Вурнарский муниципальный округ Чувашии) В.С. Яснитского, «в совершенстве владевшего чувашским языком», были «три

⁸ Согласно Писцовой книге Свияжского уезда 1565–1567 гг., местные татарские помещики, владевшие селом при Казанском ханстве, «чувашенин Уянгурчей со товарищи» были изгнаны, и село перешло в поместье князя Андрея Ивановича Ростовского. Население села первоначально было полностью татарским, сразу несколько русских помещиков получили здесь поместья, но ещё при царе Иване Грозном, в 1570-е гг., село было отнято и у князя Ростовского и подарено Свияжскому Богородскому мужскому монастырю» (Бишбатман – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Бишбатман> (дата обращения: 10.10.2024)). Само собой разумеется, что Бишбатман изначально был чувашским населенным пунктом, так как «чувашенин Уянгурчей» никак не мог быть татарин, и нет сведений о том, что в Казанском ханстве какой-либо чувашский помещик владел татарским селом.

умные, красивые, образованные дочери – Варвара, Анюта и Александра» [Дмитриев, Леонтьев, Матвеев, 2011, с. 29]. В действительности жена его Мария Кузьминична родила еще Валериана, Николая, Антонину, Екатерину и Валентину. О Варваре и Александре мы упомянули выше. Сестра милосердия Анна Яснитская погибла в Первой мировой войне 13 ноября 1915 года, тело ее погребено в Каменец-Подольске [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 237, с. 4]. Антонина Владимировна жила дольше всех, умерла в 1982 году в 92-летнем возрасте, была супругой уроженца с. Карамышево Чебоксарского уезда (ныне Козловский муниципальный округ Чувашии) М.И. Иевлева (1900–1983), полковника медицинской службы, заслуженного врача РСФСР. Информации о жизненном пути Валентины и Валериана нами не найдено, вероятно, они умерли в детском возрасте. О Николае некоторые сведения сохранились в казанском архиве Никольского, например, «документы, связанные с судебными процессами шурина Н.В. Никольского Н.В. Яснитского с его гражданской женой...» [ОРРК НБУ КФУ... , л. 1–9].

На первый взгляд кажется странным, что Николай Васильевич не собирал подробные материалы о роде Яснитских. Увы, такое нередко встречается у многих исследователей. Здесь как в чувашской пословице: *Тимёрсён пуртти катйак, платникён пуртй аври сук, пупйн кёнеки сук* = У кузнеца топор шербатый, у плотника нет топорища, у попа книги нет. Но все же в Рукописном фонде Никольского находим кое-какие материалы. Имеется письмо В.С. Яснитского зятю Николаю Васильевичу священнику и поэту Т.К. Кириллову [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 167, с. 89]. Из письма священника с. Пизипово Ядринского уезда А. Меценатова узнаем, что он собранные им «чувашские песни и загадки перешлет к В.С. Яснитскому для передачи Н.В. Никольскому» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 179, с. 275]. Корреспондент Никольского В.С. Ченчуков из села Тенеево Ядринского уезда сокрушается: «В.С. Яснитский работал у нас. Теперь он в с. Большие Яуши. Этот поп был очень хорошим. По нем прихожане тоскуют...» [НА ЧГИГН. Отд. I, ед. хр. 237, с. 161].

Заключение

Таким образом, ученый-энциклопедист профессор Н.В. Никольский, достойный ученик выдающегося исследователя «инородцев» Поволжья и Приуралья профессора И.Н. Смирнова, сохранил в своем Рукописном фонде уникальные материалы, проливающие свет на некоторые моменты биографии Ивана Николаевича. В.С. Яснитский оставил ценные воспоминания о своем зяте. Материалы из фонда Н.В. Никольского побудили нас обратиться и к биографии детей Смирновых – потомков православных священников в нескольких поколениях, а также братьев и сестер А.С. Смирновой (Яснитской). На наш взгляд, современным финно-угроведам и чувашоведам вполне под силу подготовка и издание труда, посвященного жизнеописанию профессора И.Н. Смирнова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б. Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 303 с.

Ивановская Н.И., Мишурина О.А. Смирнов Иван Николаевич. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/?ysclid=m1oz3dfq2u57338567> (дата обращения: 08.10.2024).

Класен (Смирнова) Доната Ивановна. URL: <https://familio.org/persons/3b5627ac-2e0a-480c-8b89-6198f6163704?ysclid=m234sfkh6971549564> (дата обращения: 10.10.2024).

Klincsiek (Смирнова) Зоя Ивановна. URL: <https://familio.org/persons/2a4b0060-ef77-46be-a42d-ef63b1f306c8> (дата обращения: 10.10.2024).

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук) (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 167.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 275.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 328.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 331.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 362.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1135.

Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 46.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ за 1889–90 г. // Приложение к Известиям ОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 3.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ за 1919 г. // Приложение к Известиям ОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX. Вып. 2.

Смирнов Валентин Иванович. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/> (дата обращения: 10.10.2024).

Смирнова (Яснитская) Александра Сергеевна. URL: <https://familio.org/persons/90980737-810d-4159-a6b0-4b09350c46eb?ysclid=m23556wa2y382979144> (дата обращения: 10.10.2024).

Яснитская Екатерина Владимировна. URL: <https://www.personalhistory.ru/GenoPro/AnnaDmitrievna/default.htm?page=ind00888.htm> (дата обращения: 10.10.2024).

Яснитский Сергей Матвеевич. URL: <https://familio.org/persons/ac784a66-6f58-4b6b-ab96-c19252e33710?ysclid=m236115fzi840366469> (дата обращения: 10.10.2024).

Alexey Leontyev

BIOGRAPHY OF PROFESSOR IVAN N. SMIRNOV

Introduction. Ivan Nikolaevich Smirnov (1956–1904) could follow in his grandfather and father's footsteps in church work. However, he chose a higher secular school – the Kazan Imperial University, and upon graduation, he achieved high results in scientific and pedagogical activity. **The purpose of the article** is to complete the biography of Professor Ivan N. Smirnov based on newly identified

materials. **Materials and methods.** The article is based on materials from the Manuscript Fund of Professor Nikolai V. Nikolskiy in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities and sources recently posted in the public domain on the Internet. Research methods include biographical, historical and genetic, factual, descriptive, analytical ones. **Results of the research, discussion.** Professor Nikolai V. Nikolskiy, who considered himself a student of Ivan N. Smirnov, thoroughly collected materials about his teacher. They are preserved in various volumes of his rich manuscript collection. The biographical information about Ivan N. Smirnov, used in our article, was obtained by Nikolai V. Nikolskiy from his father-in-law, priest V.S. Yasnitskiy. In the course of the research, we also revealed interesting information about representatives of the Smirnov and Yasnitskiy families. **Conclusion.** Ivan N. Smirnov was an outstanding scholar in the humanities, a person of encyclopedic learning who made a significant contribution to Finno-Ugric and Chuvash studies. The materials in the manuscript fund of Nikolai V. Nikolskiy helped clarify some aspects of the life and scientific work of the glorious son of the Mari people.

Keywords: Ivan Nikolaevich Smirnov; Nikolai Vasilyevich Nikolskiy; Vladimir Sergeevich Yasnitskiy; Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities; biography; expeditions; catalogue of ethnographic collections; relatives.

REFERENCES

Dimitriev V.D., Leont'ev A.P., Matveev G.B. N.V. Nikol'skiy – uchjonyj, prosvetitel', obshhestvennyj dejatel' [Nikolai V. Nikolskiy is a Scientist, Educator, Public Figure]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011, 303 p. (In Russian).

Ivanovskaja N.I., Mishurinskaja O.A. [Smirnov Ivan Nikolaevich]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/?ysclid=m1oz3dfq2u57338567> (accessed 8 October 2024). (In Russian).

Klassen (Smirnova) Donata Ivanovna. URL: <https://familio.org/persons/3b5627ac-2e0a-480c-8b89-6198f6163704?ysclid=m234sfkh6971549564> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Klincksieck (Smirnova) Zoja Ivanovna. URL: <https://familio.org/persons/2a4b0060-ef77-46be-a42d-ef63b1f306c8> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 167 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 167]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 237 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 237]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnyh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 256 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 256]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 275 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 275]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 328 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 328]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 331 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 331]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 362 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 362]. (In Russian).

Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdelenie I. Edinica hranenija 1135 [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Department I. Storage unit 1135]. (In Russian).

Otdel redkih rukopisej i knig Nauchnoj biblioteki Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta. Fond 6. Opis' 1. Delo 46. [Department of Rare Manuscripts and Books of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University]. Fund 6. Inventory 1. File. 46]. (In Russian).

Protokoly obshhih sobranij i zasedanij Soveta OAIE za 1889-90 g. [Minutes of General Meetings and Sessions of the Council of the Society for archeology, history, ethnography for 1889-90]. *Prilozhenie k «Izvestijam Obshhestva arheologii, istorii, etnografii»* [Supplement to the «News of the Society of Archaeology, History, Ethnography»]. Kazan', vol. 8, iss. 3, 1890. (In Russian).

Protokoly obshhih sobranij i zasedanij Soveta OAIE za 1919 g. [Minutes of General Meetings and Sessions of the Council of the Society for archeology, history, ethnography for 1919]. *Prilozhenie k «Izvestijam Obshchestva arheologii, istorii, etnografii»* [Supplement to the «News of the Society of Archaeology, History, Ethnography»]. Kazan', vol. 30, iss. 2, 1919. (In Russian).

Smirnov Valentin Ivanovich. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Smirnova (Jasnitskaja) Aleksandra Sergeevna. URL: <https://familio.org/persons/90980737-810d-4159-a6b0-4b09350c46eb?ysclid=m23556wa2y382979144> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Jasnitskaja Ekaterina Vladimirovna. URL: <https://www.personalhistory.ru/GenoPro/AnnaDmitrievna/default.htm?page=ind00888.htm> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Jasnitskij Sergej Matveevich. URL: <https://familio.org/persons/ac784a66-6f58-4b6b-ab96-c19252e33710?ysclid=m236115fzi840366469> (accessed 10 October 2024). (In Russian).

Леонтьев Алексей Петрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ЧГИГН,
г. Чебоксары
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

Aleksey Leontyev

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher at the Chuvash
State Institute of Humanities,
Cheboksary
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

УДК 070:94(470.343)

DOI 10.51254/2312-0312-2025-1-69-96-109

**МАРИЙСКАЯ ПРЕССА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
ИСТОРИЯ ГАЗЕТЫ «СОВЕТ УМЛАНДАРЫМАШ»
В 1919–1921 ГОДЫ**

© 2025 г. О.М. Петров

Введение. В статье исследуется процесс формирования периодической печати среди восточных мари в период Гражданской войны в России. Особое внимание уделяется роли советских органов власти в учреждении газеты «Совет умландарымаш» («Известия советов») в 1919 году, которая стала важным элементом пропаганды и информационной политики в условиях нестабильности и революционных изменений. Рассматриваются различные аспекты деятельности редакции издания, включая организационные и финансовые проблемы, с которыми она сталкивалась в процессе выпуска газет. Анализируется содержание публикаций, отражающих социально-политические реалии того времени. **Цель статьи** – исследовать историю создания и работы редакции газеты «Совет умландарымаш» и «Маяк». **Материалы и методы.** Статья основана на широком круге архивных и опубликованных источников. Используются генетический, сравнительный и проблемный методы исторического исследования. **Результаты исследования, обсуждение.** Важным этапом в истории печати восточных марийцев стало издание газет «Совет умландарымаш» и «Маяк» в 1919–1921 годы. Газета «Совет умландарымаш», впервые изданная в Бирске Уфимской губернии, была открыта при активном участии Н.А. Алексеева. Несмотря на финансовые и кадровые трудности, издание сыграло значительную роль в агитации и просвещении марийского населения. Газета пережила несколько этапов своего существования, включая переезды редакции из Бирска в Уфу и обратно, что было обусловлено как организационными, так и материально-техническими факторами. В 1921 году издание было переименовано в «Маяк», однако вскоре прекратило свое существование из-за нехватки ресурсов. Редакция испытывала серьезные трудности, включая нехватку бумаги и кадров, что привело к его нерегулярному выпуску. Тем не менее она успешно выполняла задачи по информированию и мобилизации населения. **Заключение.** Обе газеты выполняли функции коллективного организатора, пропагандиста и агитатора среди марийского населения, освещая

щая ключевые вопросы борьбы с контрреволюцией, разъясняя преимущества советской власти и вовлекая марийцев в процесс построения социализма. В публикациях затрагивались темы мобилизации ресурсов на борьбу с белым движением, героизма Красной армии, а также социальной и культурной трансформации общества. Историческое значение этих изданий заключается в том, что они способствовали формированию национального самосознания восточных марийцев, вовлечению их в общественно-политическую жизнь и укреплению позиций советской власти в регионе. Материалы газет являются ценным источником для изучения социально-политической истории марийского народа в период Гражданской войны и раннего этапа советского строительства.

Ключевые слова: печать; газеты; восточные мари; Гражданская война; большевики; советская власть; Наркомнац.

Введение

В начале XX века Россия находилась в эпицентре масштабных социально-экономических и политических преобразований, сопровождавшихся трагическими событиями, такими как Первая мировая война, революция и Гражданская война. В этих исторических процессах значительную роль играла периодическая печать, которая превратилась в мощное орудие воздействия. Газеты становились средством распространения слухов, разжигания вражды и недоверия к политическим оппонентам. Они использовались как инструмент антиправительственной агитации и как средство мобилизации масс для совместной работы по преодолению кризиса в стране. В этот период печать получила широкое распространение и усилила свое влияние на общество, что особенно проявилось в период Гражданской войны, когда различные политические силы активно выпускали свои издания и боролись за власть.

Одним из наиболее характерных печатных изданий того периода являлись марийские газеты «Совет умландарымаш» и «Маяк», выпускавшиеся большевистскими деятелями в городах Бирск и Уфа в период с 1919 по 1921 год. Однако, несмотря на их историческую значимость, в современной марийской историографии данным изданиям уделяется недостаточное внимание. Основной интерес исследователей традиционно сосредоточен на газете «Ўжара», которая продолжает издаваться и по сей день под новым названием «Марий Эл». Тем не менее газеты «Совет умландарымаш» и «Маяк», несмотря на кратковременность своего существования, представляют собой исключительный интерес. Они являлись единственными периодическими изданиями, ориентированными на восточных мари, что делает их уникальным источником для изучения культурных, социальных и политических процессов того времени. Кроме того, эти газеты позволяют глубже проанализировать стратегию и тактику большевистской пропаганды, а также ощутить дух эпохи, отразившийся в их публикациях.

Цель статьи – проанализировать историю появления первых газет у восточных мари. Описать функционирование редакции, дать характеристику публикаций газет.

Материалы и методы

Статья основана на широком спектре архивных и опубликованных источников. Используются генетический и проблемный методы исторического исследования.

Результаты исследования, обсуждение

История появления газет у восточных мари тесно связана с политикой советской власти первых лет. Это время стало чрезвычайно важным периодом в истории марийского народа. Общественно-политическая ситуация в России после 1917 года претерпела кардинальные изменения. Большевики, захватив власть в столице, стремились упрочить свое влияние в губерниях. Одним из ключевых шагов в этом направлении стало создание новой социалистической прессы, в том числе на языках нерусских народов. Новое правительство отчетливо осознавало, что в условиях столь обширного и полиэтнического государства, как Россия, удержание власти невозможно без разработки и реализации продуманной и эффективной национальной политики. Именно это понимание стало ключевым фактором, побудившим большевиков учредить 26 октября (8 ноября) 1917 года специализированный государственный орган – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) [Минеева, 2006, с. 26].

В рамках Наркомнаца были созданы структурные подразделения, отвечающие за решение вопросов, связанных с конкретными этническими группами. Так, уже к концу 1918 года в его составе функционировали национальные отделы, занимающиеся делами армян, чувашей, белорусов, эстонцев и других народов. Эти отделы формировались преимущественно из представителей соответствующих этнических общностей, которые не только обладали глубоким пониманием родного языка, культурных традиций и исторического наследия своих народов, но и являлись убежденными сторонниками социалистических идей и революционных преобразований. Такой подход позволял сочетать учет национальных особенностей с интеграцией различных этнических групп в единое советское государство.

Марийский народ также получил свой отдел в рамках Наркомнаца. Во второй половине июля 1918 года в Москве был открыт Центральный отдел мари (ЦОМ). В дальнейшем в составе партийных и государственных органов ряда губерний и уездов с компактным проживанием мари организуются его отделения. Одним из важнейших стал отдел мари в Казани, образованный в сентябре 1918 года, сразу после изгнания белочехов из города. 24 сентября при нем был организован подотдел печати (в 1919 году преобразован в Центральное издательство мари) [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.]. Именно благодаря деятель-

ности этого издательства связано появление марийских газет во время Гражданской войны. С 1 октября в Казани начинает выпускаться общественно-политическая газета для луговых мари «Йошкар кече» («Красный день»). Там же с 17 января 1919 года начнется издание газеты на горномарийском наречии «Незерӱн шамакшы» («Слово бедняка»).

После открытия секций в других губерниях с компактным проживанием мари некоторые из них приступают к выпуску газет. Так, в Вятке с 14 февраля 1919 года стала издаваться газета «Мари коммунист» (с 25 апреля 1920 года переименована в «Мари илыш» («Жизнь мари»). С 12 мая 1920 года в городе Елабуга выходила газета «Тул» («Огонь») [Петров, 2024, с. 72].

Газета «Совет умландарымаш» стала четвертым по счету большевистским изданием на марийском языке и начала выходить с 17 сентября 1919 года. Стоит отметить, что попытки выпустить газету для восточных мари предпринимались и ранее. В первой половине 1918 года Н.А. Алексеев, член Казанского комиссариата мари, был отправлен делегатом на съезд народа мари Уфимской губернии, с поручением приобрести шрифты для издания газеты. Однако возможностей и условий для выпуска тогда не было. Новую попытку Н.А. Алексеев предпринял после утверждения его заведующим ЦОМ в Москве. 15 января 1919 года ЦОМ телеграфно запросил информацию о положении дел и наличии шрифта в Бирске. Получив ответ, он отправился в Уфимскую губернию, где пробыл с 10 февраля по 27 марта 1919 года, но из-за сложного положения на Восточном фронте издание пришлось отложить. Только после освобождения Уфимской губернии от белогвардейцев дело сдвинулось с мертвой точки [Сергеев, 1971, с. 87–88].

В самом Бирске необходимых кадров, способных выпускать газету на марийском языке, не хватало. Поэтому в июле 1919 года для поднятия издательской деятельности в Башкирию были командированы: сотрудник «Йошкар кече» П.И. Вавилов-Монари, студент Казанского университета В.М. Иванов [Сергеев, 1971, с. 87–88]. В это же время для усиления советской работы в Уфимскую губернию были отправлены заведующий ЦОМ Н.А. Алексеев и инструктор-агитатор политотдела 2-й армии В.Е. Бельский. Редакция приступила к работе в Бирске во второй половине августа. Однако из-за отсутствия разрешения на издание и отсутствия бумаги до конца месяца не было напечатано ни одного номера [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37. Л. 5].

В первой половине сентября редакции удалось выпустить агитационные листовки «Совет умландарыме кече» («Новости советского дня») и «Совет умландарымаш», а также несколько агитационных листовок на русском и марийском языках. С 17 сентября начинает официально выходить «Совет умландарымаш» как бюллетень секции мари Уфимского губернского отдела по делам национальностей. На первой полосе газеты можно увидеть адрес

редакции: Бирск, улица Интернациональная, дом № 62, а также лозунги «Ушнымаштет – вийет» («В единстве сила») и «Чыла тунчасе укан-влак ушныза!» («Пролетарии, объединяйтесь!»). В правом верхнем углу страницы указана цена подписки за один месяц – 6 рублей [Совет ... , 1920, с. 87]. Вместе с тем в архивных данных почти отсутствуют сведения о количестве подписчиков на газету. «Совет умландарымах», как и другие большевистские издания тех лет, имели сугубо агитационные цели, а потому большая часть тиража распространялась среди населения совершенно бесплатно, все расходы при этом брало на себя советское правительство.

Примечательно, что издание газеты началось с номера три. На этот счет есть несколько мнений. Так, советский исследователь марийской прессы М.Т. Сергеев считал, что предшественницей «Совет умландарымах» являлась газета «Шемер-пашазе» («Трудящийся рабочий»), выпущенная в Казани Центральным издательством мари. Первый ее номер датирован 28 мая 1919 года [Сергеев, 1971, с. 87]. На это же указывают некоторые архивные документы. В одном из них отмечается, что редакция в Бирск была переведена в середине августа 1919 г. [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.]. Это говорит о том, что газета уже ранее выпускалась. Другой исследователь Н.Н. Шапиева отметила, что выпущенные в начале сентября редакцией две листовки с таким же названием («Совет умландарымах») по форме и содержанию напоминали газету, а потому именно они стали первыми номерами [2015, с. 168].

Газета «Совет умландарымах» печаталась в сложное время – Гражданская война, продовольственная разверстка, общая экономическая разруха. Все это сильно отражалось на характере публикуемых в ней материалов. Так как газета издавалась органами большевиков, то в первую очередь она преследовала агитационные цели. Как и централь-

Н.А. Алексеев (1896–1935)

ные газеты она разъясняла сущность советской власти, ее отличие от прежней царской, пропагандировала коммунистические ценности и всячески разоблачала врагов режима. В большинстве статей основной акцент делался на защите Советской республики от внутренних и внешних угроз и необходимости мобилизации всех доступных ресурсов для этой цели.

Уже в первом выпуске бюллетеня «Совет умландарымаш» было отмечено, что перед крестьянством стоят две ключевые задачи: присоединиться к Красной армии и нанести поражение белогвардейским войскам, а также обеспечить фронт всем необходимым, особенно продовольствием. Из номера в номер публиковались материалы, посвященные событиям на фронте Гражданской войны. Рассказывалось об интервенции, о борьбе с армиями Колчака, Деникина, Врангеля, а позднее и о конфликте с Польшей. Описывалось множество преступлений белогвардейцев в Уфимской губернии [Шапиева, 2015, с. 170].

Так, в «Совет умландарымаш» за 11 октября 1919 года были опубликованы материалы, посвященные событиям, произошедшим летом 1918 года и в начале 1919 года в Бирском уезде Уфимской губернии. В статье автор рассказывает о том, как после прихода белых были расстреляны многие марийцы, в том числе председатель коллегии мари в Уфимском губисполкоме С.У. Уразбаев. Многих учителей отправили в Сибирь. Во время отступления белые насильно забирали мужчин в свою армию, грабили, отбирая одежду, зерно, скот и лошадей. Красноармейцев брали в плен и убивали, оставшихся в живых в одних рубахах отправляли в Сибирь. В статье сообщается о том, что многих учителей посадили в тюрьмы, некоторых расстреляли. Марийскую учительскую семинарию закрыли и превратили в казарму, разграбив все имущество. В заключение автор предостерегал читателей марийцев: «Будьте благоразумны, иначе останетесь без денег, хлеба, лошадей. Колчак обагрит ваши рты» [Шапиева, 2015, с. 170].

Как видно из отчета, в сентябре работа редакции проходила удовлетворительно, штат состоял из пяти человек. Газета выходила два раза в неделю тиражом в 2000 экземпляров. Однако в начале октября коллектив распался, его покинули: редактор Н.А. Алексеев, сотрудники И.Н. Коведяев и Ваитан уехали на места своей службы в уезд, отбыл в Казань Березкин. Два номера вышли под редакцией школьного инструктора А.Я. Бекбулатова, временно прикомандированного в редакцию из-за отсутствия работников. А с 13 октября 1919 года согласно распоряжению Уфимского губернского отдела национальностей к исполнению редакторских обязанностей приступил В.Е. Бельский [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37. Л. 5].

Материальная база редакции находилась в плачевном состоянии: не хватало средств, а поступления от подписчиков были крайне незначительными. Запас

бумаги не пополнялся, и с 1 ноября тираж пришлось сократить до 1200 экземпляров. Однако самой большой проблемой была нехватка квалифицированных кадров. В.Е. Бельский отмечал, что иногда ему приходилось выпускать газету в одиночку, в частности номера 15, 16 и 17. Почти не приходило писем от корреспондентов из волостей. Помимо редакторства, В.Е. Бельский занимал должность заведующего подотделом мари, и, как он сам писал, из-за большой занятости его работа ограничивалась лишь раздачей руководящих указаний и направлений [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37. Л. 7].

Все эти факторы, конечно же, не могли не сказаться. 19 ноября 1919 года газета известила читателей о том, что в связи с выездом редактора в Уфу на губернский рабоче-крестьянский съезд мари и удмуртов ее выпуск приостанавливается. Выступая на съезде 29 ноября 1919 года В.Е. Бельский довольно откровенно рассказал о проблемах редакции, указав главную – отсутствие кадров, из-за чего качество материалов оставляло желать лучшего: «...содержание газеты односторонне сухое, в газете не приводятся, за исключением редких случаев, статьи научного политического характера с исчерпывающим горизонтом для умственного кругозора необразованной массы мари. Мало статей, содержащих ряд насущных конкретных мер в текущей жизни момента, отсутствует хроника, в общем недостатков газеты порядочно. Все содержание газеты сводится к следующему: на первом листе передовица, написанная на злободневную тему дня, дальше идет фронтовая сводка о красном фронте, так же и сведения о жизни в белогвардейщине и Антанте. Вслед за сводкой статьи из современной жизни политического направления потом статьи, содержащие конкретные мысли, далее стихотворения, перевод с русского языка подходящих статей и наконец сведения хроники и ответы подписчикам. Вот все содержание газеты. Помещая в страницах газеты те или иные поступающие статьи, не приходится разбираться с тем, имеет ли статья какую-нибудь объективную ценность, а всецело придерживаться одной мысли продержат существование, дать возможность выйти в заполненном виде без пустых столбов» [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37. Л. 6].

По докладу съезд принял резолюцию, в которой подчеркивалась важность газеты в деле разъяснения политики советской власти. Поскольку она являлась единственным печатным изданием для восточных мари, признавалась целесообразность ее дальнейшего выпуска. Для улучшения издательского процесса постановили перевести редакцию в центр губернии Уфу [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 12].

Редакция «Совет умландарымаш» в Уфу прибыла 25 декабря 1919 года. В планах было наладить техническую сторону работы, увеличить тираж, организовать переводческую комиссию и, помимо газеты, начать выпуск книг, брошюр и другой литературы. Однако, как вспоминала сотрудница редакции

С. Никитина: «Но не так радушно встретила нашу идею Уфа». Долгое время не удавалось найти подходящее помещение, единственного редакционного наборщика задерживала в Бирске местная типография. На запрос предоставить наборщика из Уфимской типографии был получен категорический отказ из-за неотложных заказов [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 51].

Лишь 12 января 1920 года наборщики Уфимской типографии согласились набрать марийскую газету сверхурочно и 18 января тиражом в 6000 экземпляров вышел первый номер «Совет умландарымаш» на новом месте. Однако в дальнейшем работать сверх меры печатники отказались и выход второго номера надолго задержался. Были и другие проблемы, в типографии не хватало марийского шрифта. Редакция в январе обращалась в Центральное издательство мари с просьбой прислать 20 пудов шрифта, а также литературы на марийском языке, так как выход «Известий советов» приостановился [Ф. Р- 627. Оп. 1. Д. 54. Л. 8].

После нескольких прошений Уфимская типография 12 февраля все же предоставила наборщика Тарасова для «Известий». Спустя почти месяц 18 февраля вышел второй номер «Совет умландарымаш» тиражом в 4000 экземпляров, который сразу же был сдан в центрпечать и распространен среди марийского населения Уфимской и соседних губерний. 26 февраля появился третий номер, для экономии бумаги тираж еще снизили, и он составил 3500 экземпляров [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 53]. Стоит отметить, что снижение тиража происходило не только из-за нехватки бумаги, которая также была. Из-за отсутствия подписчиков и точной информации о том, в каких селениях проживают мари, органы, занимающиеся распространением печати, часто отправляли газеты не в те районы. Так известны факты, что, например, газета «Йошкар кече» доставлялась иногда в чувашские деревни, где она была совершенно никому не понятна. Из-за надобности местные жители использовали ее в быту, заворачивали продукты, скручивали папиросы [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 52. Л. 127]. Поэтому В.Е. Бельский отмечал, что тираж мог повыситься только после увеличения числа подписчиков.

Выпускать газету часто было сложно, новый наборщик не владел марийским языком, работал медленно и без помощника один справиться не мог. Редактор писал, что таким образом газета могла выходить всего один раз в неделю и то с трудом [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 53]. Положение осложнялось и тем, что в конце февраля в Уфимской губернии вспыхнуло крестьянское восстание, было объявлено военное положение. Многие сотрудники Уфимской секции мари, в том числе некоторые сотрудники редакции, были мобилизованы на борьбу с восставшими. Эти события отражены в газете «Совет умландарымаш». Так редакция убеждала, что мятежники защищали интересы врагов и призывала их сложить оружие и поддержать Советское правительство. В статье за 9 марта 1920 года объяснялось, что многие крестьяне ошибочно

воспринимают большевиков и коммунистов как противников: «Сейчас из-за антисоветской пропаганды крестьянство встало против Советской власти. Многие восстали из-за незнания понятий большевики и коммунисты. Руководители нашего рабоче-крестьянского правительства – коммунисты-большевики. Между понятиями большевик и коммунист нет различия. Можно называть их как большевик или как коммунист. Однако враги советской власти обманывают народ, говорят, что коммунисты хотят оставить крестьян на пайках, а большевики против этого и выступают за свободу торговли. Поэтому они говорят: «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствуют большевики и свобода торговли!» «Долой коммунистов!». Не верьте таким людям. Они хотят уничтожить Советскую власть и вернуть прежние порядки» [Шапиева, 2015, с. 173]. В последующие месяцы газета продолжала уделять особое внимание крестьянскому вопросу. После окончания восстаний она активно освещала отмену продразверстки, признанной одной из ключевых причин недовольства, а также подробно разъясняла и пропагандировала принципы Новой экономической политики (НЭП), призванной стать ответом на экономические вызовы и чаяния населения.

Вместе с тем из отчетов редакции за март – июль заметно, что положение редакции стало налаживаться. Были приняты три ученика в наборщики из числа знающих марийский язык, штат сотрудников и переводчиков был полностью укомплектован, создана переводческая комиссия при подотделе мари. Стала увеличиваться и периодичность издания. Если в январе и феврале вышло всего три номера, то в марте – семь, в апреле – девять. Всего к первому июля было выпущено 33 номера. Также издано четыре брошюры политического и научного содержания, 11 листовок, пять инструкций и другая печатная продукция [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 53].

В начале июля 1920 года редактор газеты в своем отчете о деятельности редакции отмечал, что преодоление дефицита бумаги открыло новые горизонты для творческой свободы и повышения эффективности печатной агитации. Он подчеркивал, что содержание газеты заметно улучшилось. Сотрудники редакции стали более внимательно изучать другие газеты, издаваемые в Уфе. Актив корреспондентов расширился за счет работников партийных и советских органов, учителей и учащихся. По инициативе Центрального отдела мари летом 1920 года в Бирске были организованы курсы журналистики. Для преподавания был направлен В.М. Васильев. Редакция установила контакты с другими марийскими газетами. Главной темой газеты стало освещение законодательных актов, принятых центральными и местными органами власти [Сергеев, 1971, с. 93].

К несчастью, к концу лета газета «Совет умландарымаш» снова стала испытывать затруднения. Так редактор газеты В.Е. Бельский в июле 1920 года

принял решение добровольцем ехать в Красную армию сражаться на западном фронте, после этого издание газеты было возложено на редакционную коллегию. Снова стал ощущаться острый недостаток газетной бумаги. Губернский отдел национальностей, несмотря на запросы редакции, давал неясные и уклончивые ответы. А кроме того, решением его коллегии от 29 июля 1920 года был сокращен тираж до 3000 и периодичность выхода – до одного раза в неделю. Тогда как ранее газета выходила в среднем три раза в неделю тиражом 5000 экземпляров [Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 35].

3 августа 1920 года заседание собрания марийских коммунистов г. Бирска приняло решение перевезти редакцию «Совет умландарымаш» снова в Бирск. После перевода газета в течение трех месяцев не издавалась. Затем 15 января 1921 года была переименована в «Маяк». В Бирске газета испытывала большие трудности и выходила нерегулярно. Так, с января до момента ее окончательного закрытия в ноябре было издано 19 номеров. В среднем газета выходила всего два раза в месяц. К сожалению, большинство номеров этой газеты не сохранилось, и о ее содержании можно судить лишь из архивных отчетов. Редакторами газеты в 1921 году были А.А. Аюпова и Е.Н. Шамыкаев. Известно, что из-за проблем с бумагой тираж к октябрю 1921 года сократился до 1500 экземпляров. Это и стало основной причиной закрытия газеты. Кроме того, в ноябре вышел известный декрет СНК о платности газет, который перевел всю советскую прессу на рыночные начала. Соответственно, государственные дотации на печать были сильно сокращены [Бабюк, 2014, с. 78–79].

Заключение

История появления и развития газеты «Совет умландарымаш» является ярким примером того, как советская власть в первые годы своего существования использовала печатные издания для укрепления своего влияния среди нерусских народов, в частности среди восточных мари. Создание газеты стало частью политики, направленной на интеграцию различных этнических групп в единое советское государство. Газета выполняла важную агитационную функцию, разъясняя политику советской власти, пропагандируя социалистические идеи и мобилизуя население на борьбу с внутренними и внешними противниками.

Тем не менее к концу 1921 года газета «Совет умландарымаш» (переименованная в «Маяк») была вынуждена прекратить свое существование. Основными причинами стали сокращение государственной поддержки, переход на рыночные принципы функционирования прессы и общий экономический кризис. Несмотря на относительно короткий период существования, газета оставила значительный след в истории марийской печати, став одним из этапов в развитии национальной журналистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабюк М.И. Кризис материально-технической базы советской печати периода НЭПа Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2014. №. 6. 74–86.
- Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ) Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 15.
- ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37.
- ГА РМЭ. Ф. Р. 627. Оп. 1. Д. 41.
- ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 52
- ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 53.
- ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 54.
- Минеева Е.К. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета. 2006. №7. С. 23–33.
- Петров О.М. Периодическая печать Марийской автономной области в 1920-е годы. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. 288 с.
- Сергеев М.Т. Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 244 с.
- Совет умландарымаш. 1919. 17 сентября. № 3.
- Шапиева Н.Н. Создание советской периодической печати у восточных марийцев в годы Гражданской войны // Марийский археографический вестник. 2015. С. 167–173.

Oleg Petrov

THE MARI PRESS AT THE TURN OF THE CENTURY: THE HISTORY OF THE NEWSPAPER “SOVIET UMLANDARYMASH” IN 1919-1921

Introduction. The article examines the formation of the periodical press among the Eastern Mari during the Russian Civil War. Special attention is paid to the role of the Soviet authorities in the establishment of the newspaper “Sovet Umlandarymash” in 1919, which became an important element of propaganda and information policy in the conditions of instability and revolutionary changes. Various aspects of the editorial board’s activities are considered, including the organizational and financial problems they faced while publishing newspapers. The content of publications reflecting the social and political realities of that time is analyzed. **The purpose of the article** is to study the history of the creation and work of the editorial board of the newspaper “Sovet Umlandarymash” (“News of the Soviets”) and “Mayak”. **Materials and methods.** The article is based on a wide range of archival and published sources. The genetic, comparative and problematic methods of historical research are used. **Results of the study, discussion.** An important stage in the history of the Eastern Mari press was the publication of the newspapers “Sovet Umlandarymash” and “Mayak” in 1919-1921. The newspaper “Sovet Umlandarymash”, which was first published in Birsks, Ufa Governorate, started functioning with the active participation of N. A. Alekseev. Despite financial and personnel difficulties, the publication played a significant role in agitation and

education of the Mari population. The newspaper went through several stages of its existence, including the relocation of the editorial board from Birk to Ufa and back, which was due to both organizational and logistical factors. In 1921 the publication was renamed "Mayak", but soon it went out of print due to a lack of resources. The editorial board experienced serious difficulties, including a shortage of paper and personnel, which led to its irregular publication. Nevertheless, it successfully carried out the tasks of informing and mobilizing the population. **Conclusion.** Both newspapers acted as collective organizers, propagandists, and agitators among the Mari population, covering key issues in the fight against counterrevolution, explaining the advantages of Soviet power, and involving the Mari in the process of building socialism. The publications touched on the mobilization of resources to fight the White movement, the heroism of the Red Army, and the social and cultural transformation of society. The historical significance of these publications lies in the fact that they contributed to the formation of national self-awareness among the Eastern Mari, their involvement in social and political life, and the strengthening of the position of Soviet power in the region. The newspaper materials are a valuable source for studying the social and political history of the Mari people during the civil war and the early stage of Soviet construction.

Keywords: press; newspapers; Eastern Mari; Civil War; Bolsheviks; Soviet power; People's Commissariat of Nationalities.

REFERENCES

Babjuk M.I. Krizis material'notekhnicheskoy bazy sovetskoj pechati perioda NEPa [Crisis of the material and technical base of the Soviet press during the NEP period]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Seriya 10: Zhurnalistika. 2014, no. 6, pp. 74-86. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 15 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case 15]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 37 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case 37]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 41 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case. 41]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 52 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case 52]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 53 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case 53]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokument 54 [State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-627. Description 1. Case. 54]. (In Russian).

Mineeva E.K. Narkomnac RSFSR: celi, zadachi, struktura [People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR: goals, tasks, structure]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2006, no. 7, pp. 23-33. (In Russian).

Petrov O.M. Periodicheskaja pechat' Marijskoj avtonomnoj oblasti v 1920-e gody [Periodical Press of the Mari Autonomous Region in the 1920s]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2024, 288 p. (In Russian).

Sergeev M.T. Vozniknovenie i razvitie pechati Marijskoj ASSR [The Emergence and Development of the Press in the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971, 244 p. (In Russian).

Sovet umlandarymash. 1919, September 17, no. 3. (In Mari).

Shapieva N.N. Sozdanie sovetskoj periodicheskoy pechati u vostochnyh marijcev v gody Grazhdanskoj vojny [The creation of the Soviet periodical press among the Eastern Mari during the Civil War]. *Marijskij arheograficheskij vestnik*, 2015, pp. 167-173. (In Russian).

Петров Олег Михайлович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ;
старший преподаватель кафедры
отечественной истории
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: petrovom@mail.ru

Oleg Petrov

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History;
Senior Lecturer of the Department
of Russian History of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: petrovom@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

ВКЛАД Т.А. КРЮКОВОЙ В ИССЛЕДОВАНИЕ
КУЛЬТУРЫ МАРИЙСКОГО НАРОДА

© 2025 г. Т.Л. Молотова

Со дня рождения Татьяны Александровны Крюковой (30.12.1904/12.01.1905–14.04.1978) известного этнографа, талантливой исследовательницы народов Урало-Поволжья исполнилось 120 лет. Она внесла большой научный вклад в изучение традиционной культуры многих народов региона. Значительное научно-исследовательское наследие она оставила по материальной и духовной культуре мари́йцев, что было связано с биографией Татьяны Александровны. Ее детство, юность и молодость были связаны с мари́йским краем, городом Козьмодемьянском, где она жила с родителями.

Т.А. Крюкова получила среднее образование в городской прогимназии и школе II ступени. В 1921 году она поступила на историко-филологический факультет Нижегородского университета и через год перевелась на этнологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета (1922–1925). За участие в философско-религиозном кружке И.М. Андриевского «Братство Серафима Саровского» она подверглась тюремному заключению. В ноябре 1928 года была осуждена на трехлетнюю ссылку в г. Козьмодемьянск под надзор родителей [Решетов, 2000, с. 15–16].

Свою деятельность она начала в Козьмодемьянском музее с мая 1929 года по рекомендации известного художника А.В. Григорьева, основавшего музей. Работа Т.А. Крюковой в Козьмодемьянском музее и кантонном отделении Марийского общества краеведения предопределила ее научную деятельность. После окончания ссылки она вернулась в Ленинград. Проработав недолго в библиотеке одного из ленинградских вузов, в 1932 году Т.А. Крюкова была принята на должность научного сотрудника этнографического отдела Русского музея (в 1934–1948 годах – Государственный музей этнографии, в 1948–1992 годах – Государственный музей этнографии народов СССР, с 1992 года Российский этнографический музей – РЭМ). Именно с этим учреждением была связана ее 45-летняя трудовая деятельность. С 1944 года и до кончины (1978) она возглавляла отдел народов Поволжья и Приуралья. Большинство ее исследовательских работ было посвящено культуре и быту марийского народа. Т.А. Крюкова свой исследовательский интерес обратила на материальную культуру, так как это была наименее исследованная область у марийцев [Решетов, 2000, с. 15–16; Сепеев, 2007, с. 96]. Одним из самых приоритетных элементов в традиционной культуре она выделила народный костюм, поскольку он специально не изучался. Татьяна Александровна считала, что этот элемент культуры является одним из наиболее важных в решении вопросов, связанных с этногенезом, социально-экономическим развитием и межэтническими контактами [Крюкова, 1956, с. 124].

Заслугой Т.А. Крюковой является сбор уникальных экспедиционных полевых этнографических материалов по культуре марийского народа, проживавших в различных регионах страны. Во время этнографических экспедиций она собрала большое количество вещественного материала по народному костюму различных этнографических групп марийского народа, значительно обогативших коллекции Государственного музея этнографии. В экспедиционной работе Т.А. Крюковой имели место поездки в места сбора неаннотированных коллекций со специальной задачей по их определению и расшифровке. В 1934 году она осуществила командировку к ветлужским марийцам для восстановления научной ценности коллекции марийских головных уборов. Это собрание содержало свыше 1000 предметов одежды и было собрано у ветлужских марийцев в 1908 году профессором Т.П. Ефименко в деревнях бывшей Тоншаевской волости во время археологических раскопок. Эта коллекция – одна из уникальнейших собраний по народному костюму марийцев XIX века, имеющая подробные аннотации, написанные Т.А. Крюковой на основе полевых исследований [Крюкова, Студенецкая, 2000, с. 96].

Во время этнографических экспедиций ей удавалось обнаружить очень редкие, старинные формы народного костюма, поскольку она всегда с уважением и подробно расспрашивала своих информантов, а они в свою очередь стремились поделиться интересными фактами из жизни марийцев.

Несомненной заслугой Т.А. Крюковой является и создание коллекции современной одежды марийцев, бытовавшей в 50–60-е годы прошлого века, а также приобретение для фондов музея изделий фабрики «Труженица». Это предприятие многие годы выпускало современную одежду и текстильные изделия с марийской орнаментацией, которые удачно сочетали современные ткани, покррой и национальную вышивку [Молотова, 2007, с. 104].

Огромным вкладом в изучение марийского орнамента является ее монография «Марийская вышивка», созданная на основе богатого полевого, архивного, опубликованного этнографического материала. Исследование было написано в предвоенные годы, но из-за войны монографию смогли издать только в 1951 году. Это одно из первых российских монографических исследований, посвященное анализу этого вида декоративно-прикладного искусства марийского народа [Крюкова, 1951].

Татьяна Александровна изучала вышивку в связи с различными формами народного костюма (орнаментация рубах, кафтанов, передников, обрядовой одежды), выделив ее расположение и семантическое назначение. Исследовательница раскрыла технологические приемы исполнения и мотивы орнаментации, способы окрашивания и цветовую гамму ниток, а также половозрастные различия в вышивке. В этом исследовании этнограф уделила внимание и локальному разнообразию марийской вышивки различных этнических групп марийцев, что проявлялось в расположении ее на отдельных формах одежды, мотивах, технике и цветовой гамме орнамента. В древности вышивка на одежде была своеобразной информацией об этнической принадлежности к той или иной группе народа, социальном, половозрастном, имущественном положении носителя. В монографии очень подробно рассмотрена орнаментация отдельных форм женского и мужского костюмов в различных комплексах [Крюкова, 1951, с. 17–39].

В специальной главе раскрывается развитие вышивального производства и орнаментация современных изделий [Крюкова, 1951, с. 81–88]. В тот период издание этой монографии-альбома явилось большим событием для научной и культурной жизни республики.

Во второй своей монографии «Материальная культура марийцев XIX века» Т.А. Крюкова подробно показала многие стороны традиционной материальной культуры, используя различные музейные, архивные источники, опубликованную литературу как дореволюционного, так и советского периодов. В книге были даны общие сведения о марийцах, рассматривались сельское хозяйство, охота и рыболовство, пчеловодство, домашняя промышленность и кустарные промыслы, способы и средства передвижения, пища и утварь, поселения и жилища, одежда марийцев. В конце монографии в отдельном разделе было представлено заключение о проделанном

исследовании и был приведен значительный список использованной литературы [Крюкова, 1956, с. 145–159].

В разделе о народном костюме в данной монографии она рассмотрела типологию различных форм одежды, головных уборов, способы ношения тех или иных форм одежды, раскрыла локальные особенности костюмов различных этнических групп марийцев. Большое внимание она уделила женским домашним промыслам, связанным с одеждой. Так, Татьяна Александровна описала в этой работе обработку конопли, шерсти, относящейся к горным марийцам. Она рассмотрела все приемы выращивания и обработки конопли с периода посадки и до получения волокна, нитей, холста, показала технологические приемы и орудия для подготовки пряжи для ткачества, подчеркнув, что эти ткацкие принадлежности почти ничем не отличаются от бытующих у других соседних народов. Подробно описала способы окрашивания ниток для орнаментации костюма. В своей монографии Т.А. Крюкова, рассматривая народный костюм марийцев, подробно остановилась на женских головных уборах, которые были одним из основных элементов в общем комплексе одежды и по которым выделялись территориальные группы марийцев. Одними из древнейших типов головных уборов она считала остроконечные «шурку» и «шымакш» [Крюкова, 1956, с. 136]. Монография пользовалась и пользуется популярностью, на фактологический материал книги опирались и опираются многие исследователи.

Научным достижением Татьяны Александровны явилось написание очерков «Марийцы» для издаваемого Институтом этнографии АН СССР многотомного серийного издания «Народы мира. Историко-этнографические очерки» (М., Наука, 1964). В тот период Т.А. Крюкова считалась в научном мире признанным знатоком культуры марийского народа. В этом очерке Татьяна Александровна помимо хорошо исследованных ею тем по хозяйству и материальной культуре, представила разделы по общественному и семейному быту, духовной культуре. Особое внимание она уделила формированию новых культурно-бытовых элементов и явлений, рассмотрела преобразования в сфере хозяйства, образования и науки, здравоохранения, культуры, искусства [Крюкова, 1965, с. 510–554].

Татьяна Александровна выявила параллели в костюмах финно-угорских народов Поволжья не только с тюркскими народами региона, но и Сибири, подчеркнув, что эти схожие элементы особенно ярко проявлялись в более древних формах одежды. Например, древние орнаментированные крапивные рубахи хантов и манси очень схожи с таковыми марийцев и мордвы. Аналогии проявлялись не только в отдельных формах одежды, но и в орнаментации. Так, даже совпадают названия технологических способов вышивки – вышивка набор у марийцев и хантов имеет одно название – «керем» [Крюкова, 1970, с. 226].

Крюкова Т.А., говоря о локальных отличиях в комплексах костюма различных групп марийцев, подчеркивала, что это связано с рядом причин исторического, социального и экономического порядка, с взаимодействием с культурой соседних народов. Так, своеобразие костюма восточных марийцев она связывала с влиянием одежды башкир, татар и отчасти удмуртов [Крюкова, 1965, с. 167–168].

Крюкова Т.А. являлась замечательным собирателем, она зафиксировала интересные архаичные этнографические факты. Например, об изготовлении свадебного покрывала из волокна крапивы, которая собиралась в глухих местах, где не было слышно пения петухов. Интересно ее высказывание о том, что у ряда поволжских народов высушенная шкура животного нередко является предохранительным средством от порчи вообще. Так, у марийцев, по ее свидетельству, кусочки кожи жертвенного животного вшивались в различные части одежды. Это делалось для того, чтобы носителю одежды во всем сопутствовала удача [Крюкова, 1949, с. 151].

Татьяна Александровна Крюкова была талантливым исследователем-полевиком. В 30–60-е годы XX века она часто выезжала в этнографические экспедиции к марийцам, проживающим в различных регионах страны. Была свидетельницей тех изменений, которые происходили в культуре и жизни марийского народа. Т.А. Крюкова фиксировала новые формы и элементы, возникавшие в новой социалистической деревне. Тенденции модернизации отмечала и в народном марийском костюме, проявлявшиеся в использовании современных тканей, в изменении покроя форм костюма, возникновении новых орнаментальных мотивов в вышивке, внедрениях общегородских форм одежды и обуви. Об этом свидетельствуют ее научные публикации и полевые экспедиционные отчеты. Т.А. Крюкова отмечала изменения во всех сферах культуры, в том числе и костюма в сравнении с другими народами. У марийцев, как и у других народов Поволжья, изменения произошли в первую очередь в головных уборах и обуви. Исследовательница в этот период выделила две основные линии: первая – исчезновение в современном колхозном быту у населения старых, традиционных форм одежды и частичная или полная замена ее городскими формами; вторая – сохранение национального характера одежды, красочности ее оформления, при творческой переработке отдельных деталей в покрое, общей структуре, отделке и использовании новых тканей в костюме [Крюкова, 1953, с. 171–176].

Необходимо остановиться и на том наследии Т.А. Крюковой, которое несомненно представляет для марийских этнологов большую научную ценность. В фондах МарНИИЯЛИ хранятся полевые экспедиционные отчеты об этнографических исследованиях 1959, 1960, 1961, 1966 и 1968 годов, проведенных Т.А. Крюковой в районах проживания марийского населения,

поскольку был принят совместный семилетний план Марийского научно-исследовательского института и Государственного музея этнографии народов СССР по проведению экспедиционной работы, часть которой финансировалась МарНИИ. В отчете за 1959–1960 годы исследовательница отметила, что «этот совместный план двух научных учреждений был составлен на основании того, что в области марийской этнографии многие вопросы еще неясны и требуют углубленного изучения и доработки. Необходима также тщательная экспедиционно-собираТЕЛЬская работа на местах, как в отношении фактического этнографического, так и вещевого материала». По плану намечалось охватить все районы республики, а также восточных марийцев (Мишкинский, Калтасинский районы Башкирской АССР), уделить внимание марийцам, проживающим в Кировской, Горьковской, Куйбышевской областях, а также и в Татарской АССР. По результатам этого исследования планировалось издание монографии «Марийцы», в написании которой предполагалось участие большого авторского коллектива [Крюкова, НРФ МарНИИ. Оп. 2. МЭЭ 1959–1960, № 4, л. 1].

В экспедиционном отчете за 1966 год Т.А. Крюкова основное внимание уделила народному костюму и прежде всего современной одежде. Она писала, что «при сборе материала по одежде меня в первую очередь интересовал процесс изменения и реконструкции национальной марийской одежды в настоящее время. Основное внимание на всем протяжении маршрута я обращала на современную одежду, сохранившую в той или иной мере национальный характер в материале, в покрое, характере орнаментации, отделке и т.п.». Описывая одежду мариек Новоторъяльского района, она отметила, что в современном костюме основным головным убором является платок, а пожилые женщины продолжают носить остроконечный «шымакш». Однако по форме этот головной убор значительно уже старинного, шьется из тонкого холста, в орнаментации его присутствует как современная вышивка «гладь», так и традиционная – «счетная гладь» и «набор», исполненная привычным материалом – красным шелком [Крюкова, НРФ МарНИИ. Оп. 2. МЭЭ 1961, № 8, л. 16, 20]. Т.А. Крюкова проследила эволюцию народного костюма марийцев. Она выделила хронологические рамки исчезновения или появления тех или иных элементов в народном костюме. Так, «до войны 1941 года старинная холщевая одежда все же была преобладающей, особенно в праздничное время. Надевали ее также в церковь и на моления в священную рощу. В последнем случае одежда из домотканины была обязательной». В 1950-е годы в Новоторъяльском районе, как и в других районах, появилась рубаха-платье с оборкой. В рукописи говорится и об удачных приобретениях в этом районе вещевого материала для Государственного музея этнографии народов СССР. Например, ценным экземпляром была рубаха языческого жреца – карта. По легенде, она была изготовлена в 1881 году всем миром

(всеми женщинами селения) и давала полномочия главному жрецу, поэтому возник конфликт между двумя жрецами за право пользования рубахой. Дело было для них настолько важным, что оно решалось в волостном суде [Крюкова, НРФ МарНИИ. Оп. 2. МЭЭ 1966, № 2, л. 4, 7, 9, 11].

Как известно, Татьяна Александровна Крюкова в последние годы своей жизни работала над рукописью, посвященной марийскому народному костюму. Ею был собран и накоплен большой этнографический материал в виде полевых записей, коллекций по костюму разных групп марийцев. Она прекрасно знала коллекции в других музеях страны. Исследовательница вплотную подошла к осуществлению своего замысла, но, к сожалению, не успела его осуществить. Только одна из глав «Этнографические и локальные группы марийцев (по материалам одежды)» была опубликована в научном сборнике, посвященном 95-летию Т.А. Крюковой [Крюкова, 2000, с. 70–90]. В этнологической науке большое внимание уделяется характеристике основных групп и локальных подразделений исследуемого народа. При определении специфических особенностей этнических групп важное значение имеет сопоставительное изучение традиционной материальной и духовной культуры. При выделении той или иной локальной группы народа одним из важных компонентов является костюм, раскрывающий особенности одежды, головных уборов, украшений, обуви данной группы. При характеристике локальных вариантов одежды марийцев Т.А. Крюкова выделила определенный отрезок времени – середина XIX – начало XX в., так как в этот период в народной одежде еще стойко сохранялись традиционные черты. Проанализировав огромный этнографический материал, она выделила семь комплексов костюма: горномарийская одежда; одежда ветлужских мари; одежда яранских и санчурских марийцев; одежда вятских, или уржумских марийцев; одежда царевokokшайских марийцев; одежда приволжских и моркинских марийцев; одежные комплексы восточных марийцев [Крюкова, 2000, с. 70–90]. Описывая одежду различных территориальных групп, Т.А. Крюкова учитывала ряд признаков: покрой отдельных частей одежды; форма головных уборов; материал, из которого шьется одежда; манера ношения отдельных частей костюма; материал для съемных украшений; способы орнаментации, локализации орнамента и т.п.

Под ее руководством начиналось создание программы-вопросника для сбора материалов по одежде народов Поволжья и Приуралья. Научная ценность этой программы состоит в том, что она очень подробная и содержит несколько блоков вопросов, связанных с материалами для изготовления одежды, технологией изготовления одежды, функциональными комплексами и типами одежды. Специальный блок вопросов был посвящен мужской и детской одежде, обрядовым комплексам костюма [Котова, Лойко, 2000, с. 113–123].

Татьяна Александровна Крюкова из плеяды этнографов с классической подготовкой, в памяти она остается как неутомимая исследовательница-подвижник. Все ее работы основаны на подлинных этнографических фактах, каждый ее вывод – анализ, сделан на большом полевом, историческом, архивном, музейном материале. К ее научным исследованиям обращаются многие современные этнологи, культурологи, историки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Котова Е.Н., Лойко Л.М. Программа-вопросник для сбора материалов по одежде народов Поволжья и Приуралья // *Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой.* СПб., 2000. С. 113–123.

Крюкова Т.А. Коллекция П.С. Палласа по народам Поволжья // *Сб. МАЭ. Т. XII. М.-Л., 1949. С. 139–159.*

Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Л., 1951. 194 с., ил.

Крюкова Т.А. К вопросу об изучении современной одежды марийцев // *Ученые записки МарНИИ. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1953. С. 163–176.*

Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1956. С. 124.

Крюкова Т.А. Мордовско-марийские отношения по данным материальной и духовной культуры // *Этногенез мордовского народа. Саранск. 1965. С. 182–184.*

Крюкова Т.А. Этнографические параллели в одежде финно-угров Поволжья и Сибири // *Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. С. 261–268.*

Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Экспедиционно-собираТЕЛЬСкая работа Государственного музея этнографии народов СССР // *Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой.* СПб., 2000. С. 91–112.

Крюкова Т.А. Этнографические и локальные группы марийцев (по материалам одежды) // *Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой.* СПб., 2000. С. 70–90.

Крюкова Т.А. НРФ МарНИИ, оп. 2. МЭЭ 1959–60, № 4; МЭЭ 1961, № 8; МЭЭ 1966, № 27; МЭЭ 1968, № 32, 33, 34.

Молотова Т.Л. Вклад Т.А. Крюковой в исследование марийского народного костюма // *Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа // АЭМК. Вып. 29: сб. ст.: МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2007. С. 103–117.*

Сепеев Г.А. Т.А. Крюкова и этнография марийцев // *Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа // АЭМК. Вып. 29: сб. ст.: МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2007. С. 94–102.*

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 94 (470.343)

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ
(к 90-летию профессора К.Н. Санукова)

© 2025 г. С.К. Свечников

Доктор исторических наук, профессор Ксенофонт Никанорович Сануков (1935–2020) широко известен как ученый, педагог, общественный деятель, автор монографий, учебно-методических пособий, огромного количества статей по истории советской промышленности и рабочего класса, Марийского края, народов Поволжья и Приуралья, финно-угристике.

Становление Ксенофонта Никаноровича как ученого началось с детского возраста. Он родился 5 февраля 1935 года в деревне Носелы Горномарийского района –

в тех краях, где каждый уголок пропитан историей: остатки старинной крепости Аламнер (Оролы кырык), легендарная Иванова гора (Юансир нер), предания об Акпарсе, Екатерининский тракт, Козьмодемьянск... Обучаясь в Мало-Сундырской школе-семилетке, часами пропадал в школьной библиотеке, где к концу учебы прочитал всю имевшуюся там литературу. В ранней юности он мечтал стать капитаном корабля – гордо курсировать по родной Волге-реке. Но волею судьбы молодой романтик поступил в Козьмодемьянское педагогическое училище, а затем в 1953 году – на историческое отделение историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. И ни разу об этом не пожалел – путешествие в историческое прошлое оказалось таким увлекательным занятием, что оно сразу же и напрочь затмило юношеские грезы о дальних плаваниях. Конечно, он тогда никак не мог предположить, что увлечение исторической наукой подарит ему поездки в десятки стран мира, включая в невообразимо далекую и экзотическую Австралию.

В студенте Ксенофонте Санукове преподаватели пединститута сразу же увидели потенциал будущего ученого, наперебой предлагая ему заняться той или иной темой научного исследования. В свою очередь, и самому К.Н. Санукову повезло с высококвалифицированными учеными-наставниками. Особенно сильное влияние на него оказывали такие видные историки, как Василий Федорович Пашуков, Вера Матвеевна Тарасова, Мария Ивановна Терешкина, Абрам Моисеевич Басевич, Алексей Васильевич Хлебников.

Будучи студентом-пятикурсником, в 1958 году он соприкоснулся с темой репрессий, работая над статьей «Ленинский комсомол – боевой помощник Коммунистической партии в коллективизации сельского хозяйства (на материалах Марийской автономной области)». Среди архивных документов ему попадались материалы о массовом раскулачивании, различных «перегибах». В самой статье нельзя было писать об этих трагических страницах истории, приходилось приглаживать прошлое, несмотря на начавшуюся в стране «оттепель». «Я тридцать лет носил в себе тяжелый груз памяти – даже записать многое было невозможно. Только со студентами на лекциях делился сокровенным», – вспоминал по этому поводу Ксенофонт Никанорович. Тем не менее эта статья, написанная с «саднящей болью в душе», завоевала первое место на конкурсе студенческих научных работ, проводившемся в Маргоспединституте.

После окончания учебы, став ассистентом кафедры истории родного института, К.Н. Сануков начал писать кандидатскую диссертацию по теме «Историческое значение присоединения Марийского края к Русскому государству». Однако по стечению ряда обстоятельств он прервал на некоторое время свою научно-исследовательскую работу, а затем переключился на другое диссертационное исследование. 12 января 1962 года он был принят на должность младшего научного сотрудника сектора истории Марийского научно-исследовательского института. Тематикой работ К.Н. Санукова в тот период стали развитие промышленности Марийской АССР в конце 1950-х – 1960-е годы, присоединение Марийского края к Русскому государству, история городов Марийского края, национальная политика в СССР, историография истории Марийской АССР. Ксенофонт Никанорович стал одним из авторов учебного пособия по истории Марийской АССР для учащихся 6–7 классов (1964), активно участвовал в подготовке «Очерков истории Марийской АССР» как член редколлегии, автор главы «Присоединение Марийского края к Русскому государству», соавтор параграфа «Марийский край во второй половине XVI – в начале XVII вв.», разделов «Марийский край в период разложения феодализма и развития капиталистических отношений (конец XVIII – 50-е годы XIX вв.)», «Отмена крепостничества. Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX в.», хронологической таблицы.

В 1970 году К.Н. Сануков в Институте истории СССР АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие промышленности Марийской

АССР в 1956–1965 гг.». В течение длительного времени (с 1973 по 1982 год) Ксенофонт Никанорович жил и работал за пределами родной республики – в Ульяновском сельскохозяйственном институте, затем Рыбинском авиационном технологическом институте. Одновременно он писал докторскую диссертацию по теме «Рабочий класс – ведущая сила экономического сотрудничества народов СССР (60–70-е гг.)», принимал участие в крупных научных конференциях в Москве, Минске, Алма-Ате, Фрунзе, Донецке, Новосибирске, Казани, Куйбышеве и других городах СССР, публиковался в общесоюзных журналах «История СССР», «Научный коммунизм», «Вопросы истории КПСС». К.Н. Сануков заметно вырос как ученый, обрел известность и авторитет в научном мире. Данное обстоятельство позволяло ему делать смелые выводы, меньше опасаясь за последствия, как это было тогда, когда К.Н. Сануков делал лишь первые самостоятельные шаги в науке. В частности, еще в начале 1980-х годов им было опубликовано ряд работ, в которых отмечались противоречия и нерешенные проблемы национальной политики партии и правительства страны.

Докторскую диссертацию К.Н. Сануков защитил летом 1986 года, когда был директором МарНИИ (1982–1986), а в стране шла «перестройка». В период руководства институтом Ксенофонт Никанорович уделял большое внимание вопросам повышения эффективности научных исследований, внес существенный вклад в пропаганду научных знаний и деятельности института. Учреждение работало над фундаментальными трудами «История Марийской АССР», «История марийской литературы», первым томом «Словаря марийского языка». Ксенофонт Никанорович являлся редактором «Истории Марийской АССР» в 2-х томах, а также автором и соавтором различных разделов. На основании подготовленных под руководством К.Н. Санукова документов в июле 1983 года постановлением Совета министров РСФСР МарНИИ было присвоено имя В.М. Васильева. В феврале 1994 года МарНИИ начал издавать научный журнал «Финно-угроведение», и Ксенофонт Никанорович являлся его главным редактором вплоть до 2017 года. Руководство К.Н. Санукова институтом продолжалось до 27 ноября 1986 года.

Перестроечные процессы в исторической науке Марийской АССР начались во многом благодаря активной научной, публицистической и общественной деятельности К.Н. Санукова. 8 мая 1988 года в газете «Марийская правда» вышла его статья «История и гласность» о репрессиях 1930-х годов в Марийском крае. Она вызвала большой общественный резонанс в республике. После нее страницы республиканских и районных газет заполнили многочисленные статьи о репрессиях, написанные и другими авторами. В 1990 году К.Н. Сануков основал и возглавил марийское отделение общества «Мемориал», организовал раскопки Мендурского кладбища. Но самое главное – Ксенофонт Никанорович успел выявить в архивах огромный материал по

репрессиям, а затем на его основе написал книги и статьи. Наиболее значимые из них – это 3-томная «Трагедия народа: Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» и выдержавшая два издания книга «Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов».

Одним из важнейших направлений научных исследований К.Н. Санукова была финно-угристика – изучение истории финно-угорских народов, их положения в составе Российской Федерации и прогнозирование будущего финно-угорского мира. Занимаясь этой проблематикой, Ксенофонт Никанорович поднялся на высокий международный уровень. Он принял участие в работе более 30 международных конференций, в том числе в Австралии, Великобритании, Венгрии, Германии, Латвии, Нидерландах, Польше, США, Финляндии, Швеции, Украине, Эстонии. Развивались и крепили его связи с зарубежными учеными, такими как Алхо Алхониemi, Сеппо Лаллукка, Илдико Лехтинен, Хеймо Рантала, Пол Фрайер, Хейкки Эскелинен (Финляндия), Антал Барт, Петер Домокош, Дьерд Нановски, Янош Пустаи, Иштван Фодор (Венгрия), Хено Сарв (Эстония), Роджер Бартлет, Пол Дукс, Джеймс Форсайт (Великобритания), Андреас Каппелер (Швейцария), Борис Майснер, Герхард Симон, Эуген Хелимски (Германия), Гейл Лапидус, Марк Уайтхауз, Ален Франк, Джеффри Харлиг (США) и многими другими. При этом зарубежные коллеги старшего поколения относились к марийскому профессору как к авторитетному ученому, а более молодые исследователи считали его своим гуру. По большому счету на своем примере К.Н. Сануков показал, что солидные, серьезные исследования мирового уровня могут вестись не только в столицах и крупных научных центрах, но и в нашей марийской глубинке.

Важнейшим достижением научно-педагогической деятельности К.Н. Санукова стало создание им собственной исторической научной школы. Школа профессора К.Н. Санукова начала формироваться в 1991 году, когда ученый пришел работать на кафедру отечественной истории Марийского государственного университета, где была открыта аспирантура по специальности «Отечественная история». В 1993 году К.Н. Сануков возглавил организованную при его активном участии кафедру региональной истории, куда перешли и его аспиранты. Концепция истории Марийского края, разработанная К.Н. Сануковым и творчески развиваемая его учениками, основана на следующих базовых принципах: 1) необходимо давать широкое полотно полной и правдивой истории во всем многообразии, сложности, противоречивости; 2) бескомпромиссно отрицательное отношение к любой мифологизации истории; 3) осмысление истории с позиции своего народа и с учетом общечеловеческих гуманистических ценностей; 4) историческое знание является основой национального самосознания, историк своими работами формирует этническое самосознание народа, способствует сохранению и дальнейшему развитию

этноса, при этом он не должен следовать ксенофобским идеям. Вокруг личности К.Н. Санукова на кафедре региональной истории МарГУ образовалось сообщество критически мыслящих исследователей. Большинство аспирантов и соискателей Ксенофонта Никаноровича с честью прошло все этапы становления ученого, успешно защитив свои научные работы на диссертационных советах Казани и Чебоксар в 1997–2008 годах. Это Сутырина Ольга Николаевна, Москвина Лидия Павловна, Чузаев Родион Иванович, Ялтаев Иван Федорович, Ожиганова Елена Анатольевна, Ефимова Нина Аркадьевна, Свечников Сергей Константинович, Ошаев Алексей Григорьевич, Цыкина Юлия Юрьевна, Малинина (Синуткина) Ольга Сергеевна.

Между тем еще с 1990-х годов у Ксенофонта Никаноровича начались серьезные проблемы со здоровьем. Все чаще и чаще ему приходилось проходить курс лечения в больнице. Причины его недугов лежали на поверхности, и он их прекрасно осознавал. Во-первых, это напряженная общественно-политическая деятельность на ниве активного участия в движении за национальное возрождение марийского народа. Во-вторых, ученый слишком эмоционально, пропуская через всю свою душу и сердце, воспринимал материалы из документов о прошлом родного народа и родного края – особенно леденящие душу архивные источники по жертвам массовых репрессий. Каждую свою книгу, изданную в XXI веке, Ксенофонт Никанорович сопровождал фразой: «Это моя лебединая песня». Можно сказать каждая его книга, появившаяся за последние 20 лет, является своеобразным завещанием великого ученого. Он спешил реализовать все, что было задумано. Поэтому именно в 2000–2010-х годах были опубликованы его главные и лучшие книги: «История марийского народа: учебное пособие» (в соавторстве с А.Г. Ивановым) (пять изданий – 1998 (на мар. яз.), 1999, 2011, 2017, 2022), «Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов» (два издания – 2000 и 2005), «Председатель исполкома: Очерк жизни и деятельности И.П. Петрова» (1893–1938 гг.) (2000), «Путь в науку и в науке» (2004), «Просветитель Павел Петрович Глезденев: очерк жизни и деятельности» (2005), «Марийская автономия» (два издания – 2005 и 2010), «Валериан Михайлович Васильев: очерк жизни и деятельности» (2007), «Наши земляки: пути и судьбы» (2011), «Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее» (2011), «Вопросы региональной историографии» (2012), «Лӱмлӱ лӱм-влак» («Известные имена») (2012), «Владимир Мухин-Сави: очерк жизни и деятельности» (2013), «Из истории Марий Эл: страницы известные и неизвестные» (2013), «С.Г. Чавайн: жизнь и судьба (2013)», «Марий Эл: между прошлым и будущим (2014)», «Никон Игнатьев: очерк жизни и деятельности» (2014), «История Марий Эл: учебное пособие» (в соавторстве с А.Г. Ивановым) (2015), «Марий калык: эртыме корно» («Марийцы: прошлое») (2016), Кырык сиреш шачыныт: очерквлӓ («Родились на горномарийской земле: очерки») (2017).

Кроме того, у К.Н. Санукова вышли сотни статей в журналах, газетах, научных сборниках. Точное количество его работ не поддается подсчету. Также изданы написанные им разделы и главы в различных коллективных монографиях, в том числе в двухтомнике «История Марий Эл с древнейших времен до наших дней», вышедшем из печати в ноябре 2020 года, когда ученого уже проводили в последний путь.

С полным перечнем опубликованных работ К.Н. Санукова можно ознакомиться в следующих изданиях: 1) Сануков Ксенофонт Никанорович: биобиблиографический указатель / сост. Н.А. Левенштейн. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. 130 с. (Материалы к биобиблиографии ученых МарГУ. Вып. 32); 2) Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Профессор Сануков Ксенофонт Никанорович (к 75-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. 2010. Вып. 20. С. 303–306; 3) Айплатов Г.Н., Иванов А.Г., Стариков С.В. Неутомимый труженик науки (Профессору К.Н. Санукову – 80 лет) // Марийский археографический вестник. 2015. Вып. 25. С. 275–277.

Исследовательская, научно-педагогическая и общественная деятельность К.Н. Санукова получила широкое признание. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Марийской АССР» (1986), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1998), Почетный гражданин города Йошкар-Олы (2000), Почетный профессор Марийского государственного университета (2004), присуждена Государственная премия Республики Марий Эл им. М.Н. Янтемира в области науки (2005), награжден орденом «За заслуги перед Марий Эл», медалями орденов «За заслуги перед Отечеством» II степени и «За заслуги перед Марий Эл», медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За гуманизм и служение России. В ознаменовании 100-летия со дня рождения М.А. Шолохова», «За служение народу» (к 100-летию со дня рождения Йывана Кырли).

Имя Ксенофонта Никаноровича Санукова стало символом научного мира Марий Эл. Им достигнуты высоты, которые до него не были покорены ни одним из историков Марийского края.

Свечников Сергей Константинович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov

Candidate of History,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821

**Рец.: Поэтика литератур народов Урало-Поволжья:
коллективная монография / под ред. М.И. Ибрагимова.
Казань: ИЯЛИ, 2024. 304 с.**

© 2025 г. В.А. Бигуаа

Опубликованный в 2024 году в Казани коллективный труд «Поэтика литератур народов Урало-Поволжья» был подготовлен лабораторией сопоставительного татароведения ИЯЛИ АН РТ в рамках реализуемого научного проекта «Национальные литературы Урало-Поволжья: исследовательские парадигмы и практики» (проект включен в государственную программу Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан»). Руководитель проекта – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Целью данного проекта является объединение учёных Волго-Уральского региона, занимающихся изучением литератур проживающих в нем народов. Проект предусматривает проведение научных семинаров, круглых столов с участием учёных из Татарстана, Чувашии, Марий Эл, Удмуртии, Башкортостана, Мордовии, а также исследователей из других регионов, ведущих теоретико-методологические поиски в области изучения национальных литератур.

Монография «Поэтика литератур народов Урало-Поволжья» проблематизирует различные аспекты изучения поэтики литератур народов Урало-Поволжья. Рубеж XX–XXI веков ознаменовался возрастанием интереса к вопросам поэтики, появлением новых направлений, связанных с этим понятием: онтологическая поэтика, геопэтика, этнопэтика.

Развитию новых направлений в области поэтики в значительной степени способствовали исследования национальных и региональных литератур. Например, в рамках геопэтики особое внимание уделяется локальным текстам: кавказский текст, сибирский текст [Тюпа, 2002], уральский текст [Абашев, 2012] и пр.

В рамках литературной компаративистики развивается сопоставительная поэтика как одно из перспективных направлений в сопоставительном литературоведении, теоретико-методологические принципы которого были обоснованы в трудах казанского ученого-теоретика Я.Г. Сафиуллина и его последователей: В.Р. Аминовой, А.З. Хабибуллиной, М.И. Ибрагимовым, Э.Ф. Нагумановой и др. Предметом сопоставительной поэтики, по определению В.Р. Аминовой, является выявление в процессе сопоставления национальных литератур различий их композиционных и архитектурных форм [Аминова, 2019, с. 7].

Волго-Уральский регион представляет значительный интерес для исследований по сопоставительной поэтике: здесь на протяжении многих столетий сосуществуют во взаимодействии литературы разных коренных народов (татар, башкир, чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы), которые имеют собственные траектории развития.

В монографии представлены статьи, посвященные различным вопросам изучения поэтики литератур народов Урало-Поволжья: поэтика фольклорного текста; жанровые процессы в литературах народов Волго-Уалья; историческая поэтика стиха; лингвистические методы в исследовании поэтики литературного текста; поэтика перевода; индивидуальные художественные системы.

Различны и методы, к которым обращаются авторы монографии в своих трудах. Так, В.Г. Родионов в своем исследовании эволюции чувашского стиха опирается на метод исторической поэтики. Ученый в большом историческом времени рассматривает картину изменений метрики чувашского стиха, которые, по его словам, были обусловлены «культурно-цивилизационными контактами тюркских племен с иноязычными этническими сообществами евразийского пространства» [Поэтика ... , 2024, с. 162]. Интересны наблюдения исследователя над поэтикой современного чувашского стиха, в частности, над явлением метрического синкретизма, когда принципы силлабического стихосложения соединяются с характерными для древней тюркской поэзии способами метрической организации текста (к таковым, например, относится аллитерационный стих).

Поэтика фольклорного текста – предмет исследовательского внимания ученых из Мордовии А.М. Шаронова и Е.А. Шароновой: в статье первого автора – «Фольклорное и авторское сознание “Масторавы”» – анализируется соотношение фольклорного и авторского сознания в героическом эпосе эрзян и мокшан «Масторава» [Поэтика ... , 2024, с. 31–48]; в работе Е.А. Шароновой – вопрос о взаимодействии фольклорной и литературной традиций на примере «Калевалы», «Калевипоэга», «Масторавы», «Дорвыжы», «Югорно» [Там же, с. 12–30].

Марийская исследовательница Р.А. Кудрявцева рассматривает вопрос о фольклорном интертексте в романах классика марийской литературы С. Чавайна [Поэтика ... , 2024, с. 49–75].

Значительное место в коллективной монографии занимают труды, посвященные вопросам поэтики жанров. Так, в статье В.Р. Аминовой исследуются явления жанровой конвергенции: ученый рассматривает случаи обращения известных татарских поэтов (Х. Туфана, Р. Файзуллина, Р. Гатташа) к жанрам восточной литературы (арабомусульманской, японской) и выделяет разные типы диалога: переложения, стилизации восточных жанров (рубай, газель, хокку), а также случаи, когда авторы выходят за рамки жанрового канона [Поэтика ... , 2024, с. 76–98].

В статье В.Л. Шибанова исследуется венок сонетов в удмуртской поэзии. На примере творчества Г. Сабитова, А. Петрова, И. Боброва, А. Кузнецовой ученый устанавливает факторы, способствовавшие повышению интереса к этому жанру в удмуртской поэзии второй половины XX века [Поэтика ... , 2024, с. 121–139].

В центре внимания Д.Ф. Загидуллиной оказывается теоретически не отрафлексированная жанровая форма татарской поэзии – «озын шигырь» («длинное стихотворение»). Устанавливая ее генезис, ученый выделяет этапы развития этого жанра в татарской поэзии XX века [Поэтика ... , 2024, с. 99–120].

В аспекте сопоставительной поэтики написана статья А.З. Хабибуллиной, посвященная жанру элегии и элегическому модусу художественности в татарской и русской поэзии [Поэтика ... , 2024, с. 140–161].

В статьях А.А. Арзамазова и Д.Д. Сулеймановой на примере творчества удмуртских поэтов и татароязычных писателей Башкортостана рассматриваются перспективы применения лингвистических методов в исследовании поэтики литературного текста: А. Арзамазов на примере творчества удмуртских поэтов А. Волкова и С. Перевощикова устанавливает доминантные темпоральные модели и способы их грамматической репрезентации [Поэтика ... , 2024, с. 216–241]; Д. Сулейманова – эстетический потенциал парных слов в творчестве татароязычных писателей Башкортостана [Там же, с. 242–261].

В эпоху поэтики модальности значительно возрастает роль личностного начала в литературе. Особенно ярко эта характерная для эпохи модальности в целом черта проявилась в модернизме начала XX века. В статье исследовательницы из Екатеринбурга Е.К. Созиной рассматривается творчество коми-зырянского поэта К.Ф. Жакова как явление модернистского неомифологизма: ученый устанавливает содержание конституирующих его философско-художественную систему понятий и их проявленность в поэтике произведений автора [Поэтика ... , 2024, с. 186–204].

Статья татарского литературоведа А.М. Закирзянова посвящена поэтике драматургии Туфана Миннуллина. Ученый анализирует художественные приемы, отражающие диалог традиции и новаторства в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков [Поэтика ... , 2024, с. 205–215].

В формировании межлитературных общностей значительную роль играют переводы. Речь прежде всего идет о переводах с одного национального языка на другой. Вместе с тем нельзя преуменьшать и роль русского языка как одного из интегративных факторов волго-уральской межлитературной общности – большинство читателей, как правило, владеют только родным и русским языком, и переводы на русский язык, таким образом, становятся для них способом постижения литератур соседних народов. В статье Э.Ф. Нагумановой на примере переводов на русский язык произведений современных татарских поэтов проблематизируется вопрос о непереводаемых смыслах и о возможных путях их трансляции в художественных переводах [Поэтика ... , 2024, с. 262–279].

Монография «Поэтика литератур народов Урало-Поволжья» открывает цикл коллективных трудов, целью которых является сравнительное и сопоставительное изучение национальных литератур этого региона. В настоящий момент начата работа над второй монографией, предметом которой будут явления литературной конвергенции и дивергенции. Этот вопрос вынесен в качестве темы очередного круглого стола, который состоится в Казани 25–26 сентября 2025 года. Эта тема представляет интерес как для ученых, занимающихся исследованиями в области изучения литератур народов Урало-Поволжья, так и для исследователей других национальных литератур (подробная информация об этом круглом столе содержится на сайте ИЯЛИ АН РТ: <https://www.antat.ru/ru/iyli/>).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. 140 с.

Аминева В.Р. Предмет и методы сопоставительной поэтики // Сопоставительная поэтика русской и татарской литератур: коллективная моногр. / В.Р. Аминева, М.И. Ибрагимов, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2019. С. 4–11.

Поэтика литератур народов Урало-Поволжья: коллективная моногр. / под ред. М.И. Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2024. 304 с.

Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2002. № 1. С. 27–35.

Бигуаа Вячеслав Акакьевич

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела
литератур народов Российской Федерации
и СНГ ИМЛИ им А.М. Горького РАН,
г. Москва
e-mail: lit-sng@mail.ru

Vyacheslav Biguaa

Doctor of Philology, Leading Researcher
of the Department of Literature
of the peoples of the Russian Federation
and CIS of the Institute of World Literature
named after A.M. Gorky,
Russian Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: lit-sng@mail.ru

УДК 821.161

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НАРОДА МАРИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Рец.: Федосеева Н.А. Писатель и слово.

**Марийский литературный процесс первой половины XX века /
Н.А. Федосеева. Йошкар-Ола: Издательский дом
«Марийское книжное издательство», 2024. 190 с.**

© 2025 г. А.В. Камитова

Марийская литература первой половины XX века неоднократно становилась объектом исследовательских интересов в гуманитарной науке, но вопросы изучения ее развития не теряют своей актуальности и по сей день. Отдельные сюжеты становления национальной словесности находятся в зоне научной рефлексии и Н.А. Федосеевой, результаты работы которой отражены в ряде ее статей и авторской монографии «Истоки формирования художественной словесности народов мари» (2017). В своих трудах автор обращается к освещению широкого круга историко-литературных вопросов. Эта тема нашла продолжение и в новой монографии Н.А. Федосеевой «Писатель и слово. Марийский литературный процесс первой половины XX века» (2024). В ней исследователь обратилась к изучению отдельных произведений марийских писателей, а также критических статей и рецензий, дающих представление о литературной жизни Марийского края обозначенного периода.

Композиционно монография состоит из введения, 3-х основных частей, каждая из которых разделена на главы и параграфы, заключения, приложения и списка использованной литературы и источников. Н.А. Федосеевой рассмотрены такие вопросы, как зарождение марийской литературы, организация писательской работы, роль периодической печати в становлении марийской литературы, особенности жанрового развития и переводческого процесса, формирование марийской критики и литературоведения. Заявленный в монографии широкий спектр проблем объясним тем, что охвачен большой историко-литературный период развития марийской словесности.

Во вводной части Н.А. Федосеева обращается к актуальной для современной гуманитарной науки проблеме регионального изучения литературы,

освещает труды, в которых этот вопрос нашел наиболее полное теоретическое обоснование. Пунктирно изложенные научные положения являются предварительной частью для аналитического (основного) раздела монографии.

В центре исследовательского внимания первой части – вопросы формирования литературного движения в Марийском крае. В первой главе автор сосредоточен на творчестве Сергея Чавайна, Александра Конакова, Никона Игнатьева – «трех столпах», на которых базировалась марийская литература на заре своего становления. Н.А. Федосеевой объективно представлены жизненная и творческая биография С. Чавайна, становление его мировоззрения; подчеркнута заметная схожесть его творческого пути с деятельностью других основоположников литературы народов Урало-Поволжья. Деятельность А. Конакова, марийского писателя, стоявшего у истоков национальной драматургии, раскрыта полноценно и глубоко, в т.ч. и благодаря привлечению архивных материалов. Н.А. Федосеева описывает непростой путь драматурга, реконструирует его биографию, определяет магистральные темы в его творчестве. Открывая художественный мир горномарийского писателя Н. Игнатьева, автор уловил характерные для его стиля признаки: писатель следует за традицией изображения христианских тем, однако, наряду с ними, создает произведения с явным антирелигиозным содержанием (с. 27–28); особое место в его произведениях занимает диалог с иными национальными культурами.

Во второй главе рассматриваются особенности формирования писательской работы в Марийском крае в первой половине XX века. Центром притяжения творческой интеллигенции в этот период, по словам Н.А. Федосеевой, становятся города Краснококшайск и Козьмодемьянск. Ценными являются воссозданные автором рабочие моменты первых собраний и конференций, царившая в них атмосфера. Достаточно подробно описаны обсуждаемые на творческих встречах проблемы того времени, которые волновали писателей.

Третья глава посвящена изучению первых периодических изданий, их содержательной структуры, жанровой и тематической наполненности. Издаваемые в первой половине XX века журналы и газеты стали хорошим трамплином для будущих писателей, на их страницах они оттачивали свое художественное мастерство.

Во второй части монографии, состоящей из нескольких глав, проделан анализ движения жанров в марийской литературе, определены этапы интенсивного формирования и доминирования отдельных жанровых форм. Основываясь на количественных показателях, Н.А. Федосеева приходит к выводу, что марийская словесность начинала свой путь от малых жанров (рассказа и эссе), а затем перешла к освоению более крупных (повести и романа). Подробный анализ отдельных поэтических текстов разных прозаиков позволил автору оттенить неповторимый стиль каждого из них, выделить магистральные

тематические пласты. Автор приходит к обобщающему выводу, что поэзия (как и проза) в 1930-е годы достигает успехов как в форме, так и в технике стихосложения (с. 68).

Также в этой части актуализирован неизученный пласт марийской словесности, определяемый термином «письма вождю» и осмысленный автором как литературный факт. Н.А. Федосеевой удалось рельефно оттенить наиболее активно употребляемые средства художественной выразительности при изображении руководителей страны.

Отдельное внимание уделено освещению вопросов развития марийской драматургии в первой половине XX века, раскрытию ее роли в литературном процессе региона обозначенного периода. Определено, что создаваемые марийскими писателями пьесы подчинялись культурно-историческим веяниям эпохи.

В третьей части монографии рассматривается роль перевода и критики в формировании марийской литературной традиции, обнажаются проблемные сферы в этой области. Детально рассмотрены переложённые на марийский язык в первой половине XX века поэтические и прозаические тексты классиков русской литературы (А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, Л. Толстого, Н. Некрасова). Представлена история того, как национальные писатели осваивали язык, стиль, образную систему произведений переводимых авторов, описаны творческие успехи и погрешности переводчиков в этом ремесле. Благодаря количественному сбору и систематизации материалов установлены факты самых ранних и поздних опытов перевода на марийский язык русской классики; выявлены имена марийских писателей, кто обращался к переложению русских поэтов. Интересной и перспективной представляется апробация материала по формированию марийской критики и литературоведения. В научный обиход введен творческий и биографический контекст марийских писателей, которые вели критическую работу и осуществляли написание трудов теоретического характера. Анализ их работ позволил определить характерные для марийского литературоведения тенденции, установить общие и частные проблемы, выбранные ими в качестве научного осмысления.

В заключение монографии автор представил полученные выводы, которые отражают основные тенденции марийского литературного процесса первой половины XX века, особенность формирования которого была тесно связана с общим историко-культурным контекстом эпохи.

В монографии и в Приложении представлено множество текстовых иллюстраций (в т.ч. на марийском языке) и фотодокументов, что делает работу более наглядной и информативной.

Монография Н.А. Федосеевой «Писатель и слово. Марийский литературный процесс первой половины XX века» существенно дополняет, уточняет

и переосмысляет устоявшиеся традиции. В работе впервые сделана попытка по-новому взглянуть на те литературные явления, которые, казалось бы, уже оценены по достоинству, но некоторые положения, выдвинутые ранее, устарели. Кроме того, исследование является значимым с точки зрения выявленных автором и введенных в научный оборот новых материалов. «В этом отношении заслуживают особого уважения представленные в работе ценные архивные источники историко-биографического характера».

Книга Н.А. Федосеевой является новым словом в марийском литературоведении. Собранные, систематизированные и подвергнутые анализу в ней материалы, полученные результаты могут быть использованы не только в марийской гуманитарной науке, но могут оказать существенную помощь в написании теоретических работ по истории литератур народов России, а также стать научной базой при чтении лекций в высших и средних образовательных учреждениях.

Камитова Алевтина Васильевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: akamitova@mail.ru

Alevtina Kamitova

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Udmurt Federal
Research Centre
of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: akamitova@mail.ru

УДК 784.4:398.8

МУЗЫКАЛЬНЫЕ РЕЛИКВИИ МОРДОВСКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА

**Рец.: Бояркин Н.И., Бояркина Л.Б. Мордовский
музыкальный эпос. Полевые исследования. Саранск:
Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 500 с.**

© 2025 г. И.М. Нуриева

Имена исследователей мордовского музыкального искусства Николая Ивановича Бояркина и Людмилы Борисовны Бояркиной широко известны не только в нашей стране. Труды и исследования ученых цитируются в Эстонии, Финляндии, Венгрии и других странах. Авторы фундаментальных многотомных трудов «Памятники мордовского народного музыкального искусства» [1981, 1984, 1988], энциклопедического справочника «Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность» [2006], «Мордовской музыкальной энциклопедии» [2011], первого труда по истории науки «Очерки по истории финно-угорской этномузыкологии» [2016], нескольких монографий, многочисленных статей всегда были в авангарде передовых научных идей, воплощая в своих работах опыт многолетних полевых исследований. Важным событием в финно-угорском этномузыковедении стал выпущенный в 2019 году в издательстве Мордовского университета двухтомник «Мордовские инструментальные традиции: музыкально-этнографическое исследование», подготовленный Н.И. и Л.Б. Бояркиными, состоящий из полного систематического описания мордовских народных музыкальных инструментов (1 том «Органофония: типология, исторические и межэтнические контексты») и нотных образцов инструментальной и вокально-инструментальной музыки (всего 235 нотировок), транскрибированных в соответствии с структурно-аналитическим методом нотации Е.В. Гиппиуса (2 том «Инструментальная музыка: структурно-аналитические транскрипции»). Отметим, что большинство записей инструментальной музыки были зафиксированы авторами в полевых экспедициях еще в 1970–1980-е годы, когда свободно функционировали такие архаичные наигрыши, как звукоподражания пению петуха, соловью, жаворонку, трясогузке, сыгранные на аэрофонах; раритетные наигрыши, названия

которых свидетельствуют о мифологических мотивах: пляска «золотое перо», старик-медведь, береза и др.

Очевидно, что этот древнейший мифологический пласт мордовской музыкальной культуры не мог оставить равнодушными пытливых исследователей. Свидетельство тому – новое «свежее» издание Николая Ивановича Бояркина и Людмилы Борисовны Бояркиной «Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования», которое вышло в Саранске в 2024 году в издательстве Мордовского университета им. Огарёва. Эта книга, посвященная музыкальному эпосу мордвы, как и предыдущие издания, закрывает очередную лакуну в мордовском этномузыковедении и одновременно дает сильнейший стимул для финно-угорских исследователей обратить серьезное внимание на жанр эпоса в музыкальной культуре народов.

Эпос в традиционной музыке финно-угров Волго-Камья до настоящего времени не был предметом отдельного исследования (исключения составляют сборник статей «Музыка эпоса», изданный в Йошкар-Оле в 1989 году, и ряд публикаций по удмуртскому песенному фольклору). Потому труд мордовских коллег сразу же вызвал большой интерес в регионе, прежде всего интереснейшим материалом и своим методологическим подходом к трактовке жанра.

В предисловии к изданию авторы среди прочих вопросов подробно останавливаются на проблеме систематики мордовского музыкального эпоса, критически осмысливая научные подходы мордовских ученых-филологов и ведущих отечественных музыковедов-эпосоведов, выдвигая при этом свой метод классификации. Он основан на выделении ведущего мотива поэтического текста песни, вокруг которого разрабатывается сюжет. Не скрою, такой «филологический» подход к музыкальному материалу поначалу озадачил, так как филологическая классификация опирается на содержание фольклорного текста и включает в себя достаточно широкий круг повествовательного фольклора. Этномузыковедческое же определение любого жанра направлено на выявление типологии структуры напева «под воздействием общественной функции и содержания» (Гиппиус Е.В.), потому рамки музыкального эпоса заведомо сужены (в частности, в русском фольклоре былинами). Но в итоге «филологический» подход к мордовскому фольклору оказался более продуктивным. Значительно расширив эпическую сферу мордовского фольклора, авторы выстроили грандиозную, воистину эпическую картину истории мордовского народа: «Описываемые подходы к публикации полевых материалов позволяют выстроить их систематику таким образом, чтобы по возможности дать объемную картину отраженных в эпосе различных периодов истории культуры народа от древних корней, уходящих в мифологическую архаику родоплеменной эпохи через эпохи становления новых общественно-социальных формаций и форм хозяйствования, до позднейших времен, когда мордва попала в орбиту интен-

сивных этнических контактов с народами современной центральной России» (с. 15). Таким образом, преодолев методологические стереотипы и взяв за основу принцип историзма, авторы по-новому раскрыли проблему музыкального эпоса и блестяще ее доказали.

Музыкальный корпус материалов предваряется исследованием, состоящим из трех глав, каждая из которых последовательно раскрывает образно-тематическое содержание, музыкально-стиховую структуру и мелодико-многоголосные формы. Аналитический раздел содержит очень мощную спрессованную информацию, осмысление которой еще предстоит после углубленного изучения работы.

Основополагающим принципом в настоящем труде, как и в предыдущих работах авторов, является опора на полевые исследования мордовской традиции. Он заключается не только в записи собственно образцов музыкально-песенного фольклора, но и фиксации всего контекста его функционирования: быта народа, его истории, менталитета, психологии, коммуникативных аспектов и др. Очевидно, что научная теоретическая концепция «Мордовского музыкального эпоса» сложилась в результате более чем сорокалетней полевой работы, первостепенность и важность которой подчеркнуто в названии книги: «Полевые исследования». Несмотря на то что полевой материал был собран на очень широкой территории, включая республики бывшего СССР, авторы сосредоточили свое внимание на двух исторически сложившихся традициях: мокши (междуречье Мокши и Инсара на территории Республики Мордовия) и эрзи (обширные районы левобережья Средней Волги – села Самарской области, примыкающих к ней северных районов Оренбургской области и юго-восточных районов Республики Татарстан).

Уникальные полевые материалы, зафиксированные авторами в течение нескольких десятилетий и ставшие основой книги, показывают глубину, богатство и неисчерпаемую красоту мордовской музыкальной культуры. В издание вошло 72 образца с вариантами, подавляющее большинство которых представлено в многомикрофонной (многоканальной) записи, репрезентирующих особенности многоголосного пения мордвы. Нотировки, как и в предыдущих изданиях авторов, представлены в виде аналитических партитурных транскрипций напевов. Отдельная тема в подобных изданиях – методы подачи поэтических текстов и их переводов. Этномузыковеду, публикующему этнический музыкальный фольклор, необходимо знать лингвистические методы презентации материала, то есть быть диалектологом и лексикологом, а также владеть профессией переводчика. В этом издании все эдиционные принципы соблюдены: в мордовских текстах отражаются особенности мокшанских и эрзянских говоров. Переводы на русский язык сохраняют стиховую и строфовую форму мордовских оригиналов, при этом в переводах оставлены

отдельные мордовские слова, связанные со специальной терминологией, что подчеркивает национальную специфику материала. Расшифровать эти термины помогает Этнолингвистический словарь, помещенный в научно-вспомогательный раздел. Указатели, подробные комментарии, содержащие, помимо данных об исполнителях, сведения о всех опубликованных вариантах песни и краткий сюжет песни с выделенным мотивом, составляют важную часть академического издания.

О высоком научном стиле письма авторов уже неоднократно отмечалось в самых разных рецензиях. Добавлю к строгости описания, доказательности и логичности изложения материала, ставшими узнаваемыми в «почерке» авторов, еще и музыкальность описания тех разделов, где речь идет о самой музыке.

По своей масштабности, высокому научному уровню, соответствию новейшим требованиям, грандиозному охвату материала книга «Мордовский музыкальный эпос. Полевые исследования» пока не знает равных не только в региональном, но и в российском этномузыковедении. Опора на устоявшиеся в российском этномузыковедении и фольклористике основные методологические подходы, принципы представления музыкальных образцов и их систематики, масштаб охвата фольклорного, этнографического и музыкального материала, глубина научных обобщений выдают высочайший профессионализм авторов и вновь задают высокую планку для региональной финно-угристики.

Аутентичные образцы мордовского музыкального эпоса заинтересуют не только этномузыковедов, фольклористов и этнографов, но и лингвистов, культурологов, литературоведов, а книга станет еще одним весомым вкладом в изучение музыкальных культур народов России.

Нуриева Ирина Муртазовна

доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: nurieva-59@mail.ru

Irina Nurieva

Doktor of Art History,
Leading Researcher of Udmurt Federal
Research Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: nurieva-59@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 902

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ» (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЕРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА НИКИТИНА)

© 2025 г. А.В. Акилбаев

17 февраля 2025 года в Йошкар-Оле состоялся круглый стол «Достижения и перспективы археологии в Республике Марий Эл» (к 85-летию со дня рождения Валерия Валентиновича Никитина). Организатором этого мероприятия выступило научное направление «Археология» МарНИИЯЛИ.

В работе круглого стола приняли участие археологи из Республики Марий Эл (УНАЭЦ МарГУ, Национальный музей Республики Марий Эл имени Т. Евсеева, МарНИИЯЛИ), представитель Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, сотрудник Института Археологии РАН. Стоит отметить, что подобные собрания, объединяющие все археологическое сообщество республики, проходят не часто.

Основной темой стали полевые исследования, прошедшие в последние годы. На круглом столе прозвучали одиннадцать докладов. Ученые поделились результатами археологических раскопок и разведок на территориях Марий Эл, Чувашии, Костромской области. Все доклады можно разделить на три группы: 1) результаты археологических раскопок; 2) археологические разведки; 3) разное (не рассказывающие непосредственно о полевых изысканиях).

К первой группе относятся доклад о раскопках на Типсирминском селище, расположенном на окраине Чебоксар (Пигарев Е.М., Данилов П.С., Соловьев Б.С.). Исследование этого памятника выявило объекты и материал: осколки керамической посуды, вещи, связанные с металлургическим производством, бытовые предметы, относящиеся, по предварительным данным, к первым векам нашей эры. К этой же группе относится доклад об археологическом изучении Царевококшайска (Высоцкая Д.С., Соловьев Б.С.). Были выявлены объекты и многочисленные предметы, связанные с бытом горожан, преимущественно XVIII–XX вв. Продолжили тему докладов о раскопках выступления

об изучение погребальных памятников. Это результаты исследования Амоксарского могильника в Чувашии (Никитина Т.Б.), раскопок могильника Кузинские Хутора в Костромской области (Акилбаев А.В.) и итоги изучения Большепямьяльского могильника в Килемарском районе Марий Эл (Воронов В.В., Оруджов Э.И., Соловьев Б.С.). В первых двух случаях был выявлен богатый материал IX–XI вв., характеризующий сложные этнокультурные процессы на периферии расселения марийцев. Во втором случае исследования затронули марийское кладбище XVIII–XIX вв. Также получен богатый материал, состоящий из украшений и бытовых предметов. Промежуточное положение между первой и второй группами занимает доклад Кутузовой Д.О. о результатах изучения памятников I тыс. н.э. в Республике Марий Эл. Он включает в себя как итоги изучения Шоруньжинского могильника, так и данные, полученные в результате разведок.

Вторая группа – доклады об определении границ памятников археологии эпохи камня (Михеев А.В.), о разведке в Горномарийском районе на месте расположения Спасо-Юнгинского монастыря (Скулкин Д.Р.) и о мониторинге археологических памятников на территории Марий Эл (Курочкина С.А.). Мониторинговые исследования и определение границ памятников призваны уточнить современное состояние объектов археологии и уберечь их от разрушения в результате хозяйственной деятельности.

И третья группа докладов не относится к полевым исследованиям. Это доклады об охране объектов археологического наследия в Республике Марий Эл (Михеева А.И.) и об электронной системе хранения археологических отчетов (Морохина Д.Д.).

В рамках круглого стола была представлена передвижная выставка «Дорога, которая меня выбрала» об археологе, докторе исторических наук Валерии Валентиновне Никитине (студентка КазГИК Щеголева А.А., научный руководитель – Руденко К.А., научные консультанты – Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.). На четырех стендах собраны фотографии, рассказывающие о жизненном пути ученого. Каждый стенд имеет свой заголовок – это слова Валерия Валентиновича. Первый стенд посвящен его биографии, второй – учителям, друзьям и коллегам, третий стенд связан с научными достижениями, последний рассказывает об увлечениях Валерия Валентиновича.

Подвели итоги директор МарНИИЯЛИ Григорьева Л.Я., главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ Никитина Т.Б., начальник центра археолого-этнологических исследований, заведующий кафедрой всеобщей истории МарГУ Зеленева Ю.А., начальник отдела по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Михеева А.И. Все участники круглого стола выразили мнение о том, что подобные мероприятия способствуют

укреплению профессиональных связей между различными учреждениями Йошкар-Олы, занимающимися археологическими исследованиями, и отметили необходимость дальнейшей координации усилий среди ученых-археологов Марий Эл.

Археологи МарНИИЯЛИ выражают благодарность всем участникам за поддержку, активное участие в работе круглого стола и плодотворную работу во благо археологического наследия.

Акилбаев Александр Владимирович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

Alexander Akilbaev

Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

УДК 821.511.151

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ДНЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**

© 2025 г. А.Г. Акшиков

7 февраля 2025 года в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) состоялась ставшая традиционной ежегодная научная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки.

Научная сессия нацелена на ознакомление с результатами научных достижений МарНИИЯЛИ, обмен знаниями и опытом в продвижении научных разработок, развитие сотрудничества специалистов по междисциплинарным исследованиям, привлечение талантливой молодежи в сферу исследований, повышение заинтересованности государства и общества в развитии гуманитарных наук.

На торжественном заседании директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева открыла сессию и рассказала об основных научных достижениях института в 2024 году. С приветственным словом выступили: заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл И.Г. Садовин, ректор Марийского государственного университета, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл М.Н. Швецов, ректор Поволжского государственного технологического университета, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл И.В. Петухов, экс-министр образования Республики Марий Эл Р.Г. Катаева. Проблемам современной гуманитарной науки и образования были посвящены доклады «Гуманитарные науки в регионах в парадигме обеспечения устойчивого будущего Российской нации: обновление задач» (директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета Р.И. Чузаев) и «Специфика гуманитарного образования и развития социально-гуманитарных наук в высшей школе» (декан факультета гуманитарного образования Поволжского государственного технологического университета А.В. Ар-

тамонова). Об итогах социологических исследований «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл» рассказала ведущий научный сотрудник направления «Социология» МарНИИЯЛИ О.В. Орлова, отметила в общем спокойную и бесконфликтную обстановку в этноконфессиональных отношениях в регионе. Ведущий научный сотрудник направления «Литературоведение и фольклористика» МарНИИЯЛИ Н.А. Федосеева презентовала свою монографию «Писатель и слово. Марийский литературный процесс первой половины XX века». В издании рассматриваются ключевые аспекты изучения марийского литературного процесса первой половины XX века. Осмысливаются вопросы истории литературы, анализируются принципы и характер взаимодействия драматургии и театра. Впервые освещаются вопросы переводческого процесса, а также подчеркивается роль периодической печати в становлении литературы, акцентируется внимание на жанровых особенностях марийской словесности, организации писательской деятельности и формировании марийского литературоведения и критики.

На сессионном заседании ученые МарНИИЯЛИ поделились с коллегами и гостями форума с результатами своих научных исследований. Ведущий научный сотрудник направления «Археология» А.В. Акилбаев рассказал о работе Марийской археологической экспедиции в 2024 году, которая заключалась в археологических раскопках Амоксарского могильника (Моргаушский район Чувашской Республики), Шоруньжинского могильника (Моркинский район Республики Марий Эл), разведках, работе по определению, уточнению границ территорий археологического наследия. Ведущий научный сотрудник направления «Этнология» С.К. Свечников представил доклад «О личности «из Нагай царя», прибывшего к марийскому сотнику Мамич-Бердею в 1555 году». Докладчик выступил с гипотезой о тождестве упоминаемого в русских летописях приглашенного «из Нагай царя» Ахполбея с калгой (наследником престола) из Астраханского ханства Такбилди. Младший научный сотрудник направления «История» П.О. Леханов выступил с докладом «Эвакуация из Москвы и Московской области в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны». Доклад был посвящен вопросам размещения на территории республики как мирных жителей, так и промышленных предприятий. В нем дано представление о трудностях, связанных с резким ростом нагрузки на местную инфраструктуру и ресурсные фонды. Старший научный сотрудник направления «Литературоведение и фольклористика» М.А. Ключева поделилась со слушателями своими изысканиями при изучении темы «Образ лося в марийском фольклоре».

Участниками научной сессии являлись ученые, государственные служащие, работники учреждений образования и культуры, аспиранты и студенты, краеведы, журналисты.

Мероприятие было проведено в рамках Десятилетия науки и технологий в России и Фестиваля науки в Республике Марий Эл в 2025 году.

Акшиков Александр Геннадьевич

кандидат исторических наук,
заместитель директора-ученый секретарь
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Alexander Akshikov

Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director-Academic Secretary
of Vasilyev Research Institute
of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

«Финно-угроведение», № 1 (69) 2025

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 17.03.2025. Вышел в свет 24.03.2025. Формат 70х100/16.
Усл. печ. л. 11,54. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 448

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А

